

Фарзана Кулеева

**Моя мама –
драгоценный камень
в перстне нашего рода**

Казан 2018

УДК82-94
ББК 84 (2 Рос=Тат)6-442. 3
К 14

Кулеева Ф.

К 14 Моя мама – драгоценный камень в перстне нашего рода /
Ф. Кулеева. – Казань: Академия наук РТ, 2018. – 292 стр.

В книге описывается трагическая судьба рода Алтынбаевых и Кулеевых. И судьба автора, которая в 17 лет, приехав с далеких берегов Иртыша закончила физико-математический факультет Казанского государственного Университета, 40 лет преподавала высшую математику, 20 лет возглавляла общество жертв политических репрессий, 15 лет, являясь руководителем фольклорного ансамбля «Гульджемал» с любовью исполняла татарские народные песни. Она пишет и о своих глубоких переживаниях, о своих детях, внуках, которые своим образом жизни, успехами, поступками радуют её.

© Кулеева Ф., 2018
© Издательство АН РТ, 2018

Пока жива мать, и тебе в дни успеха и в годину лишений есть кому сказать певучее и нежное слово «мама» – ты молод и силён, и чем дольше с тобой будет мать, тем ярче будет гореть твоё сердце.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – жизнеописание моего рода, воспоминания родителей, родных, выстраданный мной жизненный опыт и наблюдения. Мой прадедушка Габделгазиз и прабабушка Малика в конце 19 века по ложному доносу с семьёю детьми были сосланы в дремучие леса Сибири. Прадедушка всю дорогу страдал от стальных кандалов на ногах. Длинная дорога закончилась на высоком берегу реки Тары в трёх километрах от деревни Инсас, где стражники в окружении вековых сосен нашли поляну, сняли с него кандалы и приказали на этом месте жить. Сейчас это место известно как деревня Молодцово в «краю пяти озёр». В книге говорится о расстрелянных в 1937 году моих родственниках: деда по отцу Мухамматшарифа, участника русско – японской войны, деда по матери Фатхуллы, возвратившегося раненым с первой мировой войны, моих 8 дядь, о других 11 родственниках, защищавших родину в ВОВ. О страданиях и лишениях моей мамы, когда моего

отца как «врага народа» отправили в концлагерь. О моей родной школе в городе Тара, которая всегда окрыляла меня.

В 2017 году 80 лет пику кровавых сталинских репрессий. Своей книгой я хотела ещё раз напомнить о невинно расстрелянных, погибших в концлагерях, тюрьмах соотечественниках, отцах и дедах, родных, не удостоившихся счастья увидеть своих родителей, о детях в интернатах НКВД. О погибших в репрессиях людях – цвете нашей нации, которых не перечислить.

Написала я и о своей деятельности, которую вела будучи руководителем общества жертв политических репрессий. Поделилась мыслями о потере татарского народа и несбывшейся моей большой мечте – Государственного Татарского Национального Университета.

1. ССЫЛКА СЕМЬИ АЛТЫНБАЕВЫХ В СИБИРЬ

Сибирь... Она простирается от прекрасных Уральских гор до Дальнего Востока. С её журчащими ручьями, полноводными реками, озёрами, лесами и тайгой, с её землей богатой ископаемыми – газом, нефтью, углём, золотом и другими металлами. Историческими городами: Омск, Томск, Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул, Иркутск – всё это Сибирь. Её люди вызывают восхищение и уважение, этому способствует не только суровые условия, в которых они живут – мороз, жара, гнус и др, но и добрые человеческие отношения, воспитывающие такие свойства характера, как надёжность, честность, храбрость, готовность, когда надо, помогать нуждающимся. Вспомним декабрь 1941 года, когда миллион сибиряков грудью отстояли Москву, закрыв её своими телами. Недаром маршал Родион Малиновский сказал: «Лучшего воина, чем сибиряк нет во всём мире!». От сибиряка всегда веет теплом и спокойствием. Недавно у нас (имею в виду Омскую область) наряду с татарскими и русскими деревнями были польские, эстонские, чувашские, латышские, немецкие, украинские, белорусские и другие деревни. Как они появились? А появились они в результате переселения разных народов в Сибирь, переселение было вынужденное либо за лучшей долей, а в большинстве своём – ссылка по этапу. Есть предпо-

ложение, что слово «Сибирь» произошло от татарского слова «себер», это значит «выметай», выметались целые народы за Урал до Тихого океана. Людям разных национальностей, чтобы выжить, необходимо было ладить, относиться с уважением, верить друг другу. Эти красивые человеческие качества у сибиряков воспитывались в течение всей жизни, переходили из поколения в поколение к детям, внукам, правнукам, закладывались в генах. Например, можно понять, что татарский народный весенний праздник Сабантуй был не только национальным праздником, но больше – интернациональным. На празднике люди встречались, знакомились, завязывали дружбу, деловые отношения, активно отдыхали, с азартом соревновались – лазили по гладкому шесту, скакали на лошадях. Лучшие лошади были гордостью округа, хозяина, деревни, и, конечно, не обходилось без борьбы на поясах. Соперничество начинали дети 10–12 лет, а потом в борьбу вступали взрослые. Внук моего прадеда (мой дядя) богатырь Самигулла, его кратко называли Самиг, на протяжении многих лет был непобедимым борцом, никогда с праздника не приходил без самого большого барана, так и непобежденный в спортивной борьбе он был репрессирован вместе со своим отцом Зайнуллой Рахматуллинным и младшим братом Мостафой, которому был 21 год, а Самигулле – 23 года. В 1937 году все трое были расстреляны, как «враги народа». Уму непостижимо!!! Кощунство!!!

Когда мой внук, ему было тогда лет восемь, услышал, как я воскликнула в сердцах: «И почему так много наших родных расстреляны!?!», сказал мне с детской непосредственностью: «Не понимаешь, что ли, эби (бабушка), потому – что они татары». Вот и весь сказ. Как говорится, устами младенца – да говорит истина.

Мой прадед Габделгазиз с моей прабабушкой Маликой и семьей детьми – Хайруллой, Фатыймой, Фатхуллой (мой дед), Мобином, Сарой, Сулейманом, Каюмом были этапированы по печально известному сибирскому тракту, прадеда Габделгазиза сослали со стальными кандалами на ногах. По рассказам моей прабабушки Малики, которые слышала моя мама, соседи делали фальшивые деньги и когда к ним пришли с обыском, они свои предметы для изготовления денег успели перекинуть через забор и спрятать в огороде моих родных. Эти предметы обнаружили и обвинили прадеда в изготовлении фальшивых монет. Так по ложному обвинению отправили всю его семью в Сибирь. Шли они около года. Летом малых детей везли на тележках, на санках зимой, иногда, в лютые морозы останавливались в деревнях, расположенных по тракту. Тяжело представить картину их передвижения – прадед в кандалах, семеро детей, самому младшему семь лет. Поистине у них было сибирское здоровье, хотя они еще не были сибиряками, поэтому, наверное, все добрались в добром здравии. Наконец, они дошли

до высокого берега Иртыша, в 3-х километрах от деревни Инсас. Стражники среди вековых сосен нашли поляну, сняли с ног прадеда кандалы и приказали им на этом месте жить. Вместе с Алтынбаевыми, здесь оставили ещё одну семью – Ахмановых, будущих моих родственников с двоюродными дедами Алимом и Садри. Тогда они были молодые, а для меня они все равно – деды. Была зима. Так как кругом был лес, трудолюбивые мужчины за два дня поставили баню и сразу в неё поместили детей и жен. Ночью стелили траву вместо постели, а сами жили в шалаше. Мама шалаш называла балаганом. Потом появились дома, сарай, скотный двор и другие постройки. На географической карте Сибири возникла новая деревня «Молодцово» (Малатсау). Мы, потомки нашего прадеда Габделгазиза Алтынбаева, гордимся тем, что он основал эту деревню, она расположена в известном месте – в «краю пяти озёр» в Муромцевском районе Омской области. Название деревни – отголосок родных волжских мест. Сосланные из Кузнецовского уезда, Саратовской губернии, села Могильное мои родные поневоле стали сибиряками.

На небольшие деньги, припрятанные у прабабушки Малики, они купили старую лошадку и взяли в аренду землю. Прадед со своей семьей занялся земледелием, тем, чем занимался в России, уже такой далекой и потерянной, недоступной и невозвратной. Но заниматься земледелием было небезопасно. У местных

жителей это вызывало недовольство, так как сами они в основном занимались охотой и считали, что пришлые вырубают леса, делают борозды, птицы улетают, живность уходит. Они противились изменениям, оказывали сопротивление, были даже случаи гибели людей. Но со временем жизнь наладилась, местное население тоже начали строить бани, им понравилось выращивать хлеб и, хотя пришлось этому учиться, они занялись земледелием. Нельзя сказать, что мои родные жили в добром здравии. Однажды, когда они еще жили в бане, один из подростков проснулся немым, затем ушел в тайгу и потерялся, сколько не искали, его не нашли, в те времена искать человека в тайге было сродни поиску иголки в стоге сена. Помню, мне было лет 14-15, стояла летняя жара, вместе с родными я жила в тайге в шалаше и мы для заготовительной конторы (заготконторы) должны были ежедневно собирать по 4-5 ведер брусники. Слепни, комары, гнус летали тучей, их жужжание было необычной лесной музыкой, наслаждаться ею было бы приятным удовольствием, если бы все эти летающие насекомые не кусались и не пили кровь. Когда комары хотели поживиться – было больно, а слепни были коварны, совершенно не чувствовался их укус, они сразу обезболивали место укуса и спокойно «трапезничали». Когда однажды от моей руки отвалился слепень, а кровь продолжала течь, я даже испугалась. За время пребывания в тайге все мое лицо было искусано, опухло до неузнаваемости.

Все это осталось в моей памяти. Тогда не было ни накомарников, ни кремов от гнуса. Я подумала, если бы запустить нашу современную молодежь в тайгу с её своеобразной «музыкой», они через секунду бы сбежали оттуда. Брусники было так много, как говорится в народе – хоть лопатой греби. Помню, как я вышла на поляну, красную от ягод – а хочется собирать ягоду, что покрупнее и увидела огромный пенёк, подошла, так как около него от крупных ягод всё было красным-красно, протянула руку, и тут мой взгляд упал на пеструю темную змею, обхватившую этот пенёк. Она была толстая и все время высовывала язычок, как обычно делают змеи. Сначала от страха я оцепенела и через мгновение бросилась бежать от этого пня подальше. Никакой брусники ни крупной, ни мелкой мне уже было не нужно. Сильный страх подгонял меня. Однако, надо было работать – выполнять норму и продолжила с опаской собирать сибирскую бруснику, вкуснее которой, как я убедилась, нет нигде.

Мама рассказывала мне, что мой прадед Габделгазиз обладал высоким ростом, крупным телосложением и большой физической силой. Наверное, среди моих предков Алтынбаевых он был самым трудолюбивым, работая вместе со своей семьей в новых благоприятных условиях, он создал богатую зажиточную жизнь. Когда его домашняя живность шла на водопой, если один конец её был у реки – другой у ворот дома. Дед содержал и табун лошадей. Конечно, немало сена нуж-

но было, чтобы прокормить коней, коров, овец и других обитателей скотного двора. Поэтому прадед купил специальную косилку, которая не только косила, но и собирала. С помощью ее заготавливалось нужное количество фуража, даже для продажи. Мой прадед имея богатырское телосложение, в 1917 году, в 80-летнем возрасте разобрал свой дом в Молодцово и как плот по рекам Тара, Иртыш, Аркарка переплавил в Тару, а потом на своих плечах с помощником – младшим сыном Каюмом перетаскал на улицу Нерпинская, 20. (Это название улицы вернули после перестройки, а до этого она называлась Карла Либкнехта). Мой прадед построил дом, который стоит и по сей день. Когда в 2015 году я приехала на свою родину, в Тару, я пошла посмотреть на дом моего прадеда – он стоит как ни в чём не бывало. Бревна не тронуты временем, где там скрипнуть! Фундамент и не думает садиться, а ведь построен он 100 лет назад. В крепком доме до сих пор живут люди. Жаль, что не мои родные! С восхищением я подумала, как мой прадед в 80-летнем возрасте мог построить такой величавый дом. Помню, в детстве я часто приходила туда, видела широкие крашеные половые доски, большие окна, массивные его двери. В то время в нем жили младший сын прадеда Каюм с женой Гайша. Они жили дружно и счастливо, но пережили большую утрату – в Великой отечественной войне в 19-летнем возрасте погиб их сын Абелхасим. Их дочери – мои тети Саджида, Файруза и младший

сын – мой дядя Тагир трепетно относились к своим родителям. Помню, как не посмотришь – Каюм бабай идет в городскую баню, это случилось не менее 2-х раз в неделю. Под мышкой у него всегда был березовый веник для парной, возможно, поэтому он и дожил до 105 лет. Гайша – аби тоже была долгожительницей. Они оба похоронены на старом татарском кладбище.

Пусть земля им будет пухом!

Да, знатная была городская баня в Таре! Вода горячая, холодная – хоть залейся! Парная, как раз для сибиряка, а волосы после бани с Иртышской водой были шелковые, никакой шампунь, бальзам для них не нужен был. Мама в детстве всех нас водила в баню. Помню, были большие очереди, а тазами для мытья служили неподъемные шайки, можно сказать деревянные бочки в миниатюре.

Трудолюбие и упорство моего прадеда Габделгазиза перешли к его детям, внукам и правнукам, я себя лично отношу к роду Алтынбаевых. Род Алтынбаевых. Сама фамилия говорит о том, что он богатый, они были примером для моих родных и окружающих. Род жил, живет и будут служить образцом для подражания. У всех Алтынбаевых были большие и просторные дома в Таре, огород, полный двор живности, их хозяйство процветало. Сейчас они живут в благоустроенных квартирах, просторных коттеджах, имеют хорошие машины, дачи. Я и сама имею 4-х комнатную кооперативную квартиру и хорошую дачу. В кооператив

вступила в 27 лет, выплачивала кредит 15 лет. Слава богу, мои дети, внуки, племянники трудолюбивые, как их предки и как пример другим ведут достойную жизнь.

В 2016 году мой 30-летний внук Тимур и не достигший 29 лет – внук Артур за один год построили коттеджи и переехали со своими семьями в свои дома. Оба растят по сыну и дочери. Чтобы быстрее достроить свои дома, они днем и ночью трудились без усталости. Третий мой внук Марат в 2017 году купил участок земли, тоже скоро начнет строить свой дом.

Я провела некоторое расследование и выяснила, что мамин отец, мой дед Фатхулла как «враг народа» был расстрелян в 1937 году. Это написано в чудовищной справке о его реабилитации. Тогда ему было 58 лет, 1937 год – 58 лет = 1879 год. Значит, мой дед родился в 1879 году. Моя мама рассказывала, что когда его вместе с семьей сослали в Сибирь ему было 17 лет (1879 год + 17 лет = 1896 г.). Значит, мой прадед Габделгазиз со своей семьей был сослан в Сибирь в 1896 году.

Во время сталинских репрессий, расстреляв моих дедов и других родственников, власть стремилась уничтожить все наши корни, но это ей не удалось. С маминой стороны я знаю своих родных до четвертого поколения. Моим дорогим прадедусшке Габделгазизу и прабабушке Малике мои дети Айдар и дочь Джамия являются пятым поколением, внуки Тимур,

Артур, Марат, Марьям, Аскар, Адиля – шестым. Мои правнуки Артур, Карим, Амалия, Радель, Регина – уже седьмое поколение наследников.

Сосланные в Молодцово дети прадеда росли, выросли и начали жить своими семьями. По обычаю самый младший ребенок в семье, а это Каюм бабай, остался в доме родителей, т.е. в доме прадеда Габделгазизиза и прабабушки Малики.

В 1907 году мой будущий дед Фатхулла Габделгазизович Алтынбаев женился на моей будущей бабушке Бибигазизе Сибгатулловне Хамитовой. Моя бабушка Бибигазиза была очень красивая и стройная. Её красоту дополняли длинные каштановые косы, моя мама рассказывала, что бабушка Бибигазиза, когда расчесывала волосы, вставала на скамью. Мои волосы похожи на бабушкины. На солнце блестели как бронза, меня часто спрашивали, не крашу ли я их. Какое красить! Помаду я впервые использовала в 40 лет, а волосы мои до сих пор до талии, я думаю, они – наследство моей бабушки Бибигазизы.

Первой в 1908 году в семье моего деда появилась моя дорогая мама-Васфиджамал, а затем еще пятеро детей, мои будущие дядя и тети: Гарифулла – в 1910 году, Асхапджамал – в 1912 году, Калимулла – в 1914 году, Муллагали – в 1916 году, Хатифа – в 1918 году.

По рассказам моей мамы они жили в дружной трудолюбивой семье. Дед Фатхулла от зари до зари

работал на своем хозяйстве – выращивал зерно, в основном фуражное, держал лошадей. Его скотный двор, как у моего прадеда, был полон живности – коней, коров, овец, и др.

К весне наряжались обозы деревни Молодцово. Сельчане грузили на лошадей пиломатериал, бочки с дёгтем, смолой, клюквой, брусникой, кедровым орехом, топленным маслом – всё это богатство они везли в степные районы. Взамен привозили домой муку всех сортов, крупы, мануфактуру, и все необходимые принадлежности для жизни.

Семья вела размеренную, спокойную и счастливую жизнь. Эту жизнь в 1914 году разрушила Первая мировая война. Дед Фатхулла с родными братьями Мубином и Каюмом были мобилизованы на войну. Фатхулла Газизович был ранен, его правая рука не действовала, это было трагедией, ведь его жизнь полностью была связана с тяжелым физическим трудом. Когда дед раненый лежал в госпитале в Москве, к солдатам поведать, приходили дочери императора Николая II- го. Они раздавали вкусности, угощения, разговаривали с ранеными, всячески высказывали свое сочувствие больным, желали скорейшего выздоровления и возвращения домой. Мой дед Фатхулла письма домой писал в стихах.

В 1918 году в семье росли шестеро детей – самой старшей, моей маме Васфиджамал было 10 лет, а младшей Хатифе – 5 месяцев от роду. Из воспоминаний

моей мамы: «Наша мама (моя бабушка) в большом казане готовила вкусную еду, если один день это была каша с мясом, а другой – суп с мясом. Хлеб мама пекла сама. Мы, дети, все садились за стол с короткими ножками на широких нарах. Раньше такие нары делали на половину избы, внутри хранили домашнюю утварь, инструменты, предметы быта и т.п. Сиделись мы по- турецки сложив ноги, поев, иногда тут же откинувшись в разные стороны, засыпали».

В 1918 году, когда семья жила счастливо и спокойно, случилось несчастье. Моя бабушка Бибгазиза пошла за водой, налетел шквальный ветер, в реке поднялись волны и вдруг неожиданно дыбом над поверхностью поднялся утопленник. Бабушка сильно испугалась и этот испуг не дал ей оправиться, она слегла и стала таять на глазах. У неё изо рта и кормящей груди стала идти кровь, малышка Хатифа перестала брать мамину грудь. Во время болезни Газиза аби не думала о себе, переживала за будущее своих детей, что с ними будет, как муж справится с ними, их же было шестеро. Молила Аллаха о помощи. Просила соседку Миннихаят не оставлять её детей и взяла с неё слово, что она не бросит их.

Моя бабушка лежа тихонько напевала:

*Лимоны жёлтые, лимоны жёлтые,
Не найти целого,
Внутри меня горит огонь,
Не видно дыма от него.*

Пишу и плачу от горькой радости, что почти в рифму перевела четверостишие, которое, умирая бабушка пела на татарском языке – мы ведь поём и в горести, и радости.

По мнению врачей от испуга у бабушки в сердце перестал закрываться один клапан. 99 лет прошло с тех пор, теперь медицина ушла далеко вперед, сейчас, я думаю, врачи могли бы прооперировать её и бабушка, возможно, осталась бы жива. Ей тогда было всего 30 лет.

В 1918 году в России шла гражданская война, пламя войны не обошло и Сибирь. В ту пору моей маме Васфиджамал было 10 лет, она помнила, что через их деревню проходили то красные, то белые. Узнав, что дома больная женщина, т.е. моя бабушка, обходили их дом, боясь заразиться, но дедушкиных хороших лошадей экспроприировали и деда взяли с собой, не посмотрели, что он инвалид, жена больна, детей мал-мала меньше. Молодец мой дед, сумел убежать от них и вернулся домой, к детям и больной жене.

Иногда такая безысходность и тоска обуревают меня, никого – ни деда, ни бабушку я не видела, а могла бы видеть хотя бы деда..Когда моего деда расстреляли, до моего рождения оставалось 4,5 месяца, а ему – 58 лет, если бы он пожил ещё лет 10, то я бы знала, запомнила его. Я ведь помню до последней минуты день, в который из концлагеря вернулся мой

отец. Мне было тогда 10 лет. Тяжело жить с такой раной на сердце, тяжело и писать.

Не дожив до 30 лет, моя красавица бабушка Бибгазиза погасла как свеча. В это время моей маме было всего 10 лет, но она была самая старшая и на её плечи легла вся тяжесть утраты матери, ухода за братьями и сестрами, ведения хозяйства. Маме пришлось бросить и учёбу в медресе, она была очень смышлёная, с хорошей памятью, легко запоминала целые религиозные книги, знала их наизусть.

Таким образом, беспечная жизнь в объятых родной матери разбилась вдребезги. В 10 лет уже мама пекла хлеб, она всю жизнь мастерски готовила, пекла огромные караваи хлеба и потчевала в первую очередь всю семью своего любимого сына. Радостно и вкусно было лакомиться маминым душистым хлебом, её сибирскими шанежками!

Шестеро детей остались сиротами, конечно, без матери дети всегда сироты, недаром у татар говорят: «Мать – казна, отец – джизна» (Джизна – муж старшей родственницы). Мужчины и женщины это две разные субстанции, если мать – кладезь нежности, доброты, любви, покоя, то отец – это строгость, мужество, надёжность в семье. Так оно должно было быть, но многим детям не посчастливилось почувствовать это, ведь их отцы были или расстреляны или погибли в лагерях, матери их тоже были там же, будучи ЧСИР – «членом семьи изменника Родины».

Я, например, в детстве очень боялась мамы. Будешь суровой, оставшись с четырьмя детьми на улице! Только я не помню, чтобы моя мама хоть раз тронула меня пальцем, я боялась её только взгляда. Сейчас я поняла, мама моя насмотрелась, как мачеха наказывала её братьев и сестер, на своих детей у неё не поднималась рука. Когда вернулся из тюрьмы мой папа, он был посредником между мамой и мной, если я хотела пойти в кино или что-то купить, я сначала просила его, потом уже он уговаривал маму. Помню, как-то мы с папой и мамой пошли на базар, мне было лет 11–12, мне понравилась красная шляпка, я её очень хотела носить и папа всё-таки уговорил маму купить её. Потом меня называли как в сказке Шарль Перро «Красной шапочкой». За отличную учёбу и примерное поведение в четвертом классе в конце года его книгой «Волшебные сказки» меня и наградили, в ней была сказка «Красная шапочка».

Бездетные люди просили удочерить пятимесячную Хатифу, но старшие братья и сестры сказали: «Никому не отдадим, сами воспитаем», ни в какую не соглашались. Моя мама рассказывала: «когда мы ложились спать, Хатифу клали между мной и Гарифуллой посередине». Представить трудно, как 10 летняя девочка и 8-летний мальчик ухаживали за 5-ти месячной сестренкой не только ночью, а круглосуточно, тогда памперсов не было. Их отец – мой дед Фатхулла трудился, чтобы прокормить своих детей.

Когда бабушки Бибигазизы не стало, родственники деда начинают уговаривать его жениться на тете Миннихаят. Говорили, что когда болела моя бабушка, она помогала с детьми, по хозяйству, якобы дети привыкли к ней. Дед поддается уговорам и согласился жениться на одинокой вдове Миннихаят апе, через год они поженились. Бабушка Миннихаят совершила женский подвиг, не побоялась трудностей, решила разделить все тяготы будущей жизни с моим дедом Фатхуллой и с его шестью детьми. Тётя Миннихаят моей маме, её сестрам и братьям стала мачехой, а нам – маминым детям не родной бабушкой.

Она детей кормила хорошо, но будучи по характеру суровой, била детей. Будь в её руках полено или кочерга, могла швырнуть в них. Конечно, на их теле, на головах могли образовываться раны. «Если скажете отцу, то я убью его», – так она пугала детей. А дед Фатхулла днем и ночью был в работе – осенью собирал кедровые орехи, клюкву, ловил рыбу, жжёт уголь и т.п. и всё это, погрузив в лодки, по воде вез продавать. Ему – инвалиду первой мировой войны было нелегко обеспечивать свою семью.

Однажды тётя бабушки Бибигазизы – Марфуга пришла проведать семью моей мамы, увидела волосы с запекшейся кровью сестёр и плача расчесала их. Когда приехал дед Фатхулла, рассказала ему, что мачеха бьёт его детей. Дед начал гнать драчунью, но она просила её не гнать, обещала больше не распускать

руки, говорила: «детей люблю, не буду их больше бить». Но когда хозяин семьи уезжает в далёкую дорогу, снова распоясывалась и все равно детей била и даже держала их в подполе. Когда обижали братьев и сестер, сердце моей мамы разрывалось от жалости и страха. Конечно, бабушку Миннихаят, наверное, можно понять, придя в семью с шестью детьми, ей нелегко было найти общий язык с ними. Своих детей у неё не было. Женщина с крутым характером считала, наверное, что детей надо воспитывать, держать в страхе рукоприкладством, поэтому, впоследствии она и своих родных детей и внуков растила не без тумачков.

Однако нельзя было отнять у бабушки её щедрость и хлебосольство. Как только в дверях её дома появлялся пусть даже незнакомый человек, она бежала ставить самовар и накрывать на стол. Она была невысокого роста быстрая, все у неё «горело» в руках. В огороде все у неё росло как на дрожжах, но детей она туда не пускала. Много лет спустя, когда мне было лет восемь, мы с её самой младшей дочерью Нурджиган, которая была старше меня на год и являлась мне тётей, умудрялись усыплять её бдительность. Отодрав в туалете доску, мы попадали в огород, ползая между грядками, набирали морковь и огурцы, затем выходили на улицу и смеялись до упаду.

Мы радовались детским шалостям и не знали, что мой дед и отец Нурджиган в одном лице, когда ей было

6,5 месяцев, был расстрелян как «враг народа», а мой отец в это время строил железную дорогу Воркута – Котлас тоже будучи «врагом народа».

В 1922 году мой дед Фатхулла со своей семьёй из деревни Молодцово переехал в город Тару. Тогда его семья увеличилась ещё на одного человека – у бабушки Миннихаят родился сын Сафиулла. Во время переезда они останавливались в деревне Уба передохнуть, пообедать и тогда случилось несчастье – маленького Сафиуллу ошпарили кипятком из самовара. Всю дорогу до Тары, а это 30 километров, маленький Сафиулла кричал и плакал. Но все обошлось без последствий.

Когда ему было 21 год, он вторым ворвался в Берлин на своем танке. Как сейчас перед моими глазами – мой бравый дядя, вся его грудь была в орденах и медалях. Вот кто защищал нашу страну от фашистов – это миллионы сыновей «врагов народа».

Тара – знаменитый город в Сибири.

Во-первых, здесь была ставка сибирского хана Кучума, который воевал за независимость Сибири с захватчиками до своих 80 лет. Кстати, есть сведения, что это он смертельно ранил в шею Ермака в единоборстве с ним. На Ермаке была тяжёлая кольчуга, подаренная ему Иваном Грозным. Тяжелая кольчуга не позволила ему взобраться в лодку и он утонул, истекая кровью. Иван Грозный отправил его завоёвывать Сибирь в место того, чтобы четвертовать за то, что он

был разбойником, налётчиком и грабителем. Подарил ему знатную по тем временам кольчугу.

Много смертей сибирских татар на его совести. Ермак был очень жесток, не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. В памяти сибирских татар он остался кровожадным извергом, когда насильственно крестил сибирских татар, немеренное количество потопил их в ледяной Иртышской реке, ставил на горячие сковороды, истязал, рубил, но при этом ему стоит памятник в городе Тобольске.

Во-вторых, город Тара – родина легендарного народного сподвижника, общественного деятеля, татарского просветителя, историка, путешественника Габдерашита Ибрагимова. Родился Габдерашит Гумерович Ибрагимов 23 апреля, в 1857 году в городе Тара Тарского уезда Тобольской губернии (ныне районный центр Омской области) в семье мелкого торговца. Дед и прадед Г. Ибрагимова занимались торговлей, были состоятельными и образованными для своего времени людьми. В 1784 году прадед Г. Ибрагимова был избран ахуном (главой мусульманской общины) Тарского уезда и оставался им до своей смерти в 1815 году. После его смерти обязанности имама Тарской мечети исполнял его сын Ибрагим. В середине 30-х годов Ибрагим отправился в хадж, но на обратном пути домой умер в Бейруте. Отец Габдерашита Ибрагимова учился в г. Тара в медресе, изучал арабский, персидский языки, хорошо владел русским.

Мать Габдерашита – Гафифа-банат, получив хорошее домашнее образование, в течение 40 лет, обучала девочек из мусульманских семей города. Начальное образование Габдерашит Ибрагимов получает дома, затем одну зиму учится в начальной школе в деревне Уыш, что в 30-ти километрах от Тары. После смерти родителей 14-летнему Габдерашиту пришлось взять на свое иждивение младшего брата Исмагила. В 1871 году братья переехали в д. Янаул под Тюмень, в медресе которой они проучились до 1876 года. Затем Габдерашит вынужден был переехать в Казань, где его приютили дальние родственники. В Казани он получает религиозное образование, кроме татарского в совершенстве осваивает арабский, турецкий и персидские языки и получает светское университетское образование. Вскоре он приезжает в Тару, оттуда совершает хадж в Мекку. После второго хаджа остается учиться в Медине, в 1885 году возвращается в Тару, становится имамом тарской мечети и открывает медресе, где дети наряду с религиозными предметами изучают обычные школьные предметы.

В те годы в России татар запрещалось принимать в высшие учебные заведения, поэтому желающих продолжить свое образование Ибрагимов отправлял в Стамбул и Медину.

Заметив глубокие знания, добрые дела Габдерашита хазрата, его приглашают казием в Уфу. Он начинает религиозную деятельность по всей России, деятели

религии с уважением называют его Рашит казием. Защищая мусульманские интересы, он добивается аудиенции в Министерствах внутренних дел и образования в Петербурге. Его активная защита татарских нужд, интересов вызывают злобу и недовольство черносотенцев, известного учёного и религиозного деятеля начинают преследовать, поэтому Ибрагимов был вынужден из России уехать в Стамбул. Чтобы быть поближе к своему религиозному наставнику, из Сибири, многих уголков России в Турцию переезжают татары. До сегодняшнего дня в деревне Боргеделюк в Турции живут потомки сибирских татар. Среди переехавших из Тары был и Айтикин-бай. В оставленном им двухэтажном кирпичном доме и располагалась наша татарская средняя школа № 8, которую я закончила, сейчас от этой школы нет и следа, в место неё под этим же номером открыли вспомогательную школу. Таким же образом, в результате закрытия татарских школ, перехода на обучение на русском языке, перехода на факультативное 2-х часовое татарское обучение без работы в Татарстане в 2017 остались 3800 учителей. В моей Таре это случилось уже в 1972–1973 учебном году. Габдрашита Ибрагимова преследовали за защиту национальных интересов татар, мы после его смерти, до сих пор испытываем трудности в сохранении татарского языка, культуры, религии.

Почему в день памяти защитников Казанского ханства в 2017 году нас татар дальше сквера Карима

Тинчурина не пустили? Не разрешили приблизиться к башне Сююмбике помолиться, а крёстный ход пожалуйста, не дискриминация ли это татарского народа? Когда откроется Татарский национальный университет? Он же по решению правительства РТ должен был открыться в 1995 году. Плюс к тому, что не открылся ТНУ, в связи с преобразованием КГУ в КФУ, в нем закрыли факультет татарской филологии и истории, плюс к КФУ присоединили педагогический гуманитарный университет, где также был факультет татарской филологии и истории, который тоже был ликвидирован, таким образом, идет русификация и ассимиляция татар широким фронтом, что может привести к разжиганию межнациональной вражды и недовольства жителей Татарстана

Живя за пределами России Габдерашит Ибрагимов, не мог избавиться от клеветнических нападок имперской власти, поэтому вынужден был жить в разных городах, странах. Он был в Бухаре, Египте, Палестине, Швеции, Италии, Австрии, Франции, Болгарии, Сербии, на Кавказе, в Туркмении, в странах Средней Азии. Путешествуя по всему миру на верблюдах, верхом на лошадях, на пароходах, пешком, он преодолел 45 тысяч километров, чтобы вернуться в свой родной город, но не остался в Таре, а поехал в Петербург и там активно начал просветительскую работу: издает газеты и журналы: «Миръат», («Зеркало»), «Ульфат» («Дружба»), еженедельник «Ат-Тилмиз» («Ученик»)

на арабском языке. Религиозный и политический деятель, просветитель призывает всех татар к грамотности, образованности, уважать стремление к знаниям, ценить это, участвовать в решении проблем своего народа, развивать национальное самосознание.

В 1908 году Габдерашит казий перевез свою семью в Турцию и отметив свое 50-летие, отправился в дальнейшее путешествие – через Казань, Уфу, Челябинск, Омск, Томск, Иркутск, Монголию, Китай, Владивосток в Японию.

В Японии его встречают с уважением, даже император принимает в своем дворце. Где бы ни был наш просветитель, везде он распространял свой национальный язык, религию, рассказывал про житье-бытье мусульман России и других стран, призывал татар быть едиными, дружными и помогать нуждающимся. Когда шла война на Балканах, и в Первую мировую войну Г. Ибрагимов активно участвовал в освобождении башкирских пленных.

Габдерашит Ибрагимов был свидетелем всех крупнейших исторических событий первой половины XX века в России и в мире: революция 1905–1907 годов в России, февральская и Октябрьская революции 1917 г., гражданская война в России 1918–1920 годов, вторая мировая война 1939–1945 годов.

Несмотря на тяжелые времена Г. Ибрагимов не переставал отстаивать политические национальные и религиозные интересы мусульманских народов

России и Востока, он был ученым-исследователем, и неутомимым пропагандистом основ ислама. Его перу принадлежат сведения по истории, этнографии, фольклору тюркских и нетюркских народов, собранные им во время его многочисленных путешествий, в результате которых Габдерашит казый создал исторические, этнографические, фольклорные справочники.

Возвратившись в Стамбул, он пишет книгу «Вокруг света», в ней он подытожил результаты путешествий по разным странам в течение года, через некоторое время его сын Мунир издал эту книгу в Казани.

В 1918 году Габдерашит казый в последний раз возвратился в далёкие берега Иртыша, в родной город Тару. В 1921 году легендарный сподвижник народа, религиозный и политический деятель, историк, путешественник, татарский просветитель навсегда покинул Россию. До 1933 года вместе с семьей он жил в деревне Боргеделюк Турции и в 76 лет снова вынужден уехать в Японию, так как в Турции начали притеснять ислам. В 1937 году по инициативе Габдрашита Ибрагимова завершилось строительство Соборной мечети в Токио, и в этой открывшейся мечети ему предложили стать имамом и он согласился. В этом качестве он продолжил выступать активным распространителем ислама в Японии.

Последние годы своей жизни он проводит в Японии, его уважительно называют дедом нации. В 1939 году, благодаря самоотверженности Г. Ибраги-

мова, японский парламент официально признает ислам одной из действующих религий Японии. Имя Габдрашита Ибрагимова стоит рядом с именами известных татарских общественных и политических деятелей начала XX века, сыгравших важную роль в жизни татарского народа, мало кто знает об этой личности и информации о нём сохранилось немного. Поэтому в своей книге я пишу о нём, хочу, чтобы побольше людей узнали об этом уникальном человеке – моём земляке. Конечно, его жизни и деятельности можно посвятить не одну книгу, в моей – я вместе с читателями восторгаюсь его беззаветной преданностью татарскому народу, служению ему. Я искренне счастлива, что в моей Таре родился и жил, такой преданный своему народу человек, как Габдрашит Гумерович Ибрагимов. Жаль, что до сих пор в его родном городе – Таре нет ни улицы, носящей его имени, ни памятника ему.

Умер Габдерашит Гумерович Ибрагимов 31 августа 1944 года в Японии и похоронен на мусульманском кладбище, расположенном недалеко от Токио.

Итак, во-первых, город Тара – ставка Кучум хана, во-вторых, это родной город Габдерашита Ибрагимова, в-третьих, весь сосланный в Сибирь народ прошёл через г. Тару и в этом городе в мою бытность проживало более 100 национальностей, а после известной перестройки добавились рабочие кавказской и средне-азиатской национальностей. Я помню, как в детстве у нас в городе появились в расшитых кофточках

женщины, это были украинки, они рассказывали, что их увезли в одночасье так быстро, что у них на плитах остались кипящие борщи. Они оказались в Таре, неужели их тоже депортировали? Не знаю, я была маленькая, может быть, это были семьи бандеровцев. Как-то я читала, что Сталин собирался депортировать и татар с Волги, но ему доложили, что в логове фашистов, в концлагере наш герой Муса Джалиль ведет борьбу и великий преступник всех времён и народов оставил эту идею. Меня не надо было депортировать, я тогда уже жила в Сибири.

Город Тара стоит на 2-х реках: Иртыше и впадающую в него Аркарку. Название Иртыш произошло от татарского слова «Джиртиш» – это значит вода прорвалась из-под земли. Действительно, Иртыш вытекает из-под земли на территории Китая за озером Зайсан и называется Чёрный Иртыш. Река впадает в это озеро, вытекая из него, далее течёт на Север. Там реку ждёт Обь, куда впадает Иртыш, затем Обская Губа и Карское море.

Как свидетельствует история, до Октябрьской революции в Таре было 14 церквей и одна мечеть. После революции осталась одна церковь. А мечеть и действующую при ней медресе, дающую просвещение для сибирских татар разрушили коммунисты. История повторяется, сейчас в Татарстане почти все татарские школы закрылись, а моя татарская школа в Таре закрылась уже в 1972–1973 гг. До революции татары и не

только сибирские, были самой образованной частью народов России. В мечети уже с пяти лет имам учил мальчиков, его жена абыстай – девочек. Они знали не только свой татарский язык, а учили и арабский, и турецкий, и персидский, и русский. В медресе им давали и светское образование, где уж сейчас нашим учащимся разные языки учить! Свой бы татарский знать. Но не тут-то было – с 2-я часами факультатива много не узнаешь. Со времен царской России нерусских, их называли инородцами, так и продолжают ущемлять. Сможет ли наше государство быть единой и неделимой, если притесняется самое сокровенное нерусских народов – их язык.

Не могу не привести слова известного русского педагога Ушинского:

«Язык есть самая живая, самая большая и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Он не только выражает собою жизнь народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, народа нет больше, пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ.

И нет насилия более того невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков, отнимите у народа все – и он все может воротить, но отнимите язык – и он более уже не создаст его: новую

родину даже может создать, но язык никогда: вымер язык в устах народа, вымер и народ».

Оставшееся в Таре здание церкви использовалось как конюшня, склад, а потом как музей. Я была в этом музее, когда приезжала в Тару, там есть экспонат – стальная, тяжелая кольчуга. На табличке около неё было написано, что это кольчуга Ермака. Возможно это так.

В Таре верующие и все местные татары на свои сбережения и деньги спонсоров построили две мечети. Первую в 1994 году, а вторую – в 2006 году. В настоящее время с их 2-х минаретов на радость верующих звучит азан.

В 1922 году мои родные – семья Алтынбаевых переехала в Тару и купила дом на улице Нерпинская, 51. Из деревни дед Фатхулла привёз три подводы с продуктами и домашней утварью, предметами для повседневной жизни. Из живности – трёх коров и трёх лошадей.

В Таре была артель для инвалидов, где изготавливали большие сани, телеги, кошевки, колёса, косы, лопаты и т.п. Мой дед Фатхулла устроился в эту артель рабочим, у него руки «росли из нужного места», хотя правая рука действовала плохо, его приняли без вопросов. Кроме этого дед занимался ещё извозом.

В семье деда большое пополнение – Миннихаят рождает семерых детей, плодовитый был мой дед, ничего не скажешь. Девочки-близнецы недолго про-

жили, а пятеро – Сафиулла, Рахматулла, Занфира, Хаджар, Нурджиган растут в добром здравии, итак, всего в семье к 1937 году растёт 11 детей.

Помню от дома, через дорогу и вниз текла тогда ещё полноводная река Аркарка, за рекой хороший выгон, работай, только не ленись. А трудолюбия у Алтынбаевых не отнимешь. Все дети деда выросли работающими, порядочными, хозяйственными. Эх, такое страдание у меня в сердце! Как счастливо, в изобилии и достатке жили бы мои родные, но нет – политические репрессии вдребезги разбили всё их благополучие, надежды и мечты. Не только моей семьи, но и миллионов наших соотечественников.

Моей маме, когда они переехали в Тару, было 14 лет, она сама научилась шить, обшивала всех домашних и родственников, но ей за труды ни копейки не платили, говорили, что на свадьбе рассчитаются, этим и отговаривались. К 14 годам мама превратилась в красивую, стройную девушку. Когда провожала коров в стадо, встречала их, шла за водой с ведрами на коромысле – на маму не могли наглядеться парни. Воду носили из Аркарки, впоследствии мне тоже пришлось таким способом таскать воду.

Однажды, когда полоскала бельё, мама поскользнулась на мостках и упала в воду. В то время Аркарка была глубокой и полноводной, в неё через реку Иртыш заходили баржи и катера, которые их буксировали. Около берега стояли длинные мостки, вот мама

и упала с них на воду. На берегу в это время стояли мой будущий отец Галламетдин, его двоюродный брат Абуталип, другие парни и спорили – кто спасёт Васфиджамал, тот и женится на ней. Тут мама вдруг вынырнула, на мостках была еще женщина, она успела схватить мою будущую маму за волосы и вытащила из воды. Мама осталась жива, а парням осталось только рты разинуть.

2. О РОДЕ КУЛЕЕВЫХ

У тюркских народов – болгар, гагаузов, кипчаков, ногайцев и других принято было знать своих предков не менее, чем до 9-го колена, таким образом, они осуществляли связь времен и поколений. В результате сталинских репрессий в нашей стране эти красивые традиции и обычаи почти исчезли: дети и внуки не знают своих предков, свои корни. Может быть, на Кавказе ещё знают и помнят, а севернее, в средней полосе России, в Сибири, на Дальнем Востоке – нет.

Со стороны мамы я знаю некоторые хотя и неполные сведения о своих родных до 4-го колена, конечно только по рассказам моей мамы. Со стороны папы кое-что мне известно, только до 3-го колена, и то сведения очень скудны – некому было рассказывать. Но кое-какие сведения есть.

Например, об отце моего отца – о втором деду моём Кулееве Мухамматшарифе Абубакировиче правду мы узнали только в 1990 году. В том году мы получили справку о его невиновности и реабилитации, через 53 года после его расстрела 5-го ноября 1937 года. За что!!! Добропорядочный отец, дед, глава большой семьи, трудяга. Помогал родственникам и всем нуждающимся. Сейчас я вспоминаю, как мама рассказывала, что когда семья пила чай, дед из мешочка доставал колотый сахар, в моём детстве тоже был ещё такой сахар кусками, он отдавал голубизной, и щипчиками

откусывал кусочки сахара и раздавал детям. Когда деда забрали, дети невероятно скучали по нему.

В документах деда сокращенно превратили в Кулеева Шарифа Бакировича. Из справки о реабилитации мы узнали, что мой дед Кулеев Мухамматшариф Абу-бакирович был выходцем из Симбирской губернии. Родился в городе Буинске в семье скорняка. В настоящее время г. Буинск входит в состав Республики Татарстан. В Таре дед пришел пешком со своей больной матерью (имя прабабушки, к сожалению, я не знаю), с братом Рахимом и сестрой Зарифой. Её я помню. Она была невысокого роста, быстрая, веселая, работающая. В детстве нам – детям не рассказывали кто есть кто, а, может быть, и рассказывали, но не осталось в памяти. Слишком поздно я стала интересоваться историей всего рода. Но я довольна и тем, что мама в последние годы своей жизни успела мне рассказать немало. Я смогла воспользоваться этим в своей книге на татарском языке, теперь я пишу о том же самом, но более подробно на русском языке.

В Таре дед стал портняжничать. Шил верхнюю одежду из овчины, мужские головные уборы всех фасонов и на разные времена года. В этом деле ему не было равных.

Здесь, в Таре дед женился, взяв в жены мою будущую бабушку по отцу Фагыйлю Ганиевну. Мне известно только, что родом она была из г. Стерлитамака Башкортостана. В Таре она работала на заимке

Бабыкиных, считавшимися богатыми. На улице Советской, конечно до революции она называлась как-то по-другому, стоял их огромный красивый дом, весь в лепнинах, белокаменный. До моего отъезда учиться в Казань там располагалась городская поликлиника, сейчас – медицинское училище. После Октябрьской революции все дома хозяев – Бабыкиных были экспропрированы. Одна из их дочерей – Наталья Михайловна, была моей учительницей по русскому языку и литературе, жила на улице Свердлова в маленьком домишке, а вторая дочь – Анна Михайловна Бабыкина преподавала нам «Основы дарвинизма». Да, глаза у них были грустные, они любили своих учеников, не чувствовалось у них заносчивости. Это были образованные, интеллигентные женщины. Мне повезло, что я училась у них, своим отношением к жизни они учили нас оставаться людьми в любой ситуации. Пусть земля им будет пухом!

Из родившихся у моего деда Мухамматшарифа и бабушки Фагыйли детей выжили только шестеро: мои тети – Минзифа, Сарвар, Хуснинур, мои дяди – Мирсаеф и Гайнетдин, а также мой отец Галляметдин. Мой дядя Гайнетдин был самым младшим ребенком в семье. Когда родился мой отец, дед Мухамматшариф воевал в далёкой Маньчжурии, расширял границы Российской империи. Пробыл там около 9-ти лет и вернулся к семье израненным, искалеченным. Но жизнь продолжалась. Благодаря завидному трудолю-

бию, дед скопил денег и купил старый двухэтажный деревянный дом по улице Нерпинская, 30. Сейчас ей вернули дореволюционное название, после революции она называлась Карла Либкнехта. Теперь на этом месте стоит дом, построенный моим старшим братом Булатом с большой помощью моей мамы.

Обладая феноменальной памятью дедушка Шариф, так мы его называем в семье, за время служения в армии изучил китайский и японский языки, конечно, в совершенстве овладел и русским языком.

Мама рассказывала, что до Великой Отечественной войны в Таре жили китайцы. Удивительно то, что они приходили к деду поговорить на своём языке, чтобы свой родной язык не забыть. Можно им позавидовать, а у нас, некоторые татары, бравируют незнанием своего языка – быстренько отвечают на татарском, что только понимают о чем разговор, а поддержать разговор не могут, позор!

В городе Тара жили люди около ста национальностей – кто только не был сослан в Сибирь или пришел по своей воле за лучшей судьбой! Во многих случаях они передвигались пешком в бескрайние просторы Сибири и начинали новую жизнь.

Помню у нас в Таре жила большая семья мишар, которые шли целый год в Сибирь, останавливались в населенных пунктах, выбирали, где бы остановиться жить и выбрали г. Тару. Это были семьи Алимбековых, Рамазановых, Узбековых, все они были близкими

родственниками, состояли из нескольких поколений. Они купили дома, их дети пошли в школы, родители – отцы пошли на работу, а матери дома воспитывали детей. Например, у Рамазановых было десять детей, младшие родились уже в Таре. Самая старшая по возрасту у переселившихся в г. Тару была бабушка Мадина. Властная и строгая. Стар и млад боялись, но слушались её. Старшие из этого рода разговаривали на мишарском диалекте сильно растягивая свою речь. Все они были со светлыми или русыми волосами, голубыми или зелёными глазами. Они, наверное, были выходцами из половцев (кыпчаков). Эти воспоминания остались у меня с детства, ведь мы все учились в одной и той же татарской школе.

В Тарском районе были мишарские деревни, например, в 4-х километрах от Тары – Нерпинки (Буксим), а также чисто казанские: Малатсау, Инсас. Чисто сибирских деревень было больше, так и должно было быть, ведь они живут здесь испокон веков. Вот названия этих деревень - Большие, Малые Туралы (Уыш), Большие, Малые Себеяково (Сэбэлэк), Ишеево (Ишэй), Сеитово (Хужа авыл), Джимешлау, Берняжка (Уба) и др. В этих деревнях до сих пор разговаривают на сибирском диалекте. Казанские, мишарские деревни образовались переселенцами, теми, кто пришел по доброй воле или были сосланы по этапу. Таких людей было десятки тысяч.

Ежегодно, после окончания осенних работ, по первому снегу, участники русско-японской войны собирались на посиделки. Каждая новая встреча проходила в очередной деревне Тарского округа. Это были деревни Никольское, Строкино, Шкуново, Чокрушево, Бражниково и др.

Бывшие солдаты вспоминали все тяготы воинской жизни, своих командиров, товарищей, обсуждали события настоящей жизни. Душой этих встреч всегда был дед Мухамматшариф, который обладая хорошей памятью, до мельчайших подробностей помнил и рассказывал о своей службе.

В 1926 году моя будущая мама Васфиджамал Фатхулловна и мой будущий отец Галляметдин Мухамматшарифович поженились, в Таре родственников у моих будущих родителей было не мало, на свадьбе были оба моих деда и те 8 моих дядь, которых, как «врагов народа» еще не расстреляли. Мустафе, которого расстреляли в 1937 году было тогда только 10 лет, а Самигулле – 12 лет, его тоже расстреляли вместе с ним. Как мне тяжело от горьких воспоминаний и писать обо всём этом! Но я дала себе слово написать о трагедии моего рода и народа, чтобы мои дети, внуки и правнуки помнили об этом и не допустили того, что испытали их предки.

На свадьбе маме преподнесли много подарков – знаменитую немецкую ножную швейную машинку «Зингер», от пола до потолка роскошное зеркало

с инкрустациями, коралловое розовое ожерелье, тогда оно стоило одной взрослой коровы, отрезки на платье, постельное бельё и золотые украшения в комплекте – серьги с брошью ручной работы из червонного золота. Украшения подарила моя бабушка Фагыйла, папина мама. Когда в 1938 году мою маму с четырьмя детьми выгнали из дома, ей пришлось продавать личные вещи, чтобы выжить. В 1940 году маме для покупки маленького домишка пришлось с этой брошью расстаться – продать. Одна из серёжек сохранилась. Я из неё сделала кулон и ношу на цепочке – он для меня является талисманом. Папина сестра, тётя Хуснинур на свадьбу подарила корову с телёнком. Остаётся восхищаться: какие трудолюбивые и состоятельные были мои родственники. Всё рухнуло после Октябрьской революции, я помню как нелегко и горько жилось тётю. Особенно после того, как погиб на фронте её единственный сын Шагимурат, а надо было поднимать на ноги ещё трёх дочерей – Магинур, Шамсинур, Нуранию. К счастью, я знала их, они были добрые, красивые, мои дорогие двоюродные сестры. У всех были дети, а у Магинур – семеро. Пусть земля будет пухом моим сестрам!

Мама говорила мне: «Дом свекра и свекрови стал ещё более красивее и богаче». После замужества мама начала жить в большой семье.

Дед Мухамматшариф занимался портняжничеством и главенствовал в семье. Мой папа в это время

работал директором школы и приложил немало усилий, чтобы превратить начальную школу в семилетнюю. Вся домашняя работа – стирка, уборка, приготовление еды, топка бани и уход за родственниками папы – трёх сестер, двух братьев всё это ложится на плечи моей 18-летней мамы. Для всех, кроме моего деда, мама сноха, с которой весь спрос. Тётки охапкой приносят стирать бельё, мама рассказывала мне, что её руки были изъедены щёлочью, теперь мало кто помнит, её готовили из золы, заливая её водой и этой щелочной водой пользовались. В то время мыла, моющих средств и стиральных машин не было. Миллионы простых женщин занимались тяжёлой домашней работой и одновременно растили кучу детей. Тогда не считали, что мужчина должен уметь делать всю домашнюю работу, кроме как родить ребёнка. Упаси бог, если мужчина пойдёт за водой – позора не оберёшься!

Кроме моего папы, маму защищал и уважал только мой дед Шариф. Конечно, горестные стороны жизни для него были не внове, а в 1937 году судьба уготовила ему невиновному – расстрел.

Первой у моей мамы в 1928 году родилась моя сестра Фархана. Перед ее рождением случилось происшествие. Моя мама должна была вскоре разрешиться родами, но когда она мылась в бане, то испытала сильный испуг. Как она рассказывала – вдруг из печной вьюшки вышел круглый огненный шар и пролетел

около ее живота. Мама сильно испугалась и потеряла сознание. Наверное, этот огненный шар был шаровой молнией, но в детстве нам всегда говорили, что это шайтаны летают как огненные шары. Мама пришла в сознание и через несколько дней на свет появилась моя старшая сестра, ей дали имя – Фархана. Когда ей было 9 месяцев, она заболела менингитом, потом выяснялось, что моя сестра глухонемая. К кому только её не водили – и к врачам, и знахаркам. Маме кто-то сказал, что надо давать есть кончик языка животного, якобы поможет, но ничего не помогло, сестра осталась глухонемой. Фархана была очень красивая, стройная с карими глазами, с черными как воронье крыло волосами. Во время войны, когда мама выполняя военный заказ, не выходила из мастерской, моя сестра Фархана ухаживала за нами, младшими, – кормила, обстиривала, доила корову, выполняла всю домашнюю работу. Я была её переводчиком, понимала, что она говорит, а ей – что хотят сказать. Сестра вышла замуж, муж у неё не был глухонемым, родила двух сыновей – «гренадёров» Халиля и Камиля и дочь Наилю. Халиль – мой любимый племянник служил в армии на Дальнем Востоке на острове Шумшу. Камиль – в г. Тара всеми признанный врач-хирург. Наиля с мужем построили большой дом, обустроили его по – современному. И банька есть, и живность у них на дворе, все как у Алтынбаевых – прапрадедов. Не успела мама родить ребёнка, как с головой уходит

в домашнюю работу. А 30 октября 1929 года на свет появляется моя вторая сестра Фагмия, в это же время моя тётя Минзифа родила сына, мама рассказывала, что тётя в обнимку с сыном сидела на кровати, мотивируя тем, что она родила сына, а моя мама – дочь, поэтому кому как не ей заниматься хозяйством, работой. Как моя мама выдерживала, не знаю – старшей Фархане было около года, Фагмия только родилась, а нужно готовить домашней орде еду, стирать, убирать в доме и между этими делами помогать деду шить, мама в этом деле была мастерицей.

Таким образом, моя мама после семьи деда Фатхулы с мачехой Миннихаят с 10-ю детьми снова попала в большую семью – семью деда Мухамматшарифа и там ей приходится каждодневно так же заниматься тяжёлым домашним трудом, тогда ведь не было водопровода, памперсов и т. д.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НЕ ОБОШЛИ И МОЮ СЕМЬЮ

20-й век в истории и судьбе народов СССР и России, наверное, останется страшной, чудовищной трагедией, незабываемой эпохой.

Если бы можно было окрасить каждое столетие в какой-либо цвет, то цвет двадцатого столетия, прожитого нашим многострадальным народом – красный. Красный – это цвет крови. В начале столетия Русско-японская война, революция 1905-го года, Первая империалистическая мировая война, Февральская, Октябрьская революции, затем Гражданская война, когда брат шёл на брата. Это – разрушение мечетей и церквей, преследование священнослужителей – самой просвещённой части общества. Это насильственная коллективизация сельского хозяйства, в результате, поставив клеймо «кулак», уничтожали работающих, трудолюбивых людей деревни как класс и следствие – голод по всей стране.

Это – репрессии над своим народом, в результате – сколько загубленных жизней, разбитых вдребезги судеб. В нашей стране у первых в мире появились концентрационные лагеря. И, наконец, Великая Отечественная война, унёсшая миллионы жизней и снова концентрационные лагеря для тех защитников Родины, которые во время войны по несчастью побывали в плену.

Наверное, ни одна страна в мире в XX-ом веке не испытала таких катаклизмов и потрясений, как Россия. Мы, реабилитированные, считаем, что из всех трагедий самой чудовищной являются сталинские репрессии, в которых погибли миллионы и миллионы ни в чем неповинных людей, кощунственно то, что наши соотечественники погибали ни на войне, защищая свою землю, а в мирное время – вот, что рвёт душу!

С начала возникновения Советского государства функция подавления инакомыслия была главенствующей, а в период гражданской войны, в дальнейшем – ведущей. Уже в 1919 году впервые в истории нашей страны появляются так называемые «лагеря принудительных работ».

Постановление Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 года «О лагерях принудительных работ» закрепило возникновение и дальнейшее функционирование концентрационных лагерей. Именно с этого документа начался этап развития репрессированного аппарата и системы исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР.

К 1930 году уже формируется 6 управлений исправительно-трудовых лагерей ОГПУ: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока и Казахстана.

В 1934 году создан НКВД СССР, все лагеря входят в одну систему Главное Управление лагерей (ГУЛАГ).

В годы «большого террора» массовыми репрессиями руководила партия большевиков. Политбюро, Сталин и его ближайшее окружение устанавливали план («лимит») на расстрел и направление людей в концлагеря. «Лимит» устанавливался для каждой области, края, республики. Сталин превратил, созданную Лениным репрессивную систему в тоталитарную, придал ей невыносимую ранее организованность по истреблению людей.

Только в России с 1923 по 1953 годы были арестованы примерно 41 миллион человек. Названные цифры занижены – они не учитывают заключенных во внутренних тюрьмах НКВД и умерших в лагерях для политических. Не попали в статистику репрессированные крестьяне и депортированные народы. Это составило более 10 миллионов человек.

В докладе Н. С. Хрущёва на XX съезде партии «О культе личности Сталина и его последствиях» (1956) говорилось о партийных чистках 1930-х годов, о судьбе делегатов XVII съезда партии (1934 г.). О расширении масштабов репрессий после убийства С. М. Кирова, о санкционировании Сталиным, лично 383 расстрельных списков партийно-советских, военных, хозяйственных работников, простых людей, полученном НКВД от Сталина разрешении применять пытки. Н. С. Хрущев тоже участвовал в репрессиях, известно, когда он работал в Москве и Украине был причастен в гибели многих людей.

Масштабы репрессий, проведённые органами НКВД по всем областям и союзным республикам потрясают. Всемирная история такого планомерного истребления людей ещё не знала.

Впервые из уст великого Ленина появились слова об отправлении в концлагеря служителей церкви, дворян, интеллигенции и т. д. В тех уездах, где поднимали голоса против Советской власти, Ленин распоряжался: 100 человек расстрелять, повесить или каждого 10-го расстрелять, чтобы другим неповадно было.

Гитлеру не пришлось ломать голову, на нашем примере он тоже пришёл к плановому истреблению населения. В системе гитлеровских концлагерей была разработана и применена технология уничтожения людей, но не своего народа. И всё это признано Международным военным трибуналом преступлением против человечества. И только преступление сталинского режима по плановому истреблению соотечественников не получили ни международного, ни российского юридического осуждения.

Сегодня правозащитные европейские организации выдвигают предложение признать коммунистические режимы – фашистскими режимами.

До сих пор ни Верховный суд Советского Союза, ни Конституционный суд России не рассмотрели преступления Сталина и не вынесли приговора величайшему преступнику мира. Это объясняется прежде всего Победой Советского Союза над фашистской Германией, ошибочно названной Победой Сталина.

Невинно репрессированные, их жёны, дети, родители, родственники десятки лет ходили с клеймом «враг народа», десятки тысяч женщин, разлученные с детьми на 8–10 лет были отправлены в тюрьмы, лагеря, а их детей, если их было двое или трое, а, может быть и больше, отделив друг от друга отправляли в детские дома НКВД в разные города, изменяли имена-фамилии, многие не имели счастья увидеть своих родителей, некоторые встретив своих матерей, отцов, если они остались живы, отрекались от них, так как их воспитали вдалбливая им, что их родители действительно враги народа. Я слушала интервью с одной женщиной из Ектеринбурга, она прошла АЛЖИР – Акмолинские лагеря жен изменников Родины, она говорила с такой тоской и горечью о том, чего только ей не пришлось испытать в лагерях, но это все ничто по сравнению с тем, с какой ненавистью встретила её дочь после освобождения.

Россия как юридический последователь Советского Союза обязана признавать осуждение сталинских преступлений на государственном уровне.

Даже 30 октября Днем политзаключенного объявили сами узники политических лагерей Мордовии и Перми. 30 октября 1974 года они объявили голодовку и победили в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло 30 октября в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий».

Закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. стал поворотом в судьбе и общественном положении незаконно репрессированных. В этом же году и месяце Верховный Совет РФ принял Постановление о ежегодном проведении «Дня Памяти жертв политических репрессий» в нашей стране. Многие годы репрессированные люди избегали делиться с кем-либо своими бедами, трагической судьбой, боясь признаться, что на них лежит клеймо «врага народа» или члена семьи «врага народа», или семьи раскулаченного. И лишь после появления закона Российской Федерации от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» стало возможным для многих избавиться от этого клейма.

Когда Российское правительство, международный суд, наше общество признают свою вину, попросят прощения, отдадут свой долг безвинно репрессированным нашим соотечественникам?! Российский царь и его семья признаны великомучениками, а люди, терпевшие муки, пытки в застенках НКВД, тюрьмах, брошенные полумертвыми на съедение крысам в монастыре в Раифах, голодным собакам на растерзание в Йошкар-Оле? Выбивались признания в том, чего они не совершали. Чьи-то дорогие отцы – деды, и матери расстреливались. Казанцева Ксения Ивановна, родилась в 1874 году, неграмотная, не работала, арестована 8 марта 1938 года. Приговорена 12 марта

1938 года тройкой при НКВД по ст. 58–10–11 УК РСФСР к высшей мере наказания. РАССТРЕЛЯНА 17 марта 1938 года, Ушеренко Дора Федоровна, жительница г. Тары, родилась в 1890 году, пчеловод. Арестована 11.11.37 г. Приговорена 17.11.37 г. по ст. 58–10 УК РСФСР к высшей мере наказания. РАССТРЕЛЯНА 23.11.37 года в г. Таре – в моем родном городе, как мои деды и восемь дядь, список можно продолжить. За что? Сыновья, родственники – сталинские заложники, не великомученики? Оставшиеся живыми после жерновов концлагерей, тюрем с душераздирающей тоской и обидой снова и снова ищут ответа на вопрос – почему наш народ подвергся такому геноциду, почему миллионы невинных людей были расстреляны, замерзли голодные на Колыме, в Сибири на Севере, утонули на лесосплавах, погибли во время допросов от пыток, работали на вредных урановых рудниках, сколько оставшихся сиротами детей мучились от холода, голода и погибли!?

30 октября «День памяти, День скорби», но так до сих пор не установленному количеству погибших и оставшихся в живых узников ГУЛАГа. В нем побывало много людей, различных национальностей из всех слоёв нашего общества – это и 40 тысяч высшего и среднего состава Красной Армии, расстрелянных или попавших в лагеря генералы Горбатов, Мерецков, Рокоссовский и др. Видный тюрколог, сын Анны Ахматовой и Николая Гумилёва – Лев Николаевич Гумилев,

автор книг: «Древние тюрки», «Энтогенез и биосфера Земли», «В поисках вымышленного царства», «Хунну» и др. трижды как «враг народа» сидел в тюрьме. Л. Н. Гумилеву на достойном месте: в начале улицы Петербургской на Кольце, в городе Казани стоит памятник. Мы – татарский народ гордимся им, на нем написано: «Я русский человек, всю жизнь защищал татар от клеветы», – и подпись Гумилёва. Этому у нас никто не отнимет!

Первый концлагерь на территории нашей республики создан в 1918 году в Свияжске. В следующем 1919 году более вместительный «исправительно-трудовой» лагерь был создан в Казани, затем «знаменитая» Мензелинская тюрьма для политических заключенных. Но больше всего лагерей расположились в соседних республиках – Мордовской, Марийской и Коми. Одной из самых опасных профессий в годы репрессий было писательство.

Сталинские репрессии унесли жизни более тысячи писателей разных национальностей, ещё примерно столько же писателей были арестованы, томились в лагерях и тюрьмах, потеряли лучшие годы жизни и здоровье. Среди них – Хасан Туфан, Сагит Рамиев, Джамал Валиди, Фатхи Бурнаш, Мирсай Амир, Баки Урманче и много других писателей. Например, Фатих Карим смог выплыть из ледяной воды, где он оказался, попав на «филосовский пароход». На пароходе было отправлено из застенков НКВД 200 «врагов народа»,

чтобы потопить их. Потом он добровольно ушел на войну защищать Родину, которая обошлась с ним так несправедливо и жестоко.

Из тысячи погибших писателей – около 300 русские, а более 700 – писатели союзных и автономных республик. Именно по ним был нанесен наиболее сокрушительный удар, с корнем были выкорчеваны целые литературные пласты некоторых малых наций. Тех, кто пишет на родном языке, поголовно обвиняли в «буржуазном национализме». Тяжелейший урон понесла и татарская литература, всего репрессиям подверглось около сорока татарских писателей. В первую очередь арестовывали самых знаменитых, самых выдающихся писателей.

Так, в августе 1934 года делегатами Первого съезда писателей СССР были избраны семь самых талантливых татарских писателей – Хасан Туфан, Фатих Сайфи-Казанлы, Лябиб Гыйльми, Гумер Тулубайский, Галимджан Нигмати, Карим Тинчурин, Кави Наджми. Ни один из них не избежал ареста, пыток, пятеро погибли в лагерях или были расстреляны.

В 1937 году подвергся репрессии и Гаяз Исхаки (1878–1954) – классик татарской литературы, знаменитый прозаик, драматург, пламенный публицист, личность, признанная большим общественным деятелем, среди неизученных татарских писателей он занимает особое место. Первое свое произведение «Радости признания» Исхаки написал, когда ему было

всего 17 лет в 1896 году и имел огромный успех среди читателей.

Гаяз Гилязетдинович Исхаков – редактор, издатель, журналист. Его произведение «Идель-Урал» вышло в 1933 году на татарском языке в Берлине, в Париже на русском и французском языках. 70 лет его имя было под строжайшим запретом и не одно поколение татар выросло ни разу не услышав имени этого гиганта татарской литературы. А в начале XX века о Гаязе Исхаки и его произведениях писала вся татарская интеллигенция.

Классические драмы «Зулейха», «Учительница» ставились на сценах Татарских театров до 1923 года. Его произведения были запрещены в 1920-е годы. Произведения Г. Исхаки стали доступны для читателей только в годы перестройки. До 1917 года Гаяз Исхаки был кумиром молодёжи и его портреты украшали свидетельства об окончании медресе, ученические тетради. Г. Исхаки – автор десятков романов, повестей, историко-политических сочинений, он является автором около 60-ти произведений, которые издавались на татарском, русском, немецком, польском, арабском, и других языках. Его знаменитая пьеса «Зулейха» в театре им. Галиаскара Камала и сейчас идёт с аншлагом. Умер он в 1954 году в Анкаре, после освобождения ему не разрешалось жить в Казани.

Галимджан Ибрагимов (1887–1938) – писатель, прозаик, оставивший богатое литературное наследие

– четыре романа, три повести, пьесу, около двадцати рассказов, около двенадцати научных трудов, посвященных культуре и искусству и др. По характеру своего таланта и научной творческой деятельности он был поистине энциклопедистом, он прожил недолгую жизнь, но историческая роль великих личностей оценивается величиной проделанного труда. Тяжело больного Галимджана Ибрагимова арестовали в сентябре 1937 года, 21-го января 1938 года он умер в тюремной больнице.

Среди репрессированных писателей также поэт и прозаик Ибрагим Салахов (1911–1998). В 1935–1937 годы он пишет пьесу «Любовь», повести «Дуэль», «Любовь и Надежда». В 1938 году его творчество прерывается – Салахова арестовывают. Пройдя все муки ада сталинских лагерей, он чудом остается жив. Свет увидели новые его произведения – «В степях Кукчатау», «Дубы простирают корни», «Повести о Колыме», «Скользкий брод» и ещё много других повестей, любимых читателями.

Оставил яркий след на литературном небосклоне репрессированный Суббух Рафиков (1913–1971). С октября 1937 года его ссылают далеко от Татарстана – в Северные области. Он живет в Красноярском крае. У С. Рафикова издаются три сборника стихов и повестей «Песни растут», «Последняя попытка», «Отрочество», после ВОВ, в 1957 году свет увидел его сборник стихов «Белые ночи». Только в 1958 году ему

разрешается вернуться домой. 21 год С. Рафиков был в ссылке, отправили его в возрасте – 24 года, а вернулся он в 45 лет, наверное, глубоким стариком. Мой отец после 10-ти лет концлагерей вернулся в возрасте 42-х лет. Прошло уже ровно 70 лет с того времени, а он у меня перед глазами – измученный дряхлый старик. За что наши соотечественники пережили мучения лагерей, пытки, унижения, потери? За что?

Около 20 лет преследовали друга Габдуллы Тукая – Хабира Бакира. Организатора первой татарской газеты «Нур». Его арестовали в 1926 году. В ссылке он попал в дом, где жил Ленин. Вскоре после возвращения его отправили в Соловки, затем в сибирскую ссылку. Когда все сроки вышли, он вернулся домой, долго болел, умер в 1944 году, а через пару дней после похорон за ним снова пришли из НКВД, не зная о его смерти.

Среди репрессированных был и отец легендарного татарского певца Илгана Шакирова, и Масгут Иمامов – заслуженный деятель искусств РТ, композитор, автор музыки к 50 драматическим спектаклям, около 100 вокально-инструментальных сочинений на стихи татарских поэтов. В 6 месячном возрасте он со всей семьёй: дед, бабушка, отец, мама с сестрой и братом в январе 1931 года были раскулачены и сосланы на Север Пермского края, после реабилитации, оставив отца, он там умер в 1934 году, вернулись домой. И любимая татарским народом известная по-

этесса Гульшат Зайнашева, прошедшая все тяготы лишений будучи «ЧСИР» – членом семьи изменника Родины. Список, подвергшихся политическим репрессиям служителей науки, культуры, литературы, музыки наших татар можно продолжить, от этого горечь потерь только усиливается.

В годы Отечественной войны Казань была одним из крупнейших центров авиационной промышленности страны. Но не все знают, что боевая мощь нашей авиации ковалась во многом руками политзаключенных – «врагов народа» и «изменников Родины». Среди них, ныне легендарные, – В. М. Петляков, С. П. Королёв, А. Н. Туполев и др.

В конце 30-х годов талантливый конструктор В. М. Петляков (1891–1942). необоснованно был репрессирован и выслан в Казань. Вскоре первым среди других арестованных авиаконструкторов его выпустили на свободу и поставили главным конструктором на авиационном заводе в Казани. В. Петляков – создатель бомбардировщика Пе-2, его называли орудием Победы, собирал его В. М. Петляков в Казани, требовал, чтобы вернули специалистов. Он погиб на своем самолете, никогда не брал с собой парашют, говорил: «грош цена конструктору, если он надел парашют». 12 января 1942 года самолет Пе-2, изготовленный на одном из казанских заводов, врезался в землю и взорвался невдалеке от станции Камкино казанской железной дороги, в самолете находился сам создатель

Пе-2, знаменитый авиаконструктор, лауреат Сталинской премии, кавалер 2-х орденов Ленина и Красной Звезды. Владимир Михайлович Петляков-руководил созданием первых тяжелых бомбардировщиков ТБ-1, ТБ-3, высотного пятимоторного бомбардировщика дальнего действия Пе-8. Погиб в катастрофе, похоронен на Арском кладбище в Казани. Петляков успел до своей гибели получить закрытую Сталинскую премию и вставить зубы взамен выбитых на Лубянке. Он был щедрым человеком, деньги из премии раздал своим сотрудникам, тем кто не был награжден.

В 1937 году был арестован как «враг народа» известный уже в те годы конструктор ракетных систем Сергей Павлович Королёв. (1907–1966). Его осудили на длительные сроки тюремного заключения и вскоре тоже сослали в Казань. Королёв попал в спецконтингент «авиационной» тюрьмы НКВД ТАССР, это была та самая «шарашка», описанная Александром Солженицыным в его романе. Она базировалась при Казанском авиационном заводе номер 22. С. П. Королёв – основоположник советской космонавтики, он предсказал, что человечество не останется на Земле. Королёв – главный организатор производства ракетно-космической техники ракетного оружия в СССР и основоположник практической космонавтики, одна из крупнейших фигур XX века в области космического ракетостроения. Такие великие люди, как С. П. Королёв рождаются раз в 100 лет. В 2017 году прошло

110 лет со дня его рождения. Он родился 12 января 1907 года, умер 14 января 1966 года, прожил всего лишь 59 лет. Морально нелегко было Королёву находиться постоянно под неусыпным оком работника НКВД. Поговорить с конструктором было можно, но только по вопросам, которые имели прямое отношение к работе. Таких великих людей, как Петляков, Королёв, Туполев и многих других заставляли жить в рабском состоянии, унижали их человеческое достоинство. Неужели нельзя было создать им нормальные человеческие условия и эти конструкторские бюро обустроить для таких гениальных людей достойно их великого таланта. Я лично воспринимаю всё эту чудовищность наравне с расстрелом моих близких.

С. П. Королёв – крупный ученый, выдающийся конструктор ракетно-космических систем, действительный член Академии наук СССР, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии (1957). Под его руководством созданы геофизические и баллистические ракеты, первые искусственные спутники Земли и Солнца, а также спутники различного назначения «Молния-1», «Электрон», «Космос» и космические корабли «Восток», «Восход», на которых впервые совершены полёт человека и выход человека в космос!

Хлебнул лиха и выдающийся авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев (1882–1972). 21 октября 1937 года НКВД арестовал А. Н. Туполева, а до

конца года были репрессированы почти все работники руководимого им конструкторского бюро. Суд состоялся 28 мая 1940 года. Туполева обвинили в организации шпионско-диверсионной группы и в том, что он якобы является старым агентом французской разведки. Приговор – 15 лет лагерей и 5 лет поражения в правах. Его полтора года продержали в тюрьме, затем перевели в ЦКБ-29 при НКВД, где он возглавил коллектив заключённых, как и он, авиаконструкторов. И в 1939 году, ещё до приговора, Туполев начал работать над проектом пикирующего четырёхмоторного высотного бомбардировщика, конечно, находясь в «режимных» условиях, под бдительным оком НКВД.

Созданный по проекту А.Н. Туполева знаменитый Ту-2 вскоре сделался лучшим фронтовым бомбардировщиком ВВС СССР. Уже в 1924–1925 годах им были созданы первые цельно-металлические самолёты АНТ-2 и АНТ-3, на его самолётах в 1937 году совершены перелеты через Северный полюс в Америку. Самолеты, разработанные в 1941–1945 годах в КБ, возглавляемом Туполевым, сыграли важную роль в Отечественной войне. Им были созданы первый реактивный бомбардировщик Ту-104, Ту-114, первый сверхзвуковой пассажирский самолёт Ту-144. Имя А.Н. Туполева носит Казанский технический университет (КАИ).

Туполев попал в казанскую «шарашку» в 60 лет, он тяжело переживал трудности «режима», особенно

моральные, но держался твердо и все силы отдавал работе на благо Родины. Той самой, которая обошлась с ним так круто и несправедливо.

Андрей Николаевич Туполев – ученый и авиа-конструктор, генерал-полковник, инженер, доктор технических наук, академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и пятикратно – Государственных премий СССР. Едва ли найдется ещё один авиаконструктор, создавший такое количество самолетов!

Репрессий не избежали и служители любого религиозного вероисповедания. Известно, что в двадцатых – начале тридцатых годов в СССР было закрыто 14 тысяч мечетей, что составляет примерно 99% от всех существовавших прежде. 30 тысяч мусульманских священнослужителей были лишены гражданских прав, арестованы или сосланы. Подавляющее большинство из них либо сразу расстреляны, либо погибли в лагерях и тюрьмах. Преследованиям подвергались не только сами священнослужители, но и члены их семей. Сын или дочь муллы – это звучало, как несмываемое клеймо, за которое могли снять с работы, отлучить от любимой профессии, посадить в тюрьму.

Кого только не было среди попавших в мясорубку кровавых сталинских репрессий, каких только уму непостижимых преступлений им не вменяли. Жестоким преследованиям подвергались целые сословия, целые народы, рабочие и крестьяне, неграмотные

матери семейства, инженеры и военачальники, верующие и государственные служащие, учёные и деятели культуры. Репрессии не щадили ни талант, ни заслуги перед Родиной, ни искреннюю преданность ей. Миллионы людей были объявлены «врагами народа», расстреляны или покалечены, прошли через муки тюрем, лагерей и ссылок.

На открытии монумента «Стена скорби» В. В. Путин сказал: «Когда речь идет о репрессиях, гибели и страданиях миллионов людей, то достаточно посетить Бутовский полигон, другие братские могилы жертв репрессий, которых немало в России, чтобы понять – никаких оправданий этим преступлениям быть не может. Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества, жестоким ударом по нашему народу, его корням, культуре и самосознанию. Последствия мы ощущаем до сих пор.

Наш долг – не допустить забвения. Сама Память служит мощным предостережением от их повторения. Открытие мемориала «Стена Скорби» 30 октября 2017 года в центре столицы на проспекте Академика Сахарова и выступление на нём Президента РФ В. В. Путина было давно ожидаемое нами – репрессированными событие. Мы считаем, что на государственном уровне была признана наша общенациональная трагедия – политические репрессии в нашей стране и об этом открыто говорит Президент Российской Федерации.

Только почему на открытии присутствовал только Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, а других, например, нашего председателя духовного управления мусульман Российской Федерации Муфтия Равиля Гайнутдина, Главных служителей: католического, иудейского, лютеранского и др. вероисповеданий не было, а также представителей нерусских национальностей, они должны были быть. У нас же многонациональная, многоконфессиональная страна и все пострадали от кровавых репрессий в равной мере. И в других событиях нашей жизни – участие в поминальных богослужениях, концертах на Красной площади, изучение родного языка для каждого нерусского народа и т. д. должно быть в равной мере, нужно это иметь в виду, тогда наша страна поистине будет единой и неделимой и народы как при СССР будут жить в дружбе и согласии.

Репрессиям подверглись люди даже самых высоких рангов, гарантий и спасения от репрессий не было ни у кого. 30 октября – в день всеобщей скорби мы плачем, как будто в этот день, вот сегодня, мы потеряли своих родных и близких.

И сегодня мы не переставая должны говорить, рассказывать своим детям и внукам о наших отцах и дедах, матерях и бабушках, замученных в застенках Гулага, расстрелянных замерзших на Севере, на Колыме, утонувших на лесосплавах, умерших от голода детей – сиротах. Рассказывать для того, чтобы это не

повторилось вновь, чтобы будущие поколения не позволили случиться такому кощунственному геноциду по отношению к своему народу, чтобы у наших потомков не болело постоянно сердце от утрат, унижений и жестокой несправедливости. Мы не должны забывать своих репрессированных родных, должны воспитывать своих детей и внуков достойными их памяти.

Иван Ильин пишет: «Когда однажды пробьёт час непредвзятого исследования русской истории и выяснится число уничтоженных, заключённых в лагеря, изгнанных и сосланных людей, мир не поверит ни глазам, ни ушам».

Незаконные репрессии советских граждан с принудительным использованием их рабского труда были частью внутренней экономической политики страны.

Система ГУЛАГ позволила перебрасывать рабочую силу в определённые места, обойтись без больших затрат на социальную инфраструктуру, и ни одна стройка, разработка полезных ископаемых, лесных запасов и т. д. не обходилась без этой неприхотливой, беспрекословной дешёвой силы.

Вот как пишет Елена Жукова:

«Жизнь зэка в ГУЛАГ е совсем не важна,

Цена за работу повсюду одна:

Лишь пайка с баландой, да ватный бушлат,

И нары в бараке, где спали внакат».

Когда в 1937 году по всей нашей огромной стране начались кровавые репрессии, мои дорогие родственники тоже подверглись всеобщему геноциду.

По случаю 20-летия Октябрьской революции, начиная с ноября месяца до начала 1938 года 350 моих земляков из города Тары, ни на йоту не имевших никакой вины, избитые, измученные пытками, надеясь, что останутся живы, сознавались в несуществующих преступлениях, хотя и не совершали их. И всё равно погибали от пыток или расстрела.

В дни допросов начало процессии из «врагов народа» было в тюрьме г. Тары омской области, а конец был на базарной площади возле НКВД. Кто не мог идти сам, везли на лошадях, погрузив как попало. Мне эти строки писать очень тяжело, я уверена, что в этих процессиях были и мои родные, если некоторые не могли сами идти, значит, их, добываясь признаний, безжалостно пытали.

Однажды ночью, в октябре 1937 года, когда все спали, сотрудники НКВД громко постучались в ворота дома № 51 по улице Карла Либкнехта и потребовали хозяина дома. Моему деду Фатхулле приказали одеться и идти с ними. Он попытался успокоить домашних, поцеловал 6,5 месячную дочь Нурджиган и исчез навеки в застенках мучителей. С одной искалеченной рукой, человечный, добрый, удивительно трудолюбивый отец одиннадцати детей – мой незабвенный дед в начале ноября 1937 года был застрелен пулей в затылок и закопан в неизвестном месте с другими, «врагами народа», с другим моим дедом Мухаммат-шарифом и 8-ю дядями.

В эту же ночь забирали восьмерых родных деда Фатхуллы. Вот их имена: Салахетдин Ахманов, муж младшей сестры Сары, отец пятерых детей, Зайнулла Рахматуллин, муж старшей сестры деда Фатыймы, отец девятерых детей, его сыновья – Самигулла, 23 года, и Мостафа, 21 год, Ибрагим Яхеев муж двоюродной сестры деда Маулихи (дочь сестры деда Фатыймы), отец пятерых детей, со старшими братьями Каюмом Яхеевым – мужем сестры моего отца Сарвар – отца двух детей, Идрисом, отца троих детей, Гайзулла Хамитов – старший брат моей бабушки Бибигазизы, отец двоих детей. Все они канули в лету, никто из них не вернулся.

За дедом Мухамматшарифом тоже пришли в октябре 1937 года, вечером, когда стемнело и семья собиралась ужинать. Он спокойно оделся, взял с собой склянку с валерьянкой, успокоил домашних сказав, что всё это недоразумение – «там» разберутся и его отпустят домой и они поужинают вместе.

К тому времени деду Шарифу исполнилось 73 года, несмотря на то, что существовал Указ о том, что с семидесяти лет человек освобождается от уголовной ответственности, семья больше не увидела деда.

КУЛЕЕВ Шарип Бакирович. Родился в 1864 г. в г. Буинске Симбирской губ. Житель г. Тары Тарский р-н Омской обл. Татарин, иждивенец. Арестован 1 октября 1937 г. Приговорен 2 ноября 1937 г. тройкой при УНКВД по Омской обл. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. **Расстрелян** 5 ноября 1937 г. в Таре. Реабилитирован 9 августа 1957 г. военным трибуналом СибВО за отсутствием состава преступления. (П-5206)

Дети, жёны, все родственники арестованных ждали их, думали, что они вот-вот вернутся. Знали хорошо, ни у кого нет вины. Когда дед Шариф не вернулся, моя мама отправила 9-летнюю мою старшую сестру Фагмию с хлебом и бутылкой молока к нему. Когда сестра вернулась, рассказала, что она смогла пройти между охранниками, нашла деда и передала ему съестное, что все арестованные стоят, говорят такбир – молются.

О судьбе, в тот день арестованных 350-ти человек моей маме во время ВОВ рассказал наш сосед дядя Сайбаттал. Он жил напротив нас в своём доме с тётей Гайша. Дядя Сайбаттал никогда не улыбался, мы – дети побаивались его. Помню, летом тётя Гайша приносила нам зелёный лук батун, её аккуратность и чистоплотность остались в моей памяти. Как сегодня помню, однажды в холодный зимний день я пошла с каким-то маминым поручением к тёте Гайша. Их ворота были закрыты, мне пришлось достаточно долго ждать, я почему-то коснулась кончиком языка ручки ворот и он прилип. От испуга я отодрала свой язык, а на ручке осталась кожица моего языка – щемящую боль на языке я помню по сей день.

Перед смертью дядя Сайбаттал говорил моей маме: «Соседка, не ищи своего отца, свёкра, родных все они лежат на окраине нашего города в яме, их расстреляли», – так открылась истина. Только сейчас, когда я пишу эти строки, я поняла, почему дядя Сайбаттал

всегда был угрюмым, ходил печальным – он был свидетелем большого преступления, видел расстрелы, знал о них.

Расстрелянному моему деду было 73 года, а самому молодому дяде Мустафе – 21 год, постоянно-му победителю на сабантуях, завоевателю звания «батыр» Самигулле – 23 года. Расстрелянные люди были закопаны на краю города в скотском могильнике, поэтому у них нет и могил. Сегодня на костях наших близких построены дома, ездят машины, ходят люди, действительность сегодняшних дней доказывает это варварство и зверство.

25 октября 2012 года, когда в моём родном г. Тара по улице 11 линия стали копать канавы для проведения водопровода, то открылось захоронение с человеческими костями. Подошедшие соседи сказали, что когда они копают огород или ямы, то иногда на их участке выкапывают человеческие кости.

А тут открылось большое захоронение с человеческими костями, у каждого черепа в затылке дырка от пули, рядом истлевшая одежда. Эксперты выяснили, что заключенных раздевали догола, ставили на колени и стреляли в затылок. Передо мной лежит издаваемый в моём родном городе номер газеты «Тарский курьер», где одна страница была посвящена теме репрессий и на цветном фото – два черепа с дырками от пули. Кто мне скажет, что это не черепа моих дедов Фатхуллы и Мухамматшарифа?!

4. ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕПРЕССИЯМ БЫЛ ПОДВЕРГНУТ И МОЙ ОТЕЦ

16 февраля 1938 года арестовали и моего отца Кулеева Галляметдина Мухамматшарифовича. Если дед Фатхулла был расстрелян по статье 58–10, дед Мухамматшариф – по статье 58–2–10–11 УК РСФР, то мой отец 14 марта 1938 года был приговорен тройкой при УНКВД по Омской области по статье 58–2–7–9–10–11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря), т. е. концлагерь. Реабилитирован 5 февраля 1957 года военным трибуналом СибВО за отсутствием состава преступления.

Я решила изложить содержания частей 58-й статьи, по которым был приговорен мой отец, это уму непостижимо! Сколько преступлений ему вменили в вину! Ему было только 32 года.

58–2. Вооружённое восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооружённых банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть её территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры.

58–7. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенной

в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций.

58–9. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества.

58–10. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2–58–9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания.

58–11. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой.

Предъявив моему 32-летнему отцу все эти чудовищные преступления, его отправили строить желез-

ную дорогу Воркута–Котлас, где он таскал тачку с гравием для отсыпки полотна железной дороги в течение шести лет. Известно, что эта дорога строилась с 1938 по 1941 гг. Последние четыре года своего рабского труда отец провел в г. Угличе Ярославской области, в тюрьме особого режима, с 1950 года – колонии особого режима.

По рассказам моего отца колония имела площадь 4 км на 4 км, – целый город. Во время Великой Отечественной войны мой отец трижды писал просьбы, чтобы его отправили на фронт защищать Родину, но его не посчитали достойным защитником. Когда отец случайно прочитал книгу Александра Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича», он сказал, что это абсолютно достоверная книга, что в ней было всё точно, удивлялся, как могли её напечатать. Когда в феврале 1938 года забрали моего отца, дома осталась беременная мама с тремя малолетними детьми, парализованная бабушка, которая не выдержала испытаний и умерла в апреле 1938 года. До ареста отец работал директором неполной средней школы, по отзывам учителей – коллег, многочисленных учеников, родителей считался хорошим учителем и руководителем, учился на третьем курсе педагогического института, и в мгновение ока превратился во «врага народа».

Я родилась 24 марта 1938 года. У мамы на руках нас стало четверо, а уже 9 апреля 1938 года нашу семью выбросили из дома, объяснили, если будем

разбираться, то нас отправят на Кулай – болота. Мало кто возвращался оттуда назад. Когда забирали моего отца, я ещё не родилась, мама была на последнем месяце беременности. Она мне рассказывала, что потеряла сознание, а когда пришла в себя – на спинке стула остался только галстук папы.

Папино улыбчивое лицо у меня перед глазами, его улыбка бесила охранников. Я всю жизнь горжусь его порядочностью и добротой. Он никогда не обманывал даже в малом, в этом я похожа на него.

По рассказам моей сестры Фагмии: «Когда пришли за папой, в каждом окне стоял человек в черном». Сестра в девять лет увидела, как уводят нашего отца, только в 19 лет ей посчастливилось снова увидеть его.

Тогда никто никуда не убегал, каждый знал, что он ничего преступного не совершил, что все, что творится, это какое-то недоразумение. Муж исчез, любимого сына Галляметдина уводят – какое материнское сердце это выдержит. Мою бабушку парализовало, но речь её ещё не исчезла полностью, когда мама принесла меня из роддома домой, бабушка с трудом сказала маме: «Положи, мою доченьку рядом, может быть огонь в моей груди утихнет». Когда мама положила меня около бабушки, она смогла сказать: «Доченька походит на своего папу, пусть на её счастье он вернется живой, здоровый и благодеяния дочери не оставят его», – и заплакала.

Так и случилось, Я очень любила своих родителей, никогда не лишала их своего внимания и любви. Радовала их, мне кажется, что папа больше всех детей любил меня. Когда мама пришла из роддома, дома не было ни деда, ни отца, только больная бабушка и трое детей. В доме у деда Фатхуллы та же безисходность – дед арестован, а бабушка Миннихаят с 10-ю детьми мучается без помощников. Моим родным, приходилось, стиснув зубы, продолжать жить, теперь уже не жить, а существовать.

В мае месяце моего отца с другими заключёнными – «врагами народа» в трюме парохода отправили в Омск. Отец без слез не мог рассказывать: «нам бросали солёную селедку, а пить не давали». Можно представить это кошунство – за бортом вода, а пить не дают. Тогда Иртышская вода была чистейшая, я помню как в детстве на лодке по Аркарке плыли до Иртыша и набирали её воду для питья, она была вкусная, мягкая и в ней водилось очень много ценных рыб – стерлядь, язь, щука и другие.

До Омска, против течения, пароходы плыли четверо суток. Когда пароход отплывал в Омск, проводить своих родных – «врагов народа» приходили родители, дети, родственники, хотели передать одежду, продукты, но охранники ни у кого, ничего не брали, какое бездушие! К нашим дорогим сердцу людям относятся как к изгоям. Конечно, они ведь теперь «враги народа», этому уверовали от мала до велика. Почему так

пишу? А вот почему – когда посадили маму в тюрьму, я пошла к бабушке Миннихаят, по дороге встречный мальчишка крикнул мне, злорадствуя: «А-а-а, и маму посадили!» Наверное, он был из семьи доносчиков, лодырей-голодранцев, я потом узнала кто был доносчиком на моих родных. Имена этих «граждан» – Ахтам Абдулов и Саня Ниязова, кстати, она была учительницей. Помню, лил дождь, было пасмурно, я шла и плакала от тоски и отчаяния, мне было всего семь лет. Не дай бог, чтобы это повторилось!

*Мы были изгой в своей же стране.
Мы были герои в великой войне.
Мы Родину нашу трудом прославляли,
Хоть пили из чаши нужды и печали.
Своих палачей мы по имени знали.
Без громких речей справедливости ждали.
И время настало на стыке времен.
Осталось нас мало, но век не прощён.
Мы верим, Отчизна: за смерть и лишенья
Век новый у мира попросит прощенья!!!*

Мария Колмакова

Мама смогла договориться с соседом, который работал матросом на пароходе, чтобы тот пропустил её на пароход и помог добраться до Омска. Охранники, увидев настырность мамы и что она одна, разрешили передать продукты, одежду и главное – короткую

шубу. Мама с папой расставалась на 10 лет и не знала, увидятся ли они. Когда мама достигла цели, увидела папу, передала вещи, то стала думать, как же ей добраться до дома. Расстояние до Тары по суше 299 километров, по воде – 412, и только тут вспомнила про свою двухмесячную Фарзану. Она оставила моих 2-х сестер и брата с женой папиного брата Хабибой джинги и думала, что я уже умерла с голоду. Но когда мама вернулась домой, с грудью полной молока, то увидела, что я не собираюсь умирать, а лежу и дрыгаю ногами. Я выжила потому, что меня грудью кормили женщины, которые приходили на базар торговать из татарской деревни Нерпинки (Буксим) расположенной в 4-х километрах от Тары. Пусть души у них будут радостны, а земля – пухом! Я никак не могла умереть, так как мне была уготована судьба проводить в последний путь маму, папу, сестру Фагмию, поставить им памятники и ограды на кладбищах. В сентябре 2015 года я ездила на 80-летие брата, сделала ограду и старшей сестре Фархане. Я рада, что смогла это сделать. Папа всегда говорил мне: «Тебе, доченька, надо было родиться мальчиком», что я – огонь-пламя (ут-ялын). Я согласна с папой, хотя у меня был старший брат, однако мне пришлось самой заниматься мужскими делами, также как и маме. Наверное, генов Алтынбаевых у меня немало.

Репрессиям подверглись и младшие братья моей мамы. Мамин брат дядя Калимулла, отслужив в Крас-

ной Армии, вернулся домой. Узнав, что его отец и родственники арестованы, испугался, что и его заберут и решил уехать.

В городе Чита он закончил курсы и начал работать инструктором, но и здесь нашелся «стукач», который доносит в НКВД, что у Калимуллы Алтынбаева отец – «враг народа». Вскоре его арестовало НКВД и в его 22 года отправили на 10 лет в концлагерь. После того, как дядя девять лет валил лес на лесоповале, его за хорошую работу освободили на год раньше срока. Удивительно! Как надо было работать, чтобы раньше освободиться!

Помню день, когда он вернулся. Мама была на работе и ей сообщили об этом. Мама потеряла сознание. Это был первый случай возвращения родного человека – вторым в 1948 году вернулся мой отец. После ареста больше НИКТО НЕ ВЕРНУЛСЯ. Мы не знаем, где лежат кости моих родных, также и у миллионов наших соотечественников. С этим никогда невозможно смириться!

Второго младшего брата мамы Муллагали Фатхуловича Алтынбаева, как сына «врага народа» уволили с директорской должности, а ведь его уважало всё население деревни Кызылкаш, ученики и учителя любили. Он был образованный, хорошо пел и играл на гармонии, отец двоих детей. В 1941 году добровольно ушёл на фронт, воевал в армии Рокоссовского.

Дядя Муллагали не вернулся домой, никто не знает его судьбу – ведь репрессии продолжались и после 1945 года. Его фамилия увековечена в г. Тара наряду с другими погибшими в ВОВ на мемориальной доске.

Все братья и сёстры моей мамы были красивыми. Маминых братьев Гарифуллу, Калимуллу, её сестру Хатифу я знала, общалась с ними, а дядю Муллагали и тётю Асхапджамал я не видела, наверное, они тоже были красивы. Все они были детьми моей бабушки Бибигазизы и моего дедушки Фатхуллы, в своей деревне они были самой красивой парой.

5. КАК МАМА ХОДИЛА ИЗ ДОМА В ДОМ

Когда мне исполнилось два месяца, маму с четырьмя детьми выгнали из дома. Старшей моей сестре глухонемой Фархане было 10 лет, Фагмие – 9 лет, брату Булату 2,5 года. Мама у прислужников НКВД просила, чтобы её с детьми оставили в маленьком домике во дворе, но её никто не хотел слушать. У меня щемит сердце, когда представляю эту трагедию. Поражает бессердечие, жестокость и бездушие этих мучителей из НКВД, которые ограбив среди белого дня зажиточных и добропорядочных людей, разорив эти семьи, оставляли их без кола и без двора. Эти – лодыри и голодранцы, воодушевлённо, с радостью творили свои черные дела. Разве они могли знать цену награбленному, присвоив имущество и дома бесплатно, не заработав их в поте лица? Им лень было даже сходить во двор за дровами, печь топили нашими стульями.

Когда в Казани на даче бандиты сожгли двухэтажный дом, который мы с мужем строили пять лет, я не думала о себе – моей семье было, где жить. Но я горько плакала от того, что помнила, как страдала моя мама, когда её с четырьмя детьми оставили на улице. Я была двухмесячная на руках у мамы, один ребёнок глухонемой, сын хронический больной с заболеванием лёгких. Я, когда представляю эту картину перед глазами, хочу взреветь. Некоторые, не подвергшиеся репрессиям, говорят: «забудь». Как мне забыть?

С возрастом ещё труднее. Несправедливость берedit незаживающие раны, плачет сердце. «Внутри меня горит огонь, почему рвётся это сердце?» – пел мой отец, когда вернулся после заключения глубоким старцем в свои 42 года. Думал, наверное, о прожитых 10-ти рабских годах, которые он мог бы прожить в кругу семьи. Мог бы воспитывать детей, видеть, как они растут, быть рядом с женой и близкими, радоваться любимой работе.

Вся жизнь моего рода была разбита вдребезги. Почему? Потому, что они умели жить, были работающими, трудолюбивыми, признавали Аллаха, молились ему, помогали бедным? Отдыхали в праздники, пели, играли на гармониях, на сабантуях, участвуя в соревнованиях по борьбе, были первыми? Почему жизнь миллионов людей разбилась в пух и прах? Я думаю: на эти вопросы когда-нибудь ответят историки, политики – это их задача перед миллионами, уже оставшимися в очень малом количестве «врагов народа» и их потомками. Среди не подвергшихся сталинским репрессиям находятся злопыхатели, считающие, что не зря расстреливали, гноили в концлагерях, ссылали до Колымы. Они скучают по сталинским временам. А у тех, кто прошёл мясорубку репрессий (прошло около 100 лет, они начались сразу после Октябрьской революции) до сих пор плачут, ноют сердца, они тоскуют по невинно убиенным отцам-дедам, матерям-бабушкам, детям, родным, близким.

Когда маму выгнали из дома, нас приютила мамина младшая сестра Хатифа. Из двух комнат в доме она уступила нам маленькую комнатку, где едва умещалась одна широкая железная кровать и мамина ножная швейная машина. Рядом висела моя люлька. В кровати мама спала, обняв своих четверых детей: Фархану, Фагмию, Булата и меня – Фарзану, а в соседней комнате – Хатифа апа с сыновьями: Акрамом, Халилем и Камилем. Спасибо, что нас приютили, тогда люди боялись пускать на постой «врагов народа», их семей, думали, что и им присудят статью. Через несколько месяцев мы перебрались к старшему брату отца – Мирсаефу. Его жена Хабиба джинги, пятеро их детей, мы с мамой пятеро – все в одной комнате. У них мы долго не живем, перебираемся к маминой мачехе. Там тоже куча детей. После того, как забрали деда Фатхуллу, Миннихаят аби одна мучается с детьми, как бы тяжело не было, она подняла детей, а их ведь было десять человек. Перезимовав у бабушки, оставив сестру Фагмию у неё, мы переехали к маминому брату Муллагали в деревню Кызылкаш. Осенью он привез нас в Тару и купил нам корову Беянку, она была очень молочная. Мы – дети очень её любили.

Наконец, в декабре 1940 года мама купила маленький домик с двумя комнатками, и хотя домишко, где я прожила до 17 лет (потом уехала учиться в Казань), позже перестроили, он мне снится до сих пор. И кадка, в которой рос аспарагус до самого потолка,

и мамина ножная машинка «Зингер», что трудилась вместе с мамой и помогла нам купить дом, потом научила всех нас шить, помогла выжить. В 8 лет я уже сшила платье Хабибе джинги. И большой сарай во дворе, где гнездились много ласточек, моих любимых птичек. Перед моими глазами картина – как они стаями чирикали, летали в нашем дворе. Наверное, наш сарай им нравился, он был большой, высокий. В Казани я ни разу не встречала ласточек.

Таким образом, мы заимели свой дом. Маленькая кухонька и небольшая комнатка его кого только не приютила. Мама говорила: «Когда заимею свой дом, то никогда не заверну назад человека, просившегося на ночлег». Она сдержала своё слово – всю жизнь пускала переночевать и нищих, и родственников, и с радостью привечала гостей.

Помню в детстве к нам заходил дедушка Мачит. Он ходил по деревням, на плече у него висел небольшой холщовый мешок, мама угощала его чаем, давала ему хлеб. У него были белоснежные волосы и голубые глаза, Дедушка Мачит всегда был жизнерадостный, хотя его одежда и мешок были залатаны, от него веяло чистотой. Пусть земля ему будет пухом! Ещё помню, как к нам заходил высокий, слепой после оспы, рябой парень. Он просил подаяние, мы его кормили и я маленькая девочка, взяв его за руку, вела на базар, он там пел, помню у него был красивый голос. Люди давали деньги, собрав их, я отдавала ему.

Я с детства жалела убогих и нуждающихся, старалась им помочь. Это доброта и милосердие – наследство мамы и папы перешли к моим детям и внукам. Участливость и доброжелательность не чужды им, они этому научились на моем примере и я счастлива этим.

Когда мы перебрались в свой дом, мне было 2 года и 9 месяцев. У всех кто приютил нас, была куча своих детей, пусть им ниспадёт благоденствие Аллаха и земля будет пухом! Помню восторженные мамини слова: «Сколько хотите, столько прыгайте, мы в своём доме!». Это случилось через 2 года и 7 месяцев после того, как нас выгнали на улицу, тогда мне было всего 2 месяца.

Наконец, у нас появился свой дом и молочная корова. Маму взяли на работу в пошивочную мастерскую. Потом других женщин – родственников «врагов народа» уволили, но моя мама выполняла норму на 300%, поэтому её оставили.

Дом мама купила за 7000 рублей, сразу заплатила 3500 рублей, остальные договорились заплатить позже, пока живя вместе с хозяевами. Хозяев было четверо: двое детей, их отец Степан, мать Мария – все спят в одной кровати. Мама со своими детьми – в другой кровати. Как в маленькой комнате все уместались? Маме было не привыкать спать в тесноте – около трёх лет ей пришлось с четырьмя детьми кочевать от одних родных к другим.

Чтобы заплатить долг за дом, маме пришлось работать днём и ночью. Днём она трудилась в мастерской, а ночью – дома. Недалеко от нас была школа механизаторов и для их курсантов мама шила, так называемые, «москвички» – зимние полупальто. За ними выстраивалась очередь. На базаре она покупала одеяло и баранью шкурку, вечером всё раскраивала и до утренней зари дошивала пальто полностью. Немного отдохнув, снова шла на работу. Через 3–4 месяца мама смогла расплатиться с долгом.

В те времена дома не разрешалось заниматься какой-либо деятельностью, кроме работы на производстве. Помню, как я перед домом лежала на траве, читала книгу и наблюдала, не идут ли фининспекторы. Всё-таки нашелся «стукач» и когда мама только-только расплатилась за дом, нам принесли извещение об уплате налога в сумме долга за дом.

Во время войны у нас в доме жили молодые парни-лесорубы из татарской деревни Большие Туралы (Уыш). Думая, что корове нужно купить сено, а курам овёс, мама пустила их на постой, вот они: Атфан абый (обращение к старшему), Чаббар абый, Камали бабай (дед), Равиль абый. Остальных не помню, их было шестеро. Мне было лет 5–6. Они целый день работали на морозе, а это были сибирские морозы. Заготавливали дрова для детских садов, больниц и школ. Вечером возвращались уставшие, замерзшие, ели свой хлеб, предварительно разморозив его на печке,

а потом в одежде ложились вповалку на пол и засыпали мёртвым сном, безбожно кашляли всю ночь, а утром опять шли на заготовку дров. Не знаю, как потом разжигали эти дрова, они ведь были сырыми и совсем не хотели гореть.

Как-то мама попросила у парней двух лошадей, чтобы съездить ночью на Кордон за деревней Нерпинка (Буксим) за сухими дровами для розжига. Помню, на этом кордоне из большого чистого озера вытекал полноводный родник и заставлял работать мельницу, люди из окрестных деревень приходили молотить муку. Там со своими детьми жили тётя Маня и её муж мельник дядя Яша, так как они жили в татарской деревне, то прекрасно говорили по-татарски. По приезду моей мамы они нагрузили сани сухими берёзовыми поленьями. Вскоре мама с двумя лошадьми отправилась в обратный путь. Она боялась волков и торопилась. К тому же надо к утру вернуть лошадей – парней ждет работа в лесу. Мама добралась до высокого берега Иртыша. Что делать, как спуститься с запряжёнными, нагруженными дровами санями? Если погнать их в таком виде – будет беда. Мама подумала: «Если сейчас погоню лошадей вниз, то они могут переломать себе ноги или хребет. А это ведь колхозные лошади, тогда всем будет тюрьма по закону военного времени». Что тогда будут делать дети? Мать четверых детей металась, чтобы как-то довести дрова, чтобы она могла накормить, не застудить своих детей.

Да ещё сама дочь «врага народа» – моего деда Фатхуллы, жена моего репрессированного отца Галляметдина, сестра моего 22 летнего репрессированного дяди Калимуллы, сноха уже расстреленного в 1937 году моего деда Мухамматшарифа.

Ей тогда было тридцать лет. В голове не укладывается: сколько несчастий на одну голову! Все приходилось делать самой, без мужчин – кто расстрелян, кто отправлен в концлагерь, кто на войне.

Мама распрягла лошадей и столкнула тяжело гружёные сани вниз. Она рассказывала, что сани скатились на середину Иртыша. Откуда только у мамы силы взялись? Сейчас говорят: «Во время экстремальных ситуаций человек способен сделать невозможное по сравнению со своим обычным состоянием, положением». Наверное, мамой руководили любовь к детям и страх. Потом, взяв обеих лошадей под уздцы, она спустилась с ними к саням, запрягла их и успела к утру домой. Теперь с сухими берёзовыми дровами топить печь превратилось в сабантуй. Если добавлять даже сырые дрова, печь будет продолжает пылать.

Эти строки я пишу в родном городе Тара, мамы уже нет в живых, но испытанные ею страдания рвут мне сердце. Сколько ей пришлось перенести в жизни! Потеря близких людей, отчаяние и обида от несправедливости, когда отнимают всё, нажитое трудом. Трагическое понимание того, что существуют жестокие, бессердечные к твоей судьбе люди.

Мама всю мужскую работу по дому выполняла сама – летом, после работы, ночью при луне шла пешком на покос за 12 километров к селу Екатериновка, боясь волков. Косила сено, рубила дрова, ремонтировала дом, растила в поле картошку – её у нас было вдоволь и мы её осенью выкапывали по 300 вёдер. Помню мама как –то её пожарила на рыбьем жире, от неё выворачивало душу, а сейчас дети и чайную ложку не попробуют. А ведь рыбий жир – это кладезь здоровья.

Не сосчитать того, что пришлось переделать и пережить моей маме. В 30 лет осталась без мужа, моего отца. Она верила и ждала его 10 лет. Помню в дни маминого отдыха к нам приходила русская женщина, мама называла её Романовна. Как только она появлялась в дверях, мама бежала ставить самовар. После чая Романовна раскладывала карты и говорила: «Вернётся, девка, твой муж вернётся», – наверное, эти слова были мёдом по сердцу мамы. Глядя как гадает Романовна, мама тоже научилась этому занятию, когда появлялась свободная минута, мама гадала, ждала папу. Эти минуты были редки, её основным занятием была работа. В нужное время она отправляла посылки отцу.

Мама в русской печи пекла пряники, толкла, молла в муку, если где-то получала кусок сала, то посылала его отцу. Мы пели в то время: «Гу-Гу, голубок, папа, когда вернёшься, дашь нам сладкий пряничек?».

Благодаря бабушкиным молитвам и маминым посылкам мы удостоились счастья увидеть своего отца.

Все что шьётся на белом свете мужчине или женщине начиная с пяток кончая макушкой мама умела шить: мужские пальто, костюмы, рубашки, головные уборы, шубы из овчины, любую женскую одежду и т. д. и т. п.

Мама не только мастерски шила, но и кроила. Например, если в мастерскую приходил заказчик и его материала не хватало на желаемую одежду, то ему говорили, чтобы шел на улицу М. Горького, там живет Кулеева и что она сможет скроить так, чтобы материала хватило. Мама была хорошим геометром, когда она раскраивала ткань, оставшихся кусочков уже не хватало даже на заплатки. У меня и сейчас перед глазами картина – как мама встречает заказчиков, у неё на лице всегда была обаятельная улыбка. Она предлагала красивые фасоны, к назначенному времени мама старалась заказ выполнить, что примечательно, сшитая одежда должна была в первую очередь понравиться ей, а потом уже клиенту. Я помню случаи, когда заказчику нравилась сшитая одежда, а маме – нет. Поэтому, когда мне что-то делают, изготавливают, я спрашиваю, нравится ли самому исполнителю, если – да, то я довольна.

Мама дома шила, а моя работа была с углём разжигать уют. В этом я преуспевала, а далее моё любимое занятие – перед домом лежать на лужайке, с удоволь-

ствием читать свои любимые книги, недалеко от нас была городская библиотека, поэтому в книгах не было недостатка.

Наша улица тогда была зелёной лужайкой, на неё машины совсем не заезжали, а лошади – изредка, и заканчивалась она тупиком, поэтому фактически представляла детскую площадку. Парни с нашей улицы для нас – детей придумывали разные приспособления, устраивали разные игры, даже соорудили нам карусель. Володя и Петя Бутрины, их мама бабушка Марья была целительницей, посадив детей на карусель, катали и следили, чтобы они не травмировались. Сами парни играли в лапту, городки и т. д., тренировались в силе и умении! Я не видела, чтобы они курили или сквернословили. Все мы – татары, русские, с удовольствием разговаривали по-татарски. Эх, где наше весёлое детство! А соседи общались друг с другом как родные! Родители не диктовали тогда своим детям свои условия – учить им татарский язык или нет.

Я закончила в Таре татарскую среднюю школу, написала книгу на татарском языке, теперь пишу на русском. Мой татарский мне не мешает, я могу поспорить с русскими о литературе и правописании, я не тщеславна. Но я возмущаюсь из-за того, что в Татарстане татарам оставили всего 2 часа для факультативного изучения родного языка.

Когда началась Великая Отечественная война, мама из рядовой работницы швейной мастерской стала закройщицей. Хотя сотрудников НКВД не устраивало, что жена «врага народа» является ответственным работником, которому доверено выполнять военный заказ, но шла война, а работать было некому.

Я помню длинный стол с прорезями для выкроек, на котором две женщины расстилали материал цвета хаки, а мама на этом многослойном материале вычерчивала детали гимнастёрки, галифе и другого обмундирования, потом всё это вырезала ножом для 75 швей. Ежедневно к концу рабочего дня должно было быть готово 75 комплектов солдатской одежды. Если не управлялись – сидели до глубокой ночи. Все мамины руки были в мозолях – это результат раскроя солдатского обмундирования простым ножом.

Все работницы любили и уважали маму, она была доброй, отзывчивой. входила в положение всех своих подопечных. Мама была с румяными щёчками, стройная, у неё была красивая фигура. На работе женщины поспорили: моя мама щёки красит или нет, одна из них подбежала к маме, белым платочком вытерла ей лицо, а на платке никакого следа от краски не осталось, все рассмеялись, спор был исчерпан.

Из-за того, что мама была женой «врага народа» маме не дали правительственную награду – орден, а наградили другую работницу мастерской. Был случай, что маму пригласили в прокуратуру, перед ней

поставили 3–4 мужчин и приказали выбрать себе мужа или изменить фамилию, которая не давала им покоя. Вот какие грязные приёмы применяли ленинцы, сталинисты.

Помню как холодной зимой, укутав меня и брата в большой тулуп, мама отвозила нас в детский сад – сама на работу, Приятно было под звуки скрипучего снега дремать в теплоте, обнявшись со своим братом, а дома оставались две мои старшие сестры 12 и 13 лет.

В магазинах в ту пору все полки были пусты. Конфеты – карамельки-подушечки мы попробовали только после войны. Хлеб нам давали по карточкам на пятерых: маму и четверых детей – 1 килограмм 600 грамм. Чтобы его получить, приходилось с вечера до утра стоять в очереди. Утром открывался магазин и в него запускали по 10 человек. Там кроме хлеба ничего не было. Когда люди выходили с хлебом, его запах кружил голову. Я помню это по сей день и, кажется, что такого вкусного хлеба я больше никогда не ела. Иногда нам давали карточки на месяц для обеда в столовой. Как же мы плакали, когда у сестры Фагмии эти карточки украли, что делать дети – бесхитростный народ, а мама на работе.

В декабре 1947 года карточки на хлеб были отменены. В этот день наша радость лилась через край, только очереди ещё оставались.

Во время войны в наш город Тара был эвакуирован московский драматический театр, оттуда почти не

выходил, вернувшийся с фронта с раненой рукой Михаил Ульянов. С начала он работал в театре простым рабочим, затем участвовал в массовках, далее начал исполнять маленькие роли, наконец, после эвакуации уехал вместе с театром. В городе Тара драматический театр и улица носят его имя. Каждый раз, когда Михаил Ульянов приезжал домой, на родную сторону, он собирал полный зал своих земляков и давал им бесплатный концерт. Тарчане очень гордятся своим земляком.

Во время войны мама у эвакуированных купила патефон со 100 пластинками, среди них была классическая и народная музыка, даже суры Корана. Это удивительно! Я тогда была ещё маленькая, но уже говорила, что можно теперь не приглашать муллу читать суры Корана – поставим пластинки и вспомним своих усопших родных, помолимся за их души. У нас в Сибири татары не переставали верить Аллаху, держали посты, проводили все праздники: Ураза, Корбан, месяц Маулед, праздник Гашура и др. Помню, когда мы проводили обеды, поминая своих ушедших родных и в праздники, я ходила и приглашала к определённом часу сначала мужчин, муллу Абдулла бабая, затем отдельно женщин. Помню, приходили образованные Шайда муллина, у неё муж тоже расстрелян как «враг народа», Фатыма муллина и другие бабушки. Это были скромные люди, от них веяло чистотой, они были нарядно одеты, на голове у некоторых калфаки – мусульманский национальный головной убор. И деды и бабушки шли красиво с достоинством.

В нашей семье почти все хорошо пели, поэтому патефон для нас стал большим богатством, наверное, эвакуированным нелегко было с ним расстаться.

Так как всё моё детство прошло с патефоном, поэтому я и пою. Как-то моя одноклассница Рима Суринова сказала: «Что ты делала на физмате, тебе надо было быть певицей», – а я стала математиком, так, наверное, мне было суждено. Я с четырьмя внуками и школу закончила. Тимур и Артур окончили физмат КГУ, с Маратом поступила в КАИ, с Марьям в банковскую школу. С ними вместе училась, учила их своей математике, репетировала, когда они поступали в ВУЗы, а потом учились в них. Я безмерно рада этому.

Мне не посчастливилось испытать любовь и тепло своих бабушек и дедушек, сталинские репрессии погубили их. В детстве, я сидела на столе, так было ближе к тарелке-радио на стене и наряду со сводками с войны я слушала целые оперы. Помню, как я вздохнула слушала оперу Петра Ильича Чайковского «Иоланта». Мы росли, слушая по радио нравственные передачи! А сейчас на телевидении по любому случаю питьё горячительных напитков, распущенность. Во всех фильмах – убийства как по лекалу. Убитый лежит, голова в крови, а полиция как всегда во главе со следователем – женщиной. Единственный канал, который может воспитывать нравственные качества, знакомить с мировыми достижениями, приобщать к культуре – это канал культуры.

6. В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ УЧАСТВОВАЛИ И МОИ РОДНЫЕ

Май 1945 года – это месяц и год Победы нашего многострадального народа в Великой Отечественной войне. Я думаю, что в нашей стране нет ни одной семьи, которой не коснулась бы эта страшная, разрушительная стихия, унёсшая и покалечившая миллионы жизней.

Когда началась война, мне было 3 года и 3 месяца. Хочу поделиться своими скудными воспоминаниями из того далёкого детства. Не писать об этом не могу. Мне хотелось бы увековечить имена известных мне родственников, погибших в годы войны, так как писать о них больше некому – одних унесла война, других погубили сталинские репрессии.

Еще до войны, мой дед Кулеев М. А. – участник Русско- Японской войны, который 9 лет верой и правдой служил своему Отечеству на Дальнем Востоке был в 1937 году в возрасте 73 года как «враг народа» застрелен пулей в затылок. Второй дед Алтынбаев Ф. М. – герой Первой мировой войны, получивший ранение, инвалид, отец 11 детей, тоже был застрелен в 1937 году в возрасте 58 лет как «враг народа» пулей в затылок. Самой младшей его дочери Нурджиган было 6,5 месяцев. Она на год старше меня. Это моя тётя, мы вместе росли в военные и послевоенные годы.

В школе мы вместе работали на огороде, в праздники танцевали матросский танец. На нас были одеты матроски, я была мальчиком, она – девочкой. Еще танцевали украинский танец гопак, мы были в красивых расшитых кофточках, на головах венки, на ногах, помню вместо черевичек – чёрные сапоги. Я со своей тетей училась в одном классе.

Нурджиган с мужем были очень трудолюбивы. Чтобы занять свой дом, заработать на него деньги, поехали в Казахстан на два года на заработки. Не каждый так сможет, но ведь Нурджиган – из рода Алтынбаевых и её муж Ракыйп был ей подстать. Вернувшись из Казахстана, они купили большой дом, с большим огородом. Что только не росло и не плодоносило там! И крупная смородина, и малина, и другие ягоды, и цветы, и овощи! Морковь и свёкла поспевала у них первыми. Раньше чем у соседей у них созревали огурцы и огромные тыквы – всё не перечислишь. А баня – само волшебство! Берёзовые веники с душистой травой, мягкая Иртышская вода – после этой бани чувствуешь себя вновь родившейся: волосы шелковые, кожа атласная, настроение великолепное и все это дома у родных.

Когда я приезжала из Казани и ходила в гости к Нурджиган и Ракыйпу, то их хлебосольству не было предела. Чего только не было на столе – перемячи, пельмени, жареная рыба, её ловил Ракыйп в Иртыше, пирожки с разными начинками и одновременно

другие яства. Как и её мама Миннихаят, Нурджиган была очень хлебосольной.

Внезапно, в мае 2008 года друг за другом ушли от нас моя старшая сестра Фагмия и тетя Нурджиган. Обе были трудолюбивые, щедрые, аккуратные и чистоплотные, всегда давали садака (подавание) по душам ушедших близких, постоянно проводили поминальные обеды по Корану. Пусть у них души будут радостны, могилы светлы, земля будет пухом, место в раю!!!

Когда началась Великая Отечественная война, защищая неизвестно где закопанные кости моих дорогих родных воевали их сыновья, братья, сыновья братьев, внуки – всего 11 человек. Самый младший сын деда Мухамматшарифа Гайнетдин окончил физико-математический факультет, работал учителем физики в Омской железнодорожной средней школе, учился в аспирантуре, а во время войны, будучи раненым под Ленинградом, окончил военную академию. Он безвременно погиб на тридцатом году жизни, не дожив несколько дней до долгожданной Победы в восточной Пруссии. Вот несколько строк из его последнего письма двоюродному брату Абуталипу Валееву: «С котлом прусским покончили. Мы – на берегу Балтийского моря. Сейчас здесь нет войны. Будем добивать врага в другом месте» Дата 07.04.45 г. Дядя хорошо знал немецкий язык и радиодело. У него остались три сына. Я хранила присланную с фронта моей сестре Фагмии

открытку. На ее обороте было написано письмо латинской графикой. Очень жаль, что наше правительство не разрешило вернуть латинскую графику. Она больше подходит к татарскому языку. Чиновники считают, что если ввести латинскую графику, то расшатается федерализм нашего государства. Легче всего, конечно, добавить к русскому алфавиту шесть татарских букв: Ә, Ө, Ү, Ж, Ң, Һ и получить татарский алфавит. Подходит он или не подходит к татарскому языку, им все равно. Интересно, какая «умная» голова придумала эту бездарность? До этого в 1926 году коммунисты отменили арабскую графику и татары в одночасье стали безграмотными, а считались самыми грамотными в стране. У татар почти 1000 лет назад поэт Кол Гали написал в стихах «СКАЗАНИЕ О ЮСУФЕ («Кыйссаи Йосыф»)). Татары при лучинах из уст в уста наизусть пересказывали этот наш шедевр.

Когда мы в первый раз встретились с сыновьями моего дяди Гайнетдина, я передала дядину открытку с войны его сыну, доктору физико-математических наук Кулееву Игорю Гайнетдиновичу. Он продолжил дело отца, Иван – внук дяди Гайнетдина тоже не отстает, скоро защитит докторскую, он тоже физик.

На фронте в 1943 году погибли три 19 летних внука деда Мухамматшарифа:

Нариман – сын моей тёти Сарвар, его отец Каюм как «враг народа» был расстрелян в 1937 году;

Агзам – сын дяди Мирсаефа;

Шагимурат – сын моей тёти Хуснинур.

Так же погибли:

Муллагали – сын моего деда Фатхуллы;

Халиулла – сын моего двоюродного деда Хайруллы (брата деда Фатхуллы), ему было всего 18 лет;

Хайбулла – второй сын моего двоюродного деда Хайруллы;

Абелхасим – сын моего двоюродного деда Каюма (младшего брата деда Фатхуллы).

Все Алтынбаевы и Кулеевы сложили головы на полях сражений. Когда пришла похоронка на Хайбуллу Алтынбаева, его мама Сагида эби в ту же минуту ослепла. Я её помню, она была высокая прямая, с седыми волосами. Мои деды и восемь дядь были расстреляны убицами НКВД в 1937 году, поэтому им не пришлось испытать горечь утрат по погибшим на войне 18–19 летним родным.

В результате расстрелов, гибели на войне – столько родных и их неродившихся детей я не знала, не видела! Это ничем незаменимая утрата!

Сыновья деда Фатхуллы: Сафиулла – 21 год и Рахматулла – 19 лет тоже участвовали в ВОВ и к счастью ни разу не были ранеными. Они возвратились живыми и здоровыми. Их грудь была полна орденов и медалей. Когда кончилась война, мне было 7 лет. Я своими глазами видела красивые, улыбающиеся лица богатырей – моих дядек. Из 11 участников войны вернулись трое моих родных, а восемь погибли.

Мой дядя Сафиулла не получил даже царапины, на своём танке он вторым ворвался в Берлин, а первому ворвавшемуся дали Героя Советского Союза.

Я все время писала, что Алтынбаевы трудолюбивые и руки у них растут с нужного места, вот и дядя Сафиулла в 21 год не отстал от своих предков, перестроил отчий дом, добавил ещё одну комнату и стал жить со своей матерью и тремя сестрами, потом в него привел молодую жену – Шамсенагар джинги, подстать Алтынбаевым – умелую, ловкую, труженицу.

Таким образом, 10 моих родственников несправедливо, по навету были расстреляны советской властью, а из 11 моих воевавших родных восемь остались на полях сражений. Они защищали свой народ и прах расстрелянных родных, но в то же время защищали эту власть, стукачей и палачей.

Не знаю, может быть, число расстрелянных, погибших на войне моих родных больше – я не осведомлена. Много лет прошло, надо было раньше начинать писать, тогда на некоторые вопросы я могла бы найти ответы. У меня уже нет родных, чтобы спросить их о чём-нибудь, остаётся только сожалеть об этом.

Раньше подвергнутые репрессиям люди не делились ни с кем своей трагедией и горем. У моей мамы была хорошая память, она мне много рассказывала о родных, о своей жизни. Когда мама с отцом были живы, потом только мама, я каждый год летом с детьми на два месяца, так как я была преподавателем,

приезжала домой. И всегда помогала родителям: делала ремонт, красила крышу в доме, ремонтировала неисправный утюг и др. Помню, приехала я домой в Тару, была сильная жара, а мама сидит без водопроводной воды, а у всех соседей есть вода. Я тут же пошла к соседу Гоше и попросила его отремонтировать водопровод, а он сказал, что у твоей мамы есть сын для помощи. Я ему ответила: «Гоша, считай, что у неё нет сына, сделай, пожалуйста, воду». Через 15 минут у мамы появилась вода. Пусть у Гоши земля будет пухом! Я не помню, чтобы мои соседи ссорились, даже будучи детьми, подростками не дрались, как сейчас делают, не выясняли отношения.

Для меня мои дети, родители были всегда на первом месте. В 1978 году, летом я взяла интервью у мамы с папой, записала на магнитофон, как папа читает суры Корана, а мама рассказала о своих родителях, родственниках. Мы с мамой составили подобие древа жизни, впоследствии благодаря этому я написала книгу: «Моя мама – драгоценный камень в перстне нашего рода» на татарском языке и сейчас пишу с добавлениями эту книгу на русском языке. Я безмерно счастлива, что мама успела мне многое рассказать, я всегда думаю, что так было угодно Аллаху.

7. НЕВОЗМОЖНО ЗАБЫТЬ

23 февраля 1948 года я сидела на уроке, тогда я училась в 4-м классе, тихонечко со скрипом приоткрылась дверь и в щелку стал виден соседский мальчик Яхеев Ильдус.

Когда его отец, расстрелянный в 1937 году, был реабилитирован, Ильдус в прокуратуре прочитал дело своего отца и узнал как во время допросов его пытали, возводили на него несусветную клевету, обвиняли в несуществующих преступлениях. Он ужаснулся, заболел и вскоре умер. Его мама, оставшись с тремя детьми, очень тяжело их растила, наверное, редки были случаи, когда они ели вдоволь.

Этот мальчик знаками показывал усы и что вернулся, я поняла это, вернулся мой долгожданный отец! У учительницы, её звали Алима, я попросила разрешения уйти с урока, объяснила, что вернулся папа, но она не отпустила меня. После этого я не могла её уважать. У меня вернулся отец, я его никогда не видела, я родилась спустя месяц и 8 дней после его ареста. Разве можно забыть, как колотилось моё сердце и рвалось скорей-скорей домой! Урок закончился, прижав к груди тряпичную сумку, я выбежала на улицу, понеслась не по тротуару, а посередине улицы, а за мной бежал весь мой класс. Сначала по улице Карла Либкнехта, затем Августа Бебеля, наконец, свернула на свою улицу – Максима Горького, подбежала к своим

воротам и остановилась. Боялась заходить, боялась – не прогонит ли меня папа, так как после моих проказ Хабиба джинги всегда меня пугала: «Когда твой папа вернётся – он тебя выгонит». Я была очень резвая, шустрая шалунья и прозвище у меня было – «чёрный шайтан». Папа потом часто меня называл «Огонь-пламя (Ут-ялын)» и говорил, что мне надо было родиться мальчиком. Когда я зашла в дом, подошла к занавеске и не решалась войти в комнату, но папа увидел меня, позвал: «Доченька, иди ко мне», – и посадил к себе на колени. Мы с братом до самой ночи сидели у него на коленях. А к нам шли и шли родственники, соседи, друзья. Папа был с усами, выглядел уставшим, измученным, с обмороженными распухшими ушами. Он рвался домой, жаждал скорее добратья к нам. Из г. Углича двое суток добирался на поезде до Омска, затем на маленьком самолете долетел до Тары. 23 февраля был морозный день. 70 лет назад морозы у нас были сильные, вот папа и отморозил уши. В 32 года от роду арестованный мой отец вернулся в возрасте 42 года. Сначала мы заставили его сбрить усы, почему-то они нам не понравились, наверное, когда он нас обнимал, они кололись. Папа рассказывал, какие за эти 10 лет он испытал муки, страдания, унижения, голод и холод. Сколько раз избегал смерти, что вернулся молитвами своей мамы, как зимой и летом не снимал шубу, которую моя мама передала ему на пароходе и все равно её украли. Как его друг-еврей не дал вынести

его полуживого к сложенным штабелями умершим зекам возле дверей барака. Как ухаживал во время болезни и выходил моего отца. Пусть ему земля будет пухом и царство ему небесное! Папа всё рассказывал и рассказывал о своих злоключениях. У меня есть фотография папы со своим другом и ещё с одним своим сокамерником, это фото в конце этой книги.

Отца арестовали 16 февраля 1938 года и ровно через 10 лет освободили, в 12 часов ночи 16 февраля. Отец просил до утра остаться: «Куда я в незнакомом городе пойду ночью?». А ему: «Ты сегодня свободен в 12 ночи, поэтому должен уйти». Какая пунктуальность! 23 февраля 1948 года – день, когда мой отец вернулся из концлагеря. Никогда не забуду этот день, невозможно его забыть! Каждый год народ празднует 23 февраля, а для меня праздник в том, что вернулся из заключения мой многострадальный отец, в 42 года глубоким стариком. Он искренне, глубоко верил в Аллаха, жил придерживаясь законов шариата. Это был добрый, честный человек, не курил, не пил, никогда не сквернословил, чутко относился к окружающим, до самой смерти (1978) служил людям, помогал им жить по законам ислама.

Мне было 10 лет, слава Аллаху, я удостоилась счастья увидеть своего отца. В наш город тогда вернулись только трое репрессированных – мой отец, мужчина по имени Рахматулла, его и его жену – тётю Мунчию я помню. Третьим был русский мужчина, его я не

видела, знала только, что еще один человек вернулся из ада на Земле – советского концлагеря. В мае 1938 года, наверное, немало пароходов в своих трюмах по Иртышу до Омска увозили «врагов народа». У расстрелянных моих родных осталось сиротами 38 детей, если сосчитать погибших на войне, то 60. Когда представишь, сколько детей со своими матерями мучились, голодали, сердце щемит, а на глаза наворачиваются слёзы. Я видела этих детей, мы жили на одной улице, учились в одной школе, у одних отцы были на войне, у других – арестованы. У последних житье-бытье было тяжелее, они ведь были детьми «врагов народа», к ним и отношение было суровее, это я тоже чувствовала.

Благодаря трудолюбию, сильному стремлению мамы оградить нас от всего плохого, накормить во время, мы не голодали. Когда я была маленькая, мама меня одевала как куклу, к каждому празднику мне шила что-то новенькое, она знала мой размер в любом возрасте. На первом курсе КГУ, это был 1955 год, 7 лет как вернулся отец, тяжело было моим родителям содержать двух студентов – брат тоже учился в Омском педагогическом институте. Пришла зима, а я ходила в перешитом из старого демисезонного мужского пальто, занятия у нас были в главном корпусе с колоннами. Работающая на вешалке женщина чуть не плакала от жалости, когда вешала моё легкое пальто на крючок, а я как всегда улыбалась. Наконец, из Сибири

пришло моё долгожданное пальто, оно было очень красивое из синего сукна с большим воротником из чёрного котика, действительно, мама была мастером своего дела, без всякой примерки сшила мне шикарное пальто. Прошло более 60 лет, а я помню это пальто, с блестящими чёрными пуговицами, в талию. А как радовалась женщина с вешалки, увидев меня в новом одеянии! Она очень расстраивалась, считая, что я сильно мерзну, наверное. Я не сильно мёрзла, так как каждое утро бежала в КГУ с улицы Нариманова на Ленина, тогда она так называлась. Шла 20 минут, на трамвай не садилась, сэкономила деньги. Стипендия у меня была 22 рубля и 7,5 руб. из них я платила за квартиру. Жили мы 7 девочек в двух комнатах, а хозяин в прихожей с двумя мальчишками. Они после 7-го класса учились в техникуме, топили печь, руки у них были в саже, потом один из них стал доктором наук, депутатом Госсовета, много сделал для своего татарского народа. Его звали Азат Зиятдинов, очень жаль, что в 2017 году он ушёл от нас, узнала это я из газет.

Отец рассказывал нам всякие случаи из своей подневольной жизни – все они в целом были печальные. Про один из них он рассказал – однажды, когда зеков строем вели на работу, один из них потянулся к листьям рябины, оказывается их ели с голоду, охранник тут же застрелил его. Исполнил бесчеловечный приказ: шаг вправо, шаг влево – расстрел. Этот убитый был, как и мой отец, из города Тара, известный во всем

городе доктор. До ареста, больные с нетерпением ждали, чтобы попасть к нему на прием, у него были дети. Зачем палачи схватили опытного доктора как «врага народа» и убили его?! Работая у себя на родине, сколько жизней он спас бы! Когда отец вернулся из концлагеря, то он не смог рассказать его жене, как погиб её муж. Она его ждала многие годы. Беспощадная судьба и кощунственная смерть, от всего этого хочется выть!

После возвращения, врачи сказали отцу, что он проживёт еще лет пять. Спасибо маме, она продлила жизнь папы на 30 лет. Вся тяжёлая работа опять была на её плечах: косьба сена, когда делали стог, папа наверху, а мама снизу кидала сено, работа на огороде и другие работы – эти работы не перечислить.

Из заключения отец вернулся больным и немощным, но не сломленным человеком, наверное, возвращение домой к детям, родным давало ему силы.

Сразу после возвращения он пошел в район (районный отдел народного образования), чтобы ему дали возможность работать учителем в любой школе или г. Тара, или района, или деревни, но ему отказали, потому, что на нем еще висел ярлык «врага народа», а до реабилитации оставалось 9 лет. Таким образом, отцу закрылась дорога заниматься любимой работой.

Много сил и стараний отец приложил для открытия нового кладбища для татар в 1952 году. Сначала

он документально узаконил участок земли, который выделил город, затем добился, чтобы по периметру выделенного участка вырыли канаву – обезопаситься от возможного нашествия скота. Будучи завхозом школы, где ранее работал директором, отец вместе с конюхом дядей Хасаном привозил на лошади молодые саженцы сосен из тарского лестничества и сажал их на новом кладбище. Помню, как папа однажды осенью, в дождливую погоду, пришел усталый, весь мокрый, на нём была так называемая кожанка, но очень довольный тем, что посадил молодые сосенки.

Сейчас эти молодые саженцы выросли в большие сосны, придают красивый вид кладбищу. Они охраняют их, энтузиастов, и всех мусульман, которые покоятся там. Благодаря заботам моего отца на кладбище построили дом для сторожа. За счет населения города обеспечивали его топливом, светом и помогали ему содержать кладбище в надлежащем порядке. Около входа на кладбище лежит камень Памяти жертвам политрепрессий города Тара и тарского района. Слева от камня вход в татарское кладбище (Зиарат), а справа – в русское. Пусть у всех души будут радостны, могилы светлы, земля будет пухом, место в раю.

8. МОЯ МАМА – ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ В ПЕРСТНЕ НАШЕГО РОДА

Моя мама Кулеева Васфиджамал Фахулловна родилась 12 июля 1908 года в деревне Молодцово Муромцевского района Омской области. Много лет мы не знали её дня рождения. Мама говорила, что она родилась в Петров день. До семидесятилетия мамы мне не приходило в голову узнать когда, на какой день приходится Петров день, а он, оказывается, отмечается у русских каждый год 12 июля. На 70-летний юбилей мамы папа был ещё жив. Я приехала к родителям, пошла на местное радио, оставила для мамы поздравительное письмо и пластинку с просьбой исполнить её любимую песню – «Письмо маме» в исполнении известного татарского певца Илгاما Шакирова. Но не тут-то было – по радио быстренько прочитали моё поздравление, а вместо предложенной мной песни исполнили песню в исполнении Марка Бернеса «Тёмная ночь». Совсем не к месту. Мама ждала папу у моей кровати не с войны, а из концлагеря. Эта песня нас расстроила. Как всегда ложка дёгтя в бочку мёда. В этом году будет 110 лет со дня рождения мамы, досада не проходит до сих пор, наверное, на тарском радио не особенно уважали татар.

Передачу я записала на магнитофон и мамино интервью, и как папа читал суры Корана, он никогда не оставлял свой намаз. На поминальных обедах, папа

красивым певучим голосом читал Коран, посвящал ушедшим молитвы, а живым желал здоровья и благоденствия, его любили и почитали.

О, Аллах, мы и не думали, что он покинет нас, а до его кончины, оказывается, оставалось всего два месяца. Я очень страдала из-за потери моего отца. Какие открытые, добрые, приветливые, порядочные были мои папа и мама! Каждому было бы суждено иметь таких родителей! Сколько страданий, лишений, наветов, несправедливости, тягот судьбы пришлось испытать моим дорогим отцу и маме, ни описать, ни рассказать!

В день 12 июля 2008 года, когда исполнилось 100 лет со дня рождения мамы, её уже не было с нами 11 лет. Я приезжала в Тару – тяжело заболела моя любимая сестра Фагмия. В том году я приезжала к ней из Казани четыре раза, ухаживала за сестрой. Проводила её в последний путь, провела все обеды, посвящённые её памяти.

Дорогую мою сестру я потеряла 7 мая 2008 года. После папы и мамы, потеря сестры была большой утратой для меня. Сестра как мама заботилась обо мне, любила меня, начиная со школы не лишала меня своей помощи, заботы.

Фагмия апа работала закройщицей в ателье женского платья. Она также как наша мама мастерски шила. Когда я училась в школе, потом в КГУ, работала в КАИ (Казанском авиационном институте).

Сестра шила мне разнообразные платья, платья-костюмы, вечерние платья – всё не перечислить. Они обе с мамой обшивали меня, считали, что я должна одеваться хорошо.

Когда я училась в КГУ, ездила домой на каникулы, а сестра тогда жила в Омске. Она встречала меня с поезда, вела к себе домой и чем только меня не угощала! Потом провожала меня до речного порта на теплоход – какой попадётся: «Метеор» или «Ракета» до Тары, тогда Иртыш был полноводной широкой рекой.

Сестра со вкусом одевалась, шила себе красивые платья по новым фасонам, если мне какой-нибудь нравился, то к моему возвращению из Тары через Омск в Казань платье уже было готово. Мы все трое: сестра, мама, я одевались красиво, фигуры у всех были красивые, сами шили, тратились только на материал.

Фагмия апа очень любила моих детей, они её тоже. Я поздно начала петь, сестра удивлялась, что я стала петь, любила мой диск с песней «Дикие гуси» на слова Хасана Туфана, музыку Марса Макарова, просила записать слова этой песни и говорила, что хочет выучить её, что слушает её три раза на дню. Сестра тоже очень хорошо пела, участвовала в художественной самодеятельности, когда она пела на концертах, то слушать её, люди приходили специально.

В семье нас было четверо детей, больше всех я любила Фагмию апа. Она была очень милосердна, ухаживала за нашими одинокими родственниками,

проводжала их в последний путь, проводила все поминальные обеды.

Когда на концертах на сцене я пою песню «У реки» (Су буйлап) со словами: «Ты осталась в моей душе как не увядший цветок», то всегда вспоминаю свою незабвенную сестру.

Она всю жизнь была эталоном чистоты, аккуратности, трудолюбия, щедрости и порядочности. Все эти слова целиком и полностью относятся и к моей дорогой маме Кулеевой-Алтынбаевой Васфиджамал Фатхулловне.

Фагмия апа очень любила детей, но своих у неё не было. Когда они с мужем пришли в Дом ребёнка выбрать для усыновления дитя, первый же мальчик, которого им показали, сразу обнял сестру за шею. Она дала ему яблоко, ребёнок взял его и больше не отпускал мою сестру.

Она не стала больше никого выбирать и они с мужем сразу взяли Рашита, его так звали. Рашит оказался больным и у сестры было немало бессонных ночей. В любви и ласке она растила его, никому не давала рот открывать, если ей намекали, что это не её ребёнок. Так как сестра была искусной мастерицей, то всегда шила своему Рашиту красивую одежду. Он среди своих сверстников отличался своей аккуратностью и модной одеждой. Во время службы Рашита в армии, сестра с мужем ездили к нему в Паневежис. После устроила красивую свадьбу, когда Рашит привел жену

в их двухкомнатную квартиру, уступила свою спальню, помогала водиться с внучкой. Но жизнь Рашита была не долгой, я думаю, на нем отразилось слабое здоровье, которое у него было, когда его брали из Дома ребёнка.

О маме я давно хотела написать. Женщин, испытавших полную чашу страданий и потерь, в нашей стране миллионы, одна из них моя мама Кулеева-Алтынбаева Васфиджамал Фатхулловна. Пусть мои внуки, их внуки знают, какая героическая прапрабабушка была в их роду, пусть берут с неё пример, пусть не ломаются от жизненных невзгод. Если всё, что сделала моя мама сравнить с тем, что сделали её дети, внуки – то это будет намного больше. По всей этой книге красной нитью проходит описание труда и успехов моей мамы. Это – воспитание детей и внуков, огромная помощь моему отцу для возвращения из заключения, помощь своим братьям и сёстрам, после того, как в 30 лет умерла их мама и, вообще, готовность сразу прийти на помощь любому страждущему – всё не перечислить. Моя МАМА – драгоценный камень в перстне нашего рода!

Ещё об одном геройстве и смелости моей мамы хочу рассказать. В 2017 году на экраны вышел фильм «Чёрная кошка», а у меня не было сил его смотреть – моя семья пережила и эту напасть. В годы окончания ВОВ и последующие годы банды «Чёрной кошки» распространялись по всей нашей стране, они как паутина опутали её. Это несчастье принесло немало бед

и моему родному городу – Таре. Ограбления, убийства – никого не щадили: ни женщин, ни их детей. В нашем городе свои чёрные дела эти бандиты совершали в 1945–1947 годах. Тогда мама с четырьмя детьми жила в своём маленьком доме и работала в мастерской закройщицей. Бандиты, наверное, думали, что мы богатые. Вспоминаю нашу обстановку – две кровати по обеим стенам, около печки – большой сундук со всем нашим скарбом, тогда шифоньеров не было, стол, взобравшись на который, чтобы быть ближе к единственной лампочке, мы с братом читали книги – наше хобби, поэтому, наверное, мы с ним грамотные, смогли научить говорить грамотно и писать на татарском и русском языках своих детей и внуков – я счастлива слышать их правильную речь, комод у окна и в левом углу большое зеркало. Кроме ткани и готового заказа, на что, наверное, не рассчитывали бандиты, грабить было нечего.

Однажды в Таре распространилось известие, что банда зарезала двух женщин с их сыновьями. Впоследствии, когда их поймали, один из этих извергов рассказал, что один мальчик прятался под подушку и умолял не убивать его.

Их похоронили в четырёх гробах. Затем через три дома от нас вырезали семью Деметковых. Я думаю, что в этой банде состояли мерзавцы, сообщники и прислужники НКВД, которые стреляли в затылок наших великомучеников-отцов, дедов, матерей – «врагов народа».

Вскоре мою маму пригласили в милицию и сообщили, что поймали одного из «чёрнокошечников» и, что в его списке есть наш адрес и надо принять меры. Там сказали, что если ночью начнут лезть воры, то надо кричать в печную вьюшку, и что их люди будут ходить по улице с колотушкой. Интересно – одни грабили, а другие ходили с колотушкой, так что-ли?

После работы мама побежала на завод имени Чкалова, который изготавливал телеги, кошевки, колёса, конские дуги, топоры и многое другое и попросила рабочих сделать болты. Они сделали тут же, наверное, это был не первый такой заказ.

Три окошка нашего дома выходили во двор, одно – рядом, как только войдёшь в ворота, а два – в сторону большого сарая. Хорошо, что у нас были ставни. Вечером мама закрыла ставни на всех трёх окнах, с прикреплёнными к наличникам железными обручами. Через отверстия в них засунула в дом болты, снаружи они были со шляпками, а внутри дома – с прорезями. В эти прорези можно было воткнуть нож или ручку алюминиевой ложки, а потом завязать полотенцем или веревкой. Помню, как ложка сломалась, когда стали стучать бандиты. Мама еле успела накрутить полотенце.

Мама с детьми и тётей Гарифой, которая пришла к нам в гости, легли спать. Вдруг с громом и молнией начал идти проливной дождь. Около трёх часов ночи, было слышно, как открылись ворота и тут же одно-

временно начали стучать в три окна и входную дверь. Бандиты кричали, чтобы открывали, что всё равно зайдут. Мне и сейчас вспоминать и писать страшно, а тогда мы верили во всемогущество мамы, наверное, думали, что нас спасут ставни, мне тогда было 7–8 лет.

От страха у мамы и тётки Гарифы отнялись ноги – где тут кричать в юшку. Да и кто бы услышал, когда грохотал гром. Колотушники, наверное, давно уже спрятались от дождя. До сегодняшнего дня меня мучает вопрос, мне уже 80 лет: почему милиция не устроила засаду в нашем сарае, тогда арестовали бы всю банду, ведь стучали сразу в три окна и дверь – в нападении участвовало не менее четырёх бандитов.

Или они были туполобыми и страдали слабоумием, или считали, что пусть грабят, убивают семью «врагов народа», не знаю. Моя мама и тётка, у которой случилось расстройство желудка, вытерпели, не сдались той ночью. Видимо, что-то насторожило нападающих и они ушли.

На утро тётка Гарифа сразу ушла. Никто не собирался у нас ночевать – даже сосед дядя Зуфар будучи милиционером, имея пистолет, отказался у нас ночевать. Вот сейчас, через 70 лет, я вдруг подумала, может быть, ему в милиции запретили нас защищать, теперь не спросишь, он давно покинул нас. Пусть ему, жене, трём его сыновьям земля будет пухом!

Можно представить переживания моей мамы. Из родственников мужчин нет никого: кто расстрелян,

кто в концлагере, кто на войне. Никто не придет на помощь. На наше счастье приехал председатель колхоза деревни Большие Туралы (Олы Уыш) Насеретдин бабай. Он всегда, когда приезжал в Тару по колхозным делам, оставлял у нас лошадь с кошевкой, а потом, завершив свои дела, в тот же день уезжал домой. Мама попросила деда Насеретдина остаться, а он в ответ: «Нет-нет», – и быстренько улизнул, но все-таки оставил своё ружьё. Это ружьё нас и спасло. Насреддин бабай запомнился мне добрым, щедрым, отзывчивым, я его воспринимала как своего дедушку, моих же погубили репрессии. Его жена, бабушка Хатима, мы часто ездили к ним, угощала нас с братом, мы с ней ходили в баню. Меня всё время удивляло, почему она после бани так тщательно моет руки, ведь мыла она их в бане, вот такая она была чистоплотная! Был у них уже взрослый сын, высокий, красивый, но с рождения глухонемой, наверное, это было их трагедией. Когда мы с мамой приезжали в деревню, каждый дом приглашал нас в гости, помню, как мы с братом ходили в молококанку и женщины, работающие там, угощали нас очень вкусным творогом со сметаной, наверное, из-за того, что продукты были, как говорят сейчас, экологически чистыми.

После второго дня, ночью опять открылись ворота, снова пришли бандиты! Как выдержало сердце моей мамы, не знаю, этого никто не знает, с ней было только четверо детей, но было и ружьё! Это придало

ей силы. Когда начали стучать в дверь и окна, мама с ружьём вышла в сени, туда выйти тоже нужна была смелость, и выстрелила. Ружьё дало отдачу и сильно стукнуло в плечо, от испуга и боли мама упала, но собрав последние силы, снова выстрелила. Наступила тишина – никто больше не ломился в дверь, не стучал в окна.

Смелость и отвага моей бесстрашной мамы спасли нас, мы остались живы, больше они не совались к нам, зная, что у нас есть ружьё.

Утром с ахами-охами пришли соседи. Ночью они слышали выстрелы и думали, что нас всех перестреляли. Утром я прошлась вокруг нашего дома и нашла финку, оба лезвия которой были наточены как бритва. Ручка была свинцовая, на ней были сделаны с обеих сторон фигуры людей: с одной женская, с другой – мужская с пронзёнными сердцами. Эта финка всё еще перед моими глазами, я её долго прятала, потом потеряла.

С того дня, как мы остались живы, я каждый день закрывала ставни окон, вкладывала в гнёзда болты, вставляла в прорези ножи, тщательно привязывала их, потом спокойно шла спать. На всю жизнь у меня остался страх, кошмарные сны, как к нам лезут воры, долго мучили меня.

Недавно я дочери Джамиле говорю: «Ладно еще я жива осталась, кто бы всем ограды старшим родственникам поставил?». А она: «Мама, никого бы из

вас не осталось», – отрезвила меня дочь. Она у меня, как и мой сын Айдар очень сообразительна, всегда кратко излагает суть вопроса. В моей четырёхкомнатной квартире на окнах, выходящих на Восток, Запад и Север висят градусники. Я в одно время взвешивала в уме «за» и «против» – не поменять ли квартиру на двухкомнатную, но когда приехал сын из Вильнюса и сказал: «Ты ведь, мама, тогда не сможешь ходить и смотреть градусники на три стороны света», – разговор был исчерпан.

Сколько утрат, потерь, трудностей пришлось перенести моей маме: её отца, свёкра, восемь родственников расстреляли, мужа, брата отправили в концлагеря, с четырьмя детьми выгнали на улицу, отняли всё. Был период жизни, когда по ложному обвинению ее несколько месяцев держали в заключении. В ночь, когда мама должна была прийти домой, я всю ночь не сомкнула глаз. Мне, семилетней девочке, было очень тяжело дожидаться рассвета. Мы – все четверо детей, с нетерпением ждали возвращения мамы. Никогда мне не забыть этой ночи! Начальство тюрьмы радовалось, заставляя мою маму обшивать их жён, детей, родственников и сожалели, что у мамы срок небольшой. Каких только тягот жизни не испытала моя милая мама, но несмотря на всё пережитое, она не сломалась, работая днём и ночью, смогла купить дом и корову. Помогала папе посылками, фотографиями (чтобы отправлять их папе, мы часто фотографировались, они есть в моей

книге, вернулись вместе с ним), когда он вернулся, ухаживала за ним, как за ребёнком, поэтому после возвращения из заключения папа прожил ещё 30 лет

И получением высшего образования мы с братом обязаны маме, она нас одевала, помогала деньгами. Много лет подряд отправляла мне в Казань посылки, в 1950-е годы нелегко было выживать. Как-то в холодную зиму из Тары пришла полная перемячами 8–9 килограммовая почтовая посылка – фанерная коробка. Я жила в комнате, построенного нами – студентами, общежития с одноклассниками: Рожковой Лидой, Гизатуллиной Лирой и Суриновой Римой. С удовольствием ели эти перемячи в первый день, во второй день, потом смотрим – на дне коробки лежат круги копчёной колбасы. Мама знала, что я очень люблю колбасу, вот и постаралась.

Мне было 5–6 лет, когда заболела наша кормилица корова Пестрянка и ветеринар велел нам сдать её на мясокомбинат на колбасу. С горькими слезами мы проводили нашу молочную корову. Наш огромный медный таз наполнился копчёной, варёной, ливерной колбасами, помню, мама привела меня за руку и сказала: «Доченька, сколько хочешь, столько ешь».

Наша дорогая мама помогла вырастить и воспитать наших детей – своих внуков и внучек. У меня – двоих детей, у брата – пятерых, у двух моих сестер – четверых. 40–50 лет тому назад декретный отпуск до родов и после был по 56 дней. Трудно было растить

детей – ни яслей, ни детсадов. Когда у меня родился сын Айдар, я только начала преподавать в КАИ, пришлось нянечек менять как перчатки, сын был не спокойный. Помню, одной рукой даю ему грудь, другой держу ручку, решаю задачи, готовлюсь к занятиям, мне было очень нелегко. Он с малых лет был внимателен ко мне, помню ему было годика 2,5, идём мы с ним по улице, он стал плакать, чтобы я взяла его на руки, я говорю ему, что у меня болит сердце, сынок тут же перестал плакать и никогда не просился на руки, хотя мог валиться от усталости.

Из деятельности моего сына вырос талантливый изобретатель. Как-то я ему говорю: «Улым, (Сынок) я горжусь тобой», а он: «Я тобой, мама», – так мы обменялись комплиментами. Через 7 лет родилась, моя красавица дочь Джамия, она была очень спокойная, спала с вечера до утра. Тогда мы с мужем строили кооперативную квартиру, платили кредит, не работать никак было нельзя. Поэтому, дочь пришлось увезти в Сибирь к бабушке с дедушкой, к моим родителям. Покормила я свою восьмимесячную дочь в последний раз грудью и со слезами, скрепя сердце, оставила, уехала домой в Казань. Потом я приезжала к дочери два раз в год, приеду – она меня не признаёт, плачу горькими слезами – увезти нет возможности.

Когда дочь жила у бабушки с дедушкой, они обо-жали свою внучку. Какими только натуральными вкусностями её не кормили, каких только красивых

платьев моя мама ей не шила! Помню, она сшила зимнее пальтишко с пышным песцовым воротником, ей было полтора годика, ходит такая важная, на неё без смеха невозможно было смотреть. Маме пришлось с ней полежать и в больнице, когда Джамиля заболела, а дедушке заниматься дома по хозяйству, носить им передачи.

Блаженствуя от любви и ласки бабушки и дедушки, Джамиля прожила с ними три года, сейчас я даже рада этому, получилась у меня хорошая дочь, вся в свою бабушку: трудолюбивая, чистоплотная, отменно готовит, щедрая, отзывчивая к людям. Ради своих детей и своего любимого внука Раделя может всё отдать, любит своих племянников, внучатных племянников, готова всегда им помочь. Я бесконечно рада, что мои дети, внуки испытали счастье быть любимыми и желанными для своих бабушки и дедушки – моих мамы и папы. Меня лишили этого счастья кровавые сталинские репрессии, об этом я не могу не писать, слишком дорогая цена заплачена.

Тяжело было расставаться моим родителям с их любимой внучкой при отъезде, ей тоже. Моя дочь мой родной город Тару считает своей второй Родиной, своих бабушку и деда всегда вспоминает с нежностью и теплотой.

Моя мама очень любила выращивать цветы, у неё был цветник не только вокруг дома, во дворе, но и на подоконниках. Каких только цветов не было на них

и в цветниках! Когда люди проходили мимо нашего дома, останавливались, чтобы полюбоваться. Кстати, папа тоже любил цветы и вместе с мамой ухаживал за ними, любил разводить разные сорта георгин, знал их названия, у него были крупные разноцветные гладиолусы и много других цветов.

Осенью цветы моих родителей брали на городскую выставку цветов и там они завоёвывали призы. Выращивание и любовь к цветам моих родителей перешла к их детям и внукам. Сын моей старшей сестры Фарханы Камиль, когда служил в армии, весь её двор превратил в цветник. Сейчас на трети его приусадебного участка растут много цветов, каждый сорт имеет много разновидностей, а вокруг огромного его дома растут большие сосны. Цветов на участке не перечесать – тут и разноцветные розы, пионы, гладиолусы, лилии, аквилегии, хризантемы и т.д. Камиль известный в Таре хирург, зав. отделением. Я горжусь своим племянником, природа не пожалела ему Алтынбаевских генов, он оказался поистине целеустремлённым и трудолюбивым. После окончания школы в г. Тара мой отец – его дед отвез своего внука Камиля в г. Омск поступать в мединститут, в 300-х километрах от Тары, а я в свое время, не побоялась одна поехать в Казань за 2000 километров от родной Тары, чтобы поступать в КГУ.

Камиль в Омский мединститут не прошёл по конкурсу, но не оставил свою мечту стать доктором. Он

вернулся в Тару, поступил в тарское медицинское училище и окончил его с отличием. Вскоре его с забрали в армию. После службы в армии он сразу поступил в Кемеровский медицинский институт. Этот институт был поближе к месту службы, потом перевёлся поближе к дому, в омский институт. Мой племянник добился своего – стал не просто доктором, а признанным врачом, квалифицированным врачом – асом своего дела.

Моя мама дожила до 89 лет. У неё был ясный ум, она сама, её фигура были красивы, талия вырисовывалась, ноги стройные, никаких венозных узлов на икрах, я любовалась мамой. Она всю свою жизнь работала не только физически, но и интеллектуально: когда кроила заказ, обдумывала разные варианты и выбирала оптимальный, чтобы хватило ткани. Когда шила шапки или шубы – красиво подбирала мех. Мама, когда кроила или шила, часто пела, у неё был красивый голос, не знаю, в какой тональности мама пела, я стала петь, когда потеряла её. Могу только сказать, что мама пела высоким голосом, наверное, у неё было сопрано. Сейчас я знаю, что у меня альт, жаль, что нам с мамой не пришлось петь дуэтом, я не думала тогда, что мы с мамой могли бы петь вместе.

Помню, в один из моих приездов, папы уже не было с нами, соседка тётя Вариса позвала меня и маму на обед, а маму ещё читать Коран. Мама читала, а у меня из глаз слёзы лились рекой. Я не раз слышала как

женщины певучим голосом читают Коран, но красиво как мама – никогда!

Судьба моей маме уготовила ещё страдания. В семье у нас было три девочки, один мальчик. Мой единственный старший брат умер в возрасте 1 год и 8 месяцев от кори. Мама мне рассказывала, что когда она его рожала, то в перерыве между схваток задремала. Тогда маме приснился сон, как будто она нашла красивый ножик и уронила его в колодец, потеряла, когда она проснулась, подумала: «У меня родится сын, но долго жить не будет», – вот её мысли и материализовались, брат умер.

Когда у мамы родился ещё один сын, мама всё время боялась, что он умрёт и очень баловала его. Это баловство его испортило и он вырос эгоистом, не привечал ни родителей, ни сестёр и его жена с ним была «два сапога пара». Только в далёком детстве я чувствовала, что у меня есть брат, а когда мы выросли, он женился. После этого я не чувствовала больше, что у меня есть опора, будет помощь, хотя я много помогала семье брата. Моя дочь не хочет, чтобы я писала обо всем этом, моя мама считала меня самой правдивой из её детей, всё, что я пишу – правда, это назидание будущим поколениям, чтобы знали, если сделаешь подлость – оно все равно станет известна.

Трагедия в том, что на месте нашего отчего дома, на 120 квадратных метрах построенного моим братом дома, не нашлось места нашей маме. И это не смотря

на то, что мама всё время помогала ему в строительстве: деньгами, строительными материалами (оплачивала кирпич, песок, цемент, доски и т.д.). Брат всё время показывал маме её комнату, даже мне показывал её. К тому времени, по его совету мама продала свой дом.

В возрасте 87 лет моей маме пришлось покинуть родные места, где она родилась, выросла, испытала и радости, и горе, уехать ко мне в Казань,

Из всего, что мама пережила в своей жизни, я думаю, самым чудовищным для неё было – расставание с отчим домом, родным краем. Она скучала по тому, как после дождя из Тарской грязи еле-еле можно было выдернуть сапог, не оставив его в ней. Плакала и говорила, что приехала бы домой и обнимала бы эту грязь. Кстати, под горой, где живут в основном мои родственники, в дождливую погоду до сих пор легковым машинам не проехать. Где-то я читала, если переселять немолодых людей из отчего дома, то женщины на чужбине живут два года, а мужчины – год. Так и случилось с моей мамой, она не выдержала разлуки вдали от своей любимой Тары. Я старалась маму успокаивать, угощала деликатесами, покупала ей красивые платья, ухаживала за ней, но все её мысли были на родной стороне. Тогда я бегала по инстанциям с идеей Татарского Национального Университета, об этом речь будет впереди, но если бы знала, что детище энтузиастов погаснет, то я побольше времени

проводила бы с мамой. Я очень радовалась, что она со мной. Мама страстно ждала возвращения домой, а я в душе этого не хотела, думая как же я оставлю маму. Не надо было так думать, лишь бы она ещё пожила со мной или у себя в Таре.

Когда до моего отпуска оставалось 10 дней, у мамы случился инсульт. Мама болела только десять дней, я ложилась рядом с ней, обнимала. Мама уже не разговаривала, все понимала, глазами ждала своего сына, но он не приехал ни проститься, ни проводить в последний путь. Её проводить пришло много моих друзей и студентов ТНУ, из Тары приехала моя сестра Фагмия. Я потеряла маму, после этого семь лет не ездила в Тару, обида была очень большой, но потом начала ездить к сестре.

Когда я приехала в Тару, то увидела, что сруб на могиле отца совсем разваливается. У нас на кладбище на многих могилах стоят небольшие срубы. Я решила папе поставить памятник, смотрю – у меня денег хватает, думаю и ограду надо поставить, а у меня ведь брат живёт в Таре. Мы с сестрой Фагмиёй пошли в магазин ритуальных услуг и узнали, что его директор недавно приехал из Казани, город ему очень понравился, это было лет 15 тому назад. Сейчас, увидев Казань снова, он был бы восхищён. Я попросила его покрасить ограду в зелёный цвет, но у них его не было. Однако, когда пришла в следующий раз, то увидела, что работник красит ограду в зелёный цвет

и она сделана из толстых труб, как я хотела. Я очень обрадовалась. В дни, когда делали памятник и ограду, непрерывно шёл дождь, а когда устанавливали – дождь перестал лить и выглянуло солнце. Я всё люблю делать основательно, поэтому наблюдала за рабочими, их было двое, сказала, если сделаете хорошо, то мы заплатим отдельно. Всё получилось, как мы хотели.

На другой день в тарском клубе перед родственниками, одноклассниками, друзьями, соседями я организовала концерт, на баяне мне аккомпанировала моя двоюродная сестренка Джинан. Она преподает в тарской музыкальной школе – дочь моего дяди Калимуллы, валившего 9 лет лес в концлагере. Джинан – татарская красавица.

Дядя Калимулла с женой Мунифой джинги вырастили пятерых детей, все они скромные, трудолюбивые, вот они: Шамиль, Фарида, Алфия, Джинан, Ринат. 1 января 2015 году Мунифе джинги исполнилось 90 лет. Помню, как проходила ее свадьба – у невесты лицо было закрыто красивым шелковым платком, не помню я или Нурджиган, прочитав молитву, двумя пальчиками сначала немного приподняли платок, потом полностью открыли – у нас такой обычай. Сами мы были маленькие, красивые девчушки. Перед нами предстала красивая, с двумя рыжими нисподающими вперёд косами, с ямочками на щеках смущённая невеста. Смутишься, если на тебя устремили взгляд столько глаз. Дядя Калимулла тоже был красив.

Я свою дорогую маму потеряла в четверг 12 июня 1997 года, ей через месяц исполнилось бы 89 лет. У нас, того, кто уходит в четверг, считают святыми, для меня моя мама святая. Пусть души моей мамы и папы будут спокойны, радостны, могилы светлы, место в раю!

Маму я похоронила в Дербышках, среди вековых сосен, поставила гранитный памятник, ограду. С одной стороны, я рада, что мама со мной в Казани, её мама, моя бабушка Бибигазиза, была родом из Казани, мне говорят, что это сила тяги крови. С другой стороны, если б мама была похоронена рядом с папой в Таре, моей душе было бы спокойнее.

9. НАША ШКОЛА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО ЦЕНТРОМ ОБРАЗОВАНИЯ, НО И ЦЕНТРОМ КУЛЬТУРНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

У каждого человека родная школа оставляет глубокий след в его сердце. В 2005 году исполнилось 60 лет, как я окончила Тарскую татарскую школу № 8. Ее давно уже нет, но моя школа, как воспоминание о первой любви всегда в памяти. Известно, что наша школа начала работать в 1831 году, когда при построенной тогда в Таре мечети открыли медресе. Первыми учителями медресе были Юнысов Рахматулла, Хамидов Габделхак, Мамлеева. В Советское время школа долгое время оставалась начальной. Не мало сил на то, чтобы эта начальная школа превратилась в семилетнюю, положил мой отец – Кулеев Галляметдин Мухамматшарифович. В 1932–1938 годы он был директором, много сделал, чтобы школа была образцовой, радующей учеников, учителей и родителей. Но в одночасье, как сын расстрелянного «врага народа» Кулеева Мухамматшарифа Абубакировича был осуждён по ст. 58–2–7–9–10–11 УК РСФСР и приговорен к 10 годам лишения свободы в ИТЛ. Будучи совершенно невиновным, весь срок провёл в лагерях. Таким людям невозможно было тогда вернуться на свою прежнюю работу, например, в школу. Дорога ему были закрыта, его не взяли даже рядовым учителем – какая

несправедливость! Перед Великой отечественной войной и во время войны директорами школы соответственно были Каримова Малуфа апа и Каюмова Марьям апа, (их отчеств не помню, т.к. учительниц мы называли «апа», учителей-мужчин – «абый»), их имена современники вспоминают с уважением.

В год окончания ВОВ, в 1945 году, я пошла в 1-й класс. Во время войны я ходила в русский детский сад и стала забывать свой татарский язык. Моя мама считая, что я превращаюсь в русскую, отдала меня в татарскую школу. За что я безмерно благодарна маме, моя семья воспитала у меня любовь к моему языку, моему татарскому народу, к культуре, ко всему моему национальному, иначе моя первая книга на татарском языке не увидела бы свет. Когда я пошла в первый класс, до возвращения папы оставалось ещё три года! Какая трагедия! Пора перестать удивляться, но не могу, кто бы «за пайку баланды да ватный бушлат и нары в бараке, где спали внакат», как пишет Елена Жукова, работал на великих стройках, после ВОВ поднимал страну. Ладно ещё меня с мамой надолго не разлучали. А в скольких семьях отцов расстреляли, матерей на 8–10 лет отправляли в концлагеря, а детей – в ясли, в детские сады, в детские дома НКВД!!! Страшна была участь детей «врагов народа». Чтобы сохранить их, матери отказывались от мужей. Иначе – сами в лагеря, дети – по детдомам. И это было продумано в Кремле: дети старше 15-летнего возраста могли быть аресто-

ваны и расстреляны, моложе – размещались в спецдетдомах, им меняли фамилии, разлучали с братьями и сестрами. Делали всё, чтобы ребёнок не знал, кто он и откуда. а если отобран у матери, всё равно будет клеймо на всю жизнь. У трети жертв репрессий Приволжского района отцы были расстреляны – это я выяснила, когда меня избрали председателем организации, в архиве я узнала, у кого отцы расстреляны, кто с семьей сослан на Дальний Восток, на Колыму, кто много лет провёл в концлагерях.

Моя первая учительница Нафига апа Ниязова никогда не повышала на нас голос, она любила, уважала своих учеников. Я её помню спокойной, красивой, от неё веяло целомудрием. Наша школа располагалась в небольшом двухэтажном деревянном здании, уроки шли на втором этаже, там были три учебных класса и учительская. В первом и третьем, втором и четвёртом классах уроки шли одновременно. Помню, два класса были проходные. До 1948 года наша школа оставалась семилетней. В 1948/49 учебный год открылся 8-й класс, и начиная с этого года она уже называлась Тарской татарской средней школой № 8. Первооткрывателем и директором нашей средней школы до 1958 года был Иштиряков Кафи Абдулович. В 6–8 классах он преподавал географию и Конституцию СССР, был тогда такой предмет, его уроки были интересными и увлекательными, он их вел восторженно на татарском языке, ведь во время

войны Кафи Абдулович с боями прошел пол-Европы, был солдатом, защищавшим свою страну. Он был сильным учителем, директором, любящим своих учеников, своих татар, готовым пожертвовать собой ради них, таким он остался в моей памяти. Он много сделал для укрепления материальной базы школы, подбора кадров, повышения качества преподавания и авторитета учителя. Каждую четверть на общем собрании школы Кафи Абдулович давал характеристику ученикам старших классов, когда доходил до моей фамилии, моему смущению не было предела, Кафи абый говорил: «Кулеева Фарзана звезда из звёзд нашей школы!». Да, я оправдала доверие Кафи Абдуловича, окончила нашу татарскую школу с золотой медалью. Наверное, он радовался этому больше, чем я. В истории школы эта медаль была единственной, после меня несколько учеников получили серебряные медали. Да, в наше время в любой школе медаль получали не каждый год. Сейчас – каждый год и бывает, что не одну на класс. Училась я хорошо, на экзаменах с 4-го по 10-й класс не получила ни одной четверки, была председателем совета пионерской дружины, секретарём комитета комсомола школы, участвовала на лыжных соревнованиях, в школьных концертах. С Шамилем Мухаметовым, победив на фестивале по танцу в Таре, ездила в Омск для участия в областном фестивале. Мы исполняли татарский национальный танец, принимали нас хорошо, на мандолине

нам аккомпанировала учительница татарского языка и литературы Лия Хайдаровна. Тогда в Омске нам пришлось участвовать во многих концертах. Таким образом, я с детства занималась общественной работой, участвовала в школьных спектаклях, танцевала, только не пела, а начала петь, когда вышла на пенсию, если б запела в школе, то не стала бы математиком. После моего отъезда в Казань, в концертах Шамиль танцевал один, был секретарем парткома в Больших Туралах (Олы Уыш), открыл там мечеть, был имамом этой мечети, которая действует по сей день, много сделал для своей большой деревни будучи председателем сельсовета Больших Туралов. Он добился новых названий улиц с именами героя Советского Союза Мусы Джалиля, поэта Габдуллы Тукая и других деятелей татарского народа. А вот в городе Таранет ни одной улицы с именем татарского человека, хотя в России и в Таре по количеству людей татары на втором месте. И по количеству Героев Советского Союза – участников ВОВ татары в процентном отношении занимают второе место. В настоящее время Шамиль Хасанович Мухаметов является Мухтасибом Омской области, имамом Омского района, открыл зиарат (кладбище) для мусульман, очень востребован при проведении Коран – обеда по исламским праздникам, по ушедшим нашим татарам, мусульманам другой национальности.

На больших переменах мы учились танцевать под баян. Наверное, директор не хотел, чтобы ученики отвлекались на ненужные занятия. Поэтому мы прекрасно танцевали и вальс, и фокстрот, и танго, и краковяк, и наза и другие танцы, успевали и на школьный хор.

Наша школа была не только центром образования, но и центром культурного просвещения. Не забыть, как зимой на лошадях мы ездили в деревни, давали концерты колхозникам, радовали людей, а после концерта они нас очень вкусно угощали. Ведь телевизоров тогда ещё не было, хорошо, если один раз в месяц, привезут кино, поэтому наши концерты для деревенского народа были большим подарком. В нашей школе вместе с учениками учителя ставили спектакли для татар нашего города. Помню, как в музыкальном спектакле по пьесе Мирхайдара Файзи «Галиябану» наш директор Кафи Абдулович играл друга отрицательного героя Исмагыйля, мой двоюродный брат Тельман, ученик 9-го класса – друга, главного героя Халиля. По сюжету защищая героиню, он хватал директора за горло, в место того, чтобы плакать, народ смеялся, всем было смешно. Роль Галиябану исполнила учительница русского языка Алима апа Абдрахманова, а роль Халиля – муж нашего школьного бухгалтера Хамиды апа (кстати, она 5 лет провела в советских концлагерях) Ахмадриса абый. Они оба прекрасно пели. Нам, несколькими учащимся – распространителям билетов, разрешили смотреть спектакль, мы сидя на полу с удовольствием

сделали это. Никого, игравших в этом спектакле, нет в живых. Мой брат Тельман, красавец, офицер, долго служил в Германии. Он отец троих детей: дочери Анбиры, сыновей Артура и Альберта, но, к большому сожалению, ушёл от нас очень рано. Спасибо его жене, Гулджиган апа, она каждый год вместе со своими детьми приезжала в Тару, чтобы помолиться у его могилы, провести Коран-аш. Когда я училась в КГУ, по дороге из Германии в Омск Тельман абый заезжал в Казань, проведать меня. Его мама – красавица Минзифа апа, старшая сестра моего отца, они очень были похожи. Пусть им всем земля будет пухом!

Мы ставили спектакли и на русском языке. «Молодую Гвардию» Александра Фадеева играли учащиеся 8–10 классов. Я сыграла роль Радика Юркина. А какие урожаи получали мы на приусадебном участке школы! Мы их выставляли на юннатских смотрах, получали призы. В цветнике школы росли: георгины, астры, львиный зев, левкой, анютины глазки, бархатцы и много других цветов. Чтобы поливать огород и цветник мы носили воду на коромыслах из тогда ещё полноводной Аркарки, из под горы.

Каждый календарный праздник в нашей школе проводился с тщательной подготовкой и на высоком уровне. Праздников тогда у нас было много: новый год, 23 Февраля – День Советской Армии, 8-е Марта – Международный женский день, 1 Мая – Международный день солидарности трудящихся всех стран,

29 октября – день создания ВЛКСМ, 5-е декабря – День Советской конституции и др. Особо красиво, незабываемо, весело мы встречали Новый год, елку украшали сделанными своими руками игрушками, перила лестницы, идущей на второй этаж, обматывали гирляндами из еловых веток, их запах распространялся на всю школу. Так же устраивались школьные бал-маскарады, готовились разнообразные костюмы. На бале можно было встретить и «Татьяну Ларину», и «Черкеса», и «Ночь», и «Конституцию СССР» с 16-ю гербами и нашими правами и многое другое. Со своими костюмами мы выходили на городские конкурсы и на них тоже завоёвывали призы. Костюмы мне шила любящая меня учительница Наталья Михайловна. Помню, однажды на Новый год она нарядила меня в костюм «Голубь мира». На школьном и на городском бал-маскарадах я заняла первые места, в школе мне подарили первые в моей жизни духи «Кремль», а на городском смотре – прекрасный кожаный портфель. Доучившись до 10 го класса, я впервые заимела такой весомый и солидный портфель.

В открывшемся в 1948 году 8-м классе было 19 учеников. Открытие 8 го класса в судьбе наших татарских детей стало решающим фактором. Многие ученики из-за войны и по другим причинам не могли учиться. Для них открылась возможность продолжить учёбу и в 18–19 летнем возрасте они продолжили учиться в 8-м классе и все успешно закончили школу, многие

из них впоследствии получили высшее образование. Первые восемь выпускников стали учителями, вот они: Ниязова Наджия, Шарипова Айнур, Шарипова Хурия, Шугурова Мунавара, Мухамадеева Закия, Мучипова Шамсия, Шамсетдинова, Хамитова. Если бы в 1948 году не открылся 8-й класс, возможно, все они остались бы без образования. В следующем году открылся 9-класс, а – потом 10-тый. Сколько ребят из татарских семилеток северных районов Омской области получили у нас среднее образование! Это – ученики из Тарского, Тевризского, Евгащинского, Улен-Кульского, Усть-Ишимского, Муромцевского и других районов. Стараниями нашего директора Кафи Абдуловича из здания, вмещавшего только начальные классы, мы перешли в прекрасное по тогдашнему времени двухэтажное каменное здание. Это был дом купцов Айтикиных, уехавших во время Октябрьской революции. Он был для нас дворцом. Каждый класс на первом этаже – 4 класса, на втором – 5 классов, учительская и директорская – все в моей памяти стоят перед глазами. Я хорошо училась, но однажды, когда я не рассказала тему на уроке «Основы Дарвинизма» на «5», учительница по этому предмету Анна Михайловна поставила мне двойку, пригласила в учительскую и выразила свою обиду, сказав, что я не люблю её предмет. Вот, какие у нас были учителя, разговаривали с нами на равных. Другое дело сейчас: учитель может и унижить, и обозвать ученика, затем надеяться на хо-

рошое отношение. Наблюдала я в современной школе такую картину, когда учились там мои дети и внуки. Мы в школу ходили как на праздник. У здания, куда переехала школа, был большой двор и сад-огород. Поэтому мы имели очень хорошую возможность заниматься спортом и огородничеством. На новом огороде мы тоже получали большие урожаи, со своими достижениями участвовали на городских юннатских выставках, получали призы, подарки. В школьном цветнике под руководством Натальи Михайловны каких только цветов мы не выращивали! Таким образом, наша татарская школа процветала. Вместо здания нашей начальной школы появился интернат-общежитие, где жили ребята из близлежащих деревень и районов. Ребята круглосуточно были под присмотром учителей – воспитателей. Я не помню ни одного нарушения дисциплины, во время моей учёбы ни разу не видела курящего учащегося.

Школьный коллектив учителей был небольшим. В начальных классах на чистом татарском языке уроки вели Мифтахутдинова Марвия апа, Муртазина Нурия апа, Ахунова Файма апа. Все они в моей памяти, влюбленные в своё дело, молодые и красивые. Вот – Марвия апа, стройная, с двумя косами ниже колен. Кто попадал к ней в 1-й класс были счастливыми и дети, и их родители, потому что её выпускники уходили от неё с каллиграфическим почерком. В нашу бытность были уроки чистописания и на них Марвия апа отта-

чивала красивое письмо своих учеников. Сейчас много предметов исчезло, например, арифметику мы учили четыре года, остаётся только сказать: какая гимнастика была для наших мозгов! Марвия апа проработала в нашей школе 35 лет. Все дети некоторых семей учились у Марвии апа, например, Рахмангуловы: Идрис, Ильдус, Ильяс, Кашшаф, Мукаррама, Шариповы: Хуррия, Люция, Нурания, Джалил, Нурия, Маннур. Марвия апа была настоящим мастером своего дела, как говорил Антон Павлович Чехов, её лицо, одежда, душа и мысли были прекрасны. Многие девочки, по примеру своих учителей начальных классов Муртазиной Нурии апа и Ахуновой Файмы апа выбрали профессию учителя или работу с детьми.

В 5–8 классах математику на татарском языке преподавала Бакирова Фатыйма апа, строгая и требовательная, те, кто не дружил с математикой, побаивались её. Историю – Баширова Залифа апа, русский язык – Абдрахманова Алима апа, физику – Фаткуллина Мубашира апа – я всех помню. В 5–7-х классах русский язык и литературу преподавала ас своего дела Щербакова Наталья Михайловна. Все учителя, ученики и тарские татары глубоко уважали её. Своим грамотным письмом на русском языке, знанием русских классиков я обязана моей дорогой Наталье Михайловне. Стихи, которые мы учили с ней, до сих пор не забыты. Она учила нас не только своему предмету, но и любить прекрасное. В школьном цветнике она

выращивала цветы вместе с нами. Целое озеро цветов было на её небольшом придомовом участке и она всегда делилась рассадой. В новый год помогала в выборе костюмов на бал-маскарад ученикам, а мне – я была любимой её ученицей, придумывала и сама их шила, без неё так же не обходились постановки школьных спектаклей. Не могу не вспомнить нашего классного руководителя в старших классах Корнея Ароновича Варкентина, он учил нас своему родному немецкому языку и дал нам неплохие знания. Известно, что его сослали в наш город Тара с далёких берегов Волги. Корней Аронович был эрудированным, интеллигентным, сильным учителем, он всегда заботился о своих подопечных учениках. А наш учитель физкультуры Георгий Петрович, разве можно его забыть требовательного и одновременно великодушного? Среди других школ спортсмены нашей школы держали 1-е места, вот они наши спортсмены – победители: Алтынбаев Линнур, Алтынбаева Мая – их отец, будучи «врагом народа», сложил голову на войне, Ахметова Мадина, Бакиров Рифкать, Иксанова Нафиса, Тулякова Ратифа, Шарипова Марьям и многие другие. В нашей школе был сильный патриотический дух, была сплочённость, дружба, гордость за свою школу. Куда бы не направлялась наша школа, у нас была одна цель – быть первыми. И когда вязали снопы, собирая лён в колхозе «Партизанка», и когда готовили корм для коров села Кольтюгино, да, мы были первыми. Наша пионерво-

жатая Акжигитова Сакина апа всегда была с нами, когда мы ездили на работу в колхозы или в походы. Помню, я училась в 5-м классе, она нас на пароходе повезла вверх по Иртышу на 60 километров, домой мы шли пешком, заходили в деревни, любовались дивными, незабываемыми берегами моего родного Иртыша. Русские учителя, которые работали в нашей школе, считали, что татарские дети смышлённые, что их учить легко. Конечно, полвека и более назад наши предки алкоголь не пили, дети рождались со «свежими мозгами», со здравым смыслом в голове. Так как школа была татарской, учителя приезжали к нам из Казани. Так по татарскому языку и литературе приехали Фаткуллина Фания апа и Хайдарова Лия апа, они остались в Таре, вышли у нас замуж, вырастили детей. Фания апа познакомила нас с великими татарскими писателями и поэтами, она научила нас разговаривать литературным татарским языком, любить свою литературу, грамотно писать, сама научилась сибирскому языку. Он мало отличается от литературного, его можно рассматривать как говор, наречие. Несколько лет в старших классах русский язык и литературу преподавала Тухватуллина Флёра Фазыловна, её класс, где она была классным руководителем, обожал её. Из Казани приехали Амирова Камиля апа, Шарафеев Мансур абый, он преподавал физику на татарском языке, Галиуллина Амина апа преподавала химию также на татарском языке. В 10-м классе математику

преподавала нам строгая Гимадеева Рамзия апа. Все они были молодые и красивые, мы –ученики любили их и уважали. Нелегко, наверное, было им в далёкой Сибири. Во-первых – холода, во-вторых – быть вдали от родных мест и близких. Через много лет я поняла это, вспоминая, как я плакала скучая по дому. В 17 лет я поступила на физмат Казанского государственного университета, два года почти не выходила из читального зала нашего факультета, в первом же семестре из нашей группы за неуспеваемость были отчислены шесть студентов. Я не должна была подводить свою школу, свой город. Я ведь имела золотую медаль и сибирский характер. Два года я боялась, что меня отчислят, мой отец был реабилитирован только в 1957 году, я каждый день ждала эту справку из Тары, наконец, дождалась. Пожелтевшая справка о реабилитации моего отца сейчас лежит в моём архиве.

В начальных классах обучение шло только на татарском языке. С 6-го класса не все предметы велись на татарском, не хватало учителей. В нашей школе учащиеся получали прочные знания. Из выпускников нашей школы, поступая в ВУЗ, никто не вернулся без высшего образования, на радость своих учителей.

В середине 60-х годов сверху пришёл указ о том, чтобы во всех национальных школах с 1-го класса обучение вести только на русском языке. Этот необдуманнный указ был трагедией для национальных школ, детей и их родителей, он касался не только

татар, но и других национальностей. Не знавшего ни одного слова по-русски деревенского ребёнка начинать учить на русском языке – какой может быть в этом смысл?! Это была политика тоталитарного режима, направленная на создание русскоговорящего советского человека. Что же, национальный язык, культуру, этнос других народов отправить в забвение? Я пример того, как учась в национальной школе и окончив ее, можно знать свой язык и русский в совершенстве, поступить в вуз, получить образование, преподавать в институте на русском и татарском языках. Каждая нация должна сохранять свой язык, иначе и русский язык тоже исчезнет. Учёные давно доказывают, что основой русского языка является тюркский. Кто знает татарский язык, понимает много тюркских языков: узбекский, азербайджанский, башкирский, киргизский, казахский, кумыкский, турецкий, даже язык индейцев Америки и много других языков. Когда я преподавала в КХТИ, на кафедре высшей математики, у меня была одна группа из студентов Средней Азии, среди них были: узбеки, казахи, киргизы, азербайджанцы. Я по своей инициативе ходила к ним в общежитие проводить консультации, так как они полгода у себя на родине работали на плантациях хлопка и знания у них были очень слабые. В общежитии, куда я приходила заниматься, каждый разговаривал на своём языке и мы прекрасно понимали друг друга. Можно привести много примеров слов из русского языка, образовав-

шихся из татарского: Байкал – Бай кул (Богатое озеро), Кемерово – Кумер тау (Угольная гора), Енисей – Ина су (Материнская вода), Саратов – Сары тау (Жёлтая гора), Иртыш – Джиртиш (Вода, прорвавшая землю), Карандаш – Караташ (Чёрный камень), Карагач – Кара Агач (Чёрное дерево), Скатерть-Оска тор (Заверни) и т. д. В настоящее время известно сколько языков надо знать, чтобы поговорить с любым жителем планеты. Большинство лингвистов сошлись на числе 14. Вот эти языки: английский, французский, немецкий, испанский, португальский, итальянский, китайский, арабский, хинди, урду, японский, татарский, русский, бенгали. На них говорят более 2/3 человечества. Это не значит, что мы можем говорить с любым встречным, но нас поймут в любой точке земного шара. Не будем же забывать, что наш татарский язык наряду с русским находится в одном списке с 14-ю языками международного общения. Почему мы должны забывать свой язык!!! Учить его факультативно 2 ЧАСА в неделю по требованию властей?

«О, язык родной, певучий! О родительская речь!

Что ещё на свете знал я, что сумел я уберечь?

Колыбель мою качая, тихо-тихо пела мать,

Подрастая, сказки бабушки я начал понимать...

О язык мой, мы навечно неразлучные друзья,

С детства стала мне понятна радость и печаль твоя».

«Родной язык» Габдулла Тукай

Если стихи Александра Пушкина на русском языке звучат как песни, разве стихи «Родной язык», «Аллуки», «Тафтилау» Габдуллы Тукая – не родник гармонии, задушевности и грусти, говоря лаконично на татарском – не МОҢ?

Переход на обучение только на русском языке не помогло поднять воспитательную работу на должный уровень, создал трудности не только для наших учеников, но и для учителей. Учителям, приехавшим из Казани, нелегко было переходить на обучение с татарского на русский язык. На следующий год они уехали к себе в Казань. В эти годы стало ясно как день, что национальные школы закроются.

Не могу не привести здесь слова поэта Николая Доризо:

*Любой народ по-своему велик,
Бесценен вклад его в наследство вековое,
Так сбережем свою культуру и родной язык,
Как самое на свете дорогое.*

Наша школа как татарская средняя школа просуществовала 24 года, последний выпуск был в 1972/1973 году. Чтобы исчез национальный язык, не нужны никакие указы, запреты, просто закрыть школы – и всё. Это относится и к другим нерусским национальностям.

Когда закрыли нашу школу, в её здании открыли вспомогательную школу № 8, не означает ли это, что

здесь уже учились слабоумные дети, при этом мне дали золотую медаль в этой школе и я каким-то образом закончила КГУ?

Приехав в Тару, я пошла в РОНО (Отдел народного образования) и попросила тамошних чиновников, изменить хотя бы номер школы. Мой голос был голосом вопиющего в пустыне. Как-то мы с сыном проходили возле школы, он сказал мне: «Мама, вспомогательную школу и я закончил бы с золотой медалью». Это было, конечно, горьким смехом сквозь слёзы.

За 24 года наша школа сыграла выдающуюся роль в обучении, в воспитании, культурном развитии, в поднятии национального самосознания, гордости за своих отцов и дедов татарских детей северных районов Омской области, а так же в подготовке национальных кадров.

В дорогой нашей школе директорами всегда работали те, которые всегда следовали призыву нашего Тукая: «Люби жизнь, люби народ, люби мир своего народа» (Сөй гомерне, сөй халыкны, сөй халыкның дөньясын.)

В 1950 году в городе Тара с высшим образованием был только один татарин – агроном Шугуров Сафиулла абый. Его дочь Райса работала в нашей школе, а с его сыном Рубином мы закончили вместе 10-й класс, он учился хорошо, но мало с кем общался, его брат Алмаз учился в младшем классе.

Сейчас, окончив нашу школу и получивших высшее образование земляков не перечесть. Среди них

и учителя, и инженеры, и врачи, и военные лётчики, и учёные, и государственные чиновники и другие специалисты – всех их воспитала наша школа.

Я счастлива и горда тем, что училась и закончила тарскую среднюю татарскую школу № 8, я безмерно благодарна своим любимым, преданным своему делу учителям. Учась в татарской школе, мне никогда в голову не приходила мысль, что я не поступлю в вуз, моя школа и мои гены не допустили бы этого.

Во время учебы не разрешалось переходить из школы в школу, а в среднее профессиональное учебное заведение – пожалуйста. Поэтому мой родной брат Булат и двоюродный брат Марат после 7-го класса ушли в педагогическое училище. После окончания училища, им была дорога только в педагогический институт, что они и сделали. А я была патриоткой своей школы, разве могла её бросить полностью не доучившись

В 17 лет я уехала из своей Тары и с 1955года живу в Казани, но дороже уголка на земле, чем мой маленький городок, для меня нет, как поётся в татарской народной песне «Илкәем»:

Китми куңелемнән минем һич

Шул сөекле илкәем,

Анда минем газиз халкым,

Анда минем әнкәем.

Анда таңнар жәйге диңгез

Балкуыннан нурлырак,

*Анда жырлар сандугачның
Сайрауыннан моңлырак.
Анда уйный гармуннары
Өзелеп- өзелеп моңланып,
Анда калды туган илем
Ал томанга чолганып.*

*А на русском это звучит так:
В душе моей родная сторона моя,
Любимая, незабвенная.
Там народ мой родимый,
Там незабвенная Мама ждёт меня.
Там зори лучистее,
Чем летнее море сверкающее,
Там песни задушевнее,
Чем трели соловьиные.
Гармони там играют
Страстно заливаясь.
Родная сторона там осталась
В розовом тумане растворяясь.*

Перевод с татарского
члена союза журналистов России
Шамиля Ногуманова

Когда в концертах я пою эту песню, мне становится грустно: перед моими глазами проплывают берега моего родного седого Иртыша, таёжные урманы (леса), сибирские деревни, мои родные и дорогие моему сердцу земляки ...

10. ВСТРЕЧА

В этой главе я хочу рассказать, как приехав из Казани, провела в своём родном городе Тара большой праздник – ВСТРЕЧУ. Встречу выпускников и тех, кто только несколько лет проучился в школе, а также учителей нашей незабвенной татарской средней школы № 8, гостей, близких. С того времени, как нашу школу закрыли, это мероприятие стало последним знаменательным событием в её истории. Для проведения этого праздника – встречи, я готовилась целый год.

В августе 1994 года по случаю празднования 400 летия г. Тары в парке культуры и отдыха нам, коренному народу – татарам дали только 1,5 часа на праздничные мероприятия. Тогда меня обуяли обида и огорчение. Я решила организовать праздник для татар г. Тара и тарского района. В этот же день и час я нашла директора тарского парка культуры и отдыха Соколову Раису Васильевну и выразила наше желание: через год, накануне дня города, 5 го августа 1995 года с 12 часов дня до 8 часов вечера в парке провести праздник «ВСТРЕЧУ» – «ОЧРАШУ».

Незабвенная Раиса Васильевна, пусть земля ей будет пухом, очень одобрила наше желание. И мне осталось только написать заявление и оставить его, что я и сделала.

У меня были три причины для проведения этого мероприятия. Во-первых, 40 летний юбилей оконча-

ния моим классом моей школы, во-вторых, мой отец в 1932–1938 годах был директором нашей школы, в-третьих, захотелось разбудить своих земляков, чтобы они не забыли свой язык, религию, свою историю, этнос и культуру. А в результате – учредить в Таре татарский культурно- просветительский центр.

Через год, когда до праздника оставалась одна неделя, я приехала в Тару и начала подготовительную работу. В первую очередь пошла к главе администрации просить денег. Тогда главой администрации был уважаемый Голубев Борис Иванович, он безо всяких проволочек лично меня принял и для проведения праздника выделил достаточную сумму денег. Конечно, когда мы стали материально обеспечены, то вся предстоящая работа облегчилась.

Я принялась готовиться к концерту, решила его провести своими силами, занялась другими организационными вопросами, создала оргкомитет.

Тогда я ещё не начала петь на сцене. На репетициях была главным режиссером, решала, кто может петь, какую песню, какой номер в программу внести. Я пела для своих родных, но пока не решалась петь в концерте. Впоследствии вспоминая песни отца, учась на песнях сестры Фагмии, я стала петь. На концерте выступала моя сестра, у неё был очень красивый тембр голоса, задушевный, проникающий в душу.

Эх, если б я тогда спела свою любимую татарскую песню «Гульджамал», то поразила бы всех своих зем-

ляков! Это я сделала через много лет, когда организовала свой сольный концерт в тарском клубе.

Я и не знала, что наш сосед в Таре, дядя Монзир, превосходно играет на скрипке. Я об этом узнала, когда стала подбирать артистов для участия в концерте. Пришлось дядю Монзира уговаривать, сыграть на скрипке для своих тарчан, он согласился не сразу.

С 1995 года я не могу забыть татарские народные песни: «Сарман» и «Шахта», в его исполнении. В них звучал хватающий за душу голос скрипки. Тут и задушевность, и грусть, и народность. Тут всё, по-татарски можно сказать одним словом: МОҢ.

Эти звуки проникали в сердце, в каждую мою клеточку. Я думаю и остальных участников «ВСТРЕЧИ» тоже. Эти чувства ещё раз подтверждали, что у нас нет права забывать, что мы татары. Наш народ, у которого музыка предков в естестве, должен жить.

За длинные столы, покрытые красивыми скатертями, на которых стояли вазы с цветами, сели священнослужители, аксакалы г. Тары. Младший брат моей мамы, имам Тарской мечети Сафиулла громким голосом стал читать Коран. В этот солнечный день, в парке города Тары, на всю округу, где ходили, жили наши предки, отцы и деды, матери и бабушки звучали знакомые суры Корана. Не это ли счастье? Я испытала огромную радость и удовлетворение.

Сафиулла имам свои молитвы посвятил всем нашим землякам, проживавшим в г. Тара и тарском

районе – погибшим в Великой Отечественной войне, в годы репрессии, покинувшим нас родителям, родным – всем, всем, кто ждёт от нас молитвы.

Мне кажется, Сафиулла имам в своём посвящении не забыл ни одного ушедшего из жизни земляка, родственника. Люди жертвовали «садаку» за упокой души своих родных.

Казначей тарской мечети Рахматулла Ниязов выразил мне огромную благодарность за организацию нашего праздника «ВСТРЕЧА». Было собрано много денег на нужды мечети. Народ выразил свою радость рукоплесканием, а моя радость была безмерна.

А затем слово взяла наша дорогая учительница татарского языка и литературы – бессменный завуч нашей школы Хусаинова Фания Хусаиновна, она обстоятельно, можно сказать, в хронологическом порядке осветила жизнедеятельность нашей школы за все годы её существования до самого закрытия. С уважением, трепетно вспоминала нашу школу, учителей, учеников.

В своём выступлении заведующая отделом культуры городской администрации г. Тары Аскаленко Надежда Геннадиевна с глубоким уважением говорила о татарах, что они в городе Тара, тарском районе работают на незаменимых местах, являются трудолюбивым, талантливym народом. Мы были очень благодарны ей за обеспечение нас в празднике микрофонами, усилителями. В официальной части праздника каждый желающий мог выступить. На этой встрече

тарские татары выразили свое желание создать свой центр и мы открыли его, назвав тарским татарским центром культуры и просветительства. Избрали правление и его председателя.

Наконец, официальная часть завершилась, пришло время начинать концерт. Его красиво и со знанием дела вёл Раис Садыков. В концерте, кроме «артистов» нашей школы, участвовал фольклорный ансамбль деревни Большие Туралы и другие гости. Пела моя сестра Фагмия апа и приехавшая из Нижнего Новгорода моя племянница Кулеева Зухра. Из Казани приехала Алеева Саня, а на баяне аккомпанировала моя двоюродная сестра Алтынбаева Джинан и много других исполнителей – все они учились в нашей татарской школе № 8. Мы с Шамилем Мухаметовым через 20 лет, без всякой репетиции, не было времени, исполнили всем известный наш коронный татарский танец, который закончили под бурные аплодисменты.

На своём празднике мы провели интересные, увлекательные, смешные конкурсы, например: самый лучший гармонист, исполнитель песни, танцор, рассказчик о татарском обычае, весёлом анекдоте. Самое красивое признание в любви всех не оставило равнодушными. Кто искуснее всех приготовит татарское национальное блюдо, много-много других конкурсов. Всем своим учителям, участникам концерта, победителям в конкурсах преподнесли подарки и призы.

Самым щедрым спонсором был мой двоюродный брат, сын имама Сафиуллы-Алтынбаев Идрис. Он принес нам три большие хрустальные вазы. Первую за лучшее исполнение татарской народной песни вручили Алеевой Сании, вторую – виртуозному гармонисту из деревни Уьш (Больших Туралов), третью – самой любимой, достойной большого уважения учительнице нашей школы Марвие апа Мифтахутдиновой., Призы получили и другие победители, никто не остался без подарка.

Когда выяснили, кто приготовил самое вкусное татарское национальное кушание, со всякими вкусо-стями стали пить чай. До начала праздника я в кафе-ресторане заказала дополнительные татарские кушания: много плова, перемячи, очпочмаки, балешы, баурсаки, соки, компоты, чай и т.д.

Мы закрыли большие железные ворота парка и не пустили фуру, гружёную пивом и алкогольными напитками, в этом нам помогла дорогая Раиса Васильевна. Она приехала жить в Тару с Кавказа, благоволила к нам, восхищалась мной, тем, что я решилась проводить такой грандиозный праздник. Как я не могла не проводить, здесь же мои любимые сибиряки, моя школа, моя гордость!

И так, машина у ворот, прошло больше 20 лет, а у меня всё перед глазами: «Откройте ворота, нам надо продать спиртное», а я в ответ: «Мы, татары, не пьём, завтра, в День города выполните свой план!»

Пусть земля будет пухом для Раисы Васильевны! Она поистине была прекрасной, всёпонимающей женщиной с Большой буквы. Она нам бескорыстно помогала, радовалась вместе с нами.

Таким образом, на нашем большом торжестве не было выпито ни одной бутылки пива, ни одной бутылки горячительного напитка! Блюстители порядка тогда сказали: «Татары не пьют алкоголь, а как весело отдыхают», – как приятно было слышать эти слова, они были гордостью для моих сибиряков! Вкусно потрапезничав, посмотрев веселый концерт, он был открытием для многих, которые увидели своих однокашников, друзей в новом свете – талантливых, участвовавших в конкурсах, концерте, поющих, танцующих, остроумных, мы не заметили как прошёл день...

В конце я вышла на сцену с заключительным словом, пригласила избранное правление, председателя, познакомила с народом, все они в городе известные люди, решила пусть снова увидят их, а избранные почувствуют ответственность.

Затем на сцену были приглашены помощники в подготовке праздника: Хусаинова Фания апа, Шарипова Люция, Садыков Раис, Алтынбаева Джинан, Валяя, директор парка Раиса Васильевна, им была объявлена благодарность и преподнесены подарки.

Вдруг на сцену поднялся выпускник нашей школы Алимбеков Джиганша, он специально приехал

на праздник из Новосибирска и выразил лично мне благодарность за организацию нашего праздника и, что я приехала для этого издалека из Казани и, что он оплачивает мне дорогу. Все громкими овациями одобрили его.

Фотографирование, обмен адресами, телефонными номерами, много неожиданных встреч, много-много приятных незабываемых мгновений.

В парке культуры и отдыха города Тары 5-го августа 1995 года целый день звучали татарская речь, татарская музыка, захватывающие наши души песни предков. Не это ли радость, не это ли праздник!

Когда всё завершилось, неожиданно ко мне подошёл мой двоюродный брат Шамиль, преподнёс мне кассету, оказывается он с самого начала до конца снимал наш праздник, специально приехал с Севера на праздник с женой Анисой, я их давно не видела. Если их увидеть была первая радость, то кассета – подарок царей.

Все – тарские татары, приехавшие из районов, деревень, из всей округи, других городов были очень рады и не переставая говорили «спасибо!» Мы можем вернуться в эти дни, так как у нас есть видеозапись на три часа этого волшебного мероприятия.

Городские чиновники были приятно удивлены и довольны: «здесь и блюстители порядка были не нужны, праздник прошёл с песнями, музыкой, весёлыми конкурсами, с вкусными национальными

кушаниями, соками, лимонадами, без питья вин и алкоголя», – выразились они

Живущие в Таре, в округе татарское население до сих пор с грустью вспоминают праздник « ВСТРЕЧУ» – «ОЧРАШУ». Конечно, чтобы провести такой праздник, нужно иметь не мало сил, большое желание, организаторский талант и любить свой народ. Я с детства гордилась тем, что я татарка, и восхищалась красотой нашего языка. Для того, чтобы выразить свою мысль на татарском языке можно найти бесконечно красочные слова, поговорки, предложения и составить их лаконичными выражениями. Доказательством этому служат произведения наших великих татарских писателей, поэтов и их творчество.

В настоящее время в г. Тара работает Национальная культурная ассоциация, объединяющая татарское, русское, немецкое, латышское отделения. Невозможно не восхищаться, не гордиться, увидев работу Татарского национального культурного центра. Как-то, в одном из приездов в Тару, там организовали конкурс – «Самый лучший чтец стихов татарских поэтов». Будучи членом Жюри, я была поражена тем, как ребята, приехавшие из школ Усть-Ишима, Тевриза, Улан-Куля, Евгашино так проникновенно, красиво, грамотно читают татарские стихи безо всяких шпаргалок. В г. Тара, деревнях работают ансамбли, самодеятельные кружки и т. д. Хотя все татарские школы закрыты, наш татарский язык ещё живет, песни наших предков сохраняются,

это значит мы можем смотреть в будущее с надеждой. Многих, кто участвовал в празднике «ОЧРАШУ», аксакалов, которые сидели за столом уже нет с нами.

Постоянный спонсор мечети, который постоянно её ремонтировал – то крышу чинил, то само здание и спонсор нашего праздника Алтынбаев Идрис тоже ушёл от нас. Ему было только 63 года. 10-го января 2015 года, когда он ставил свою машину в гараж, его жизнь оборвалась. Его любила и уважала вся Тара, проводить его пришло много людей. Мой двоюродный брат Идрис искренне служил своему татарскому народу. Пусть у всех ушедших, моему сердцу близких людей Тары души будут радостны, могилы светлы, земля будет пухом, место в раю!!!

11. МОЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

Общественной работой я начала заниматься еще со школьных времен. В школе того, кто хорошо учился и был воспитанным торжественно принимали сначала в октябрята, потом в пионеры, а затем комсомол. Когда эти мероприятия проводились, в школе всегда был праздник, у всех учеников было приподнятое настроение. Самые радостные и приятные минуты были, когда учащихся принимали в пионеры, тогда на шею повязывали красные галстуки. Помню, как вновь испеченные пионеры, кичась, гордо ходили по школе.

Когда я была октябренком, я следила за чистотой в классе, была санитаркой. Став пионеркой, я сначала была звеньевой, а затем – председателем совета дружины. Вступив в комсомол, я исполняла обязанность секретаря комитета школы. Сейчас удивляюсь, почему я так бегала, выполняя общественную работу, была исполнительницей, обязательной. Моя мама говорила: «До чего ты похоже, кызым (доченька), на своего отца, он тоже бегал по инстанциям, чтобы превратить начальную школу в семилетнюю».

Являясь одной из энтузиастов создания Татарского Национального Университета, я работала там ненормированный рабочий день. Отдавая всю себя на это дело, не знала, что эта работа будет Сизифовым трудом.

Когда училась в школе, то помогала одноклассникам. Помню, если какая-нибудь задача не получа-

лась у многих, придя утром в школу, посадив всех за парту, объясняла решение. Не разрешала списывать с доски, говорила сначала слушайте, поймите, затем сами решайте. Не понимала тогда, что математику хорошо понимать, любить не всем людям даётся. Это я поняла, когда стала педагогом. 40 лет преподавала в институтах, в начале каждого нового учебного года, в сентябре заходя в аудиторию к первокурсникам, и посмотрев в глаза студентов, я уже знала, кто будет хорошо учиться, а кто – нет. Я думаю педагог является и психологом.

Мы с братом любили читать, сначала при керосиновой лампе, затем при свете электрической лампочки – дома она у нас была одна. Во время войны нам провели свет и радио. Помню мы с братом залезали на стол, чтобы быть поближе к лампочке. Мы оба не выходили из городской библиотеки, друг у друга читали книги. На нашей улице жил ещё один книголюб – Арыслан. Он брал у нас книги, очень много читал, бережно относился к книгам. Его семья жила бедно, они были вынуждены продать пол дома. Его мама постоянно ходила в лес, собирала ягоду, а затем продавала на рынке, Звали её Шамсия апа, сын для неё был «светом в окне».

Когда я приходила в библиотеку, библиотекарь Елена Николаевна Муромцева ломала голову: «Кулева, ты эту книгу читала, эту читала, какую ещё тебе дать?» – говорила она. Спасибо ей. Елена Николаевна

была моим маяком. Готовясь к сочинению на аттестат зрелости, я не выходила из своей библиотеки. Тогда я больше внимания уделяла идолу того времени – Ленину. Интуиция моя подсказала, что будет тема, связанная с его именем и я не ошиблась. Когда мы взволнованные пришли на экзамен, зашли в класс, сели за парты, то с замиранием сердца ждали, какие же темы будут? Директор школы Кафи Абдулович открыл конверт с темами сочинений, а я от волнения даже встала со стула. Первая тема – «Великий Ленин в произведениях русских писателей». Я была очень рада, села и в ту же минуту начала писать с красивым эпиграфом, мне никакой шпаргалки не надо было. Я использовала поэму В. В. Маяковского «В. И. Ленин», его стихи и произведения М. Горького.

Через 30 лет после окончания школы я узнала, что это моё сочинение издали отдельной брошюрой и использовали для образца. Мне очень хотелось увидеть его, жаль, что в данный момент не нашли. Как-то раз в этой русской школе я читала лекцию о Казанском авиационном институте, где работала преподавателем на кафедре высшей математики. Я приехала в Тару, чтобы пригласить своих земляков – выпускников школы учиться в Казань, во всех средних школах провела экскурс в КАИ. Восемь учеников изъявили желание поехать учиться в институт, где я работала. Своим землякам я помогла, они учились хорошо, очень старались, чтобы не ударить в грязь лицом.

После окончания института, некоторые из них создали семьи, присылали мне благодарственные письма с фотографиями, где они сидели в обнимку со своими детьми и всей семьёй.

Вторая тема была по роману Л. Н. Толстого «Война и Мир» – образы М. И. Кутузова и Наполеона. Третья тема – «Поднятая Целина» М. А. Шолохова. Но я уже выбрала первую тему.

Письменные работы по математике и сочинение отправили в Омск в министерство, там подтвердили «пятерки», поставленные в моей школе. Не знаю сколько времени ушло на это подтверждение. Сейчас удивляюсь, как я могла так хорошо учиться, я думаю, всё дело в генах. Со стороны отца у меня было не мало математиков и физиков, я рада, что их гены перешли ко мне, моим детям и внукам. Все они хорошо учились и радуют меня тем, что грамотно говорят и пишут. Таким образом, мой отец, его самый младший брат Гайнетдин и я – математики, сын дяди Гайнетдина – доктор наук, внук кандидат наук, скоро защищает докторскую и мой брат – физики. Мои внуки Тимур и Артур окончили физико-математический факультет КГУ, дочь Джамиля и внук Марат – КАИ, внучка Марьям – банковскую школу, сейчас учится заочно на экономическом факультете, внук Аскар в школе, участвуя на математических олимпиадах, шахматных турнирах завоёвывал призовые места. В 2017 году успешно окончив гимназию, занимаясь самостоятельно, без

помощи репетиторов он поступил в Вильнюсский университет на факультет биологии и химии, мечтает заниматься генетикой, успешно сдал зимнюю сессию. Год назад он окончил музыкальную школу по классу контробаса, а его сестра, моя шестая внучка, Адиля тоже скоро заканчивает гимназию и музыкальную школу по классу скрипки, где учится успешно.

Мой сын Айдар, когда учился в школе в младших классах, если бедокурил, то в наказание от меня получал задание – учить наизусть стихи и тексты. Ему уже за 50, но он их не забывает. Его дочь Адиля в школе учит русский язык, иногда просит помощи у отца – они живут в Вильнюсе. Кстати, никто им не запрещает учить русский язык. Вот мне сын и говорит по скайпу, что дочь выучила «Зимнее утро» А. С. Пушкина и получила «10», у них десятибальная система, и спрашивает меня, какое стихотворение ей теперь учить, я говорю: «Пусть учит «Бородино» М. Ю. Лермонтова». Затем вспомнили первые строки этого стихотворения: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французу отдана», – решили, что не пойдёт.

Мой сын – моя гордость, автор различных изобретений в технике и в медицине. В области медицины он создал много лечебных приборов – компьютерно-пульсовую диагностику по методике восточных целителей, специальный электронный ремень для лечения диабета, прибор против паразитов, следуя научному

опыту известной американской ученой Хильды Кларк. Она считала, что все болезни от паразитов, всё это она отразила в своей известной книге «Неизлечимых болезней нет». Так же сын изобрел приборы лечения лазерными инфракрасными лучами и другие приборы. В Вильнюсе во всех троллейбусах установлены его приборы для помощи незрячим людям. Он пытался внедрить эти устройства и в Казани, но это ему не удалось.

Я с детства была целеустремленной, решила ехать учиться в Казань, никто меня не смог удержать. В 17 лет одна вышла в путь – дорогу. До Омска 412 километров по Иртышу вверх плыла на пароходе, затем двое суток на поезде до Казани, прибыв в 12 ночи не стала дожидаться утра, а пошла искать дом по указанному адресу, он оказался недалеко от железнодорожного вокзала, на улице Чернышевского. Нашла дом, стала стучаться в нужную мне квартиру, но никто мне не открыл, вышла одна соседка и сказала, что хозяйева на даче. Я этого не ожидала и ушла, но теперь куда идти? На дворе была ночь и решила постучаться в одно из окон дома по соседству, который совсем врос в землю. Постучалась, одна апа сказала: «Мы ночью неизвестным людям двери не открываем», а я: «Посмотрите, вот мой паспорт, мне 17 лет, я приехала из Сибири поступать учиться, пустите на одну ночь». Тогда меня пустили в дом, а апа положила меня спать на высокую кровать позади себя. Потом,

по молодости, я не стала искала этот двор и дом, эту добрую женщину. Почему потом, позднее не зашла, не сказала спасибо? По сей день каюсь, не в моих правилах не ценить доброту. Тогда я очень торопилась.

Утром я пошла в университет, в который меня из моего города Тары письмом пригласили на собеседование. Он был расположен недалеко. В главном здании с колоннами, как сейчас помню, я повернула направо, прошла по длинному широкому коридору, слышно было как по красивому, выложенному маленькими плитками, я иду, затем повернула налево. Там был такой же широкий коридор, наверное, Николай Иванович Лобачевский любил широту и размах, как свою неевклидовую геометрию. Я ещё раз повернула налево, прошла вперёд и поднялась на второй этаж, там сразу увидела дверь мне нужного деканата физмата КГУ, постучала и вошла. Там как раз находился декан факультета – Лаптев Борис Лукич, он был красив, от него веяло благородностью и благожелательностью, наверное, он увидел девчущку из Сибири и не хотел пугать ее вопросами. Борис Лукич провёл со мной собеседование, по математике задавал разные вопросы, я отвечала, затем он сказал, что я принята в университет, я спросила: «Теперь до 1 сентября в колхоз?» – Борис Лукич рассмеялся: «Некоторые не знают, как избавиться от колхоза, а вы сами проситесь, поезжайте домой, а 1-го сентября приезжайте».

Моей радости не было предела, как говорят у татар: «Радость не помещалась внутри меня». 22-го июля 1955 года я приехала в Казань, а 23-го домой, в отчий дом ещё на целый месяц!!! Не думала я тогда, как скучая, слезами омывая свою подушку я буду плакать, мне ведь было тогда только 17 лет. Итак, я побежала на железнодорожный вокзал, взяла в камере хранения свой чемодан, оставила его у сестры нашей учительницы Фании Хусаиновны – Мансуры Хусаиновны, она жила у вокзала, на улице Ухтомского. Потом быстро пошла на вокзал купить билет и сесть в поезд. Дорога до Омска занимала 48 часов.

В годы, когда я поступила в университет, училась 5 лет, от Казани до Омска поезда шли двое суток, не потому, что они медленно двигались, а из-за того, что по часу стояли на станциях. На этих станциях пассажиров ждали горячие полные обеды – первое, второе и компот. Все это находилось на высоких столах. Пассажиры пообедав, садились в свои поезда и продолжали свой путь, тогда обеды были недорогие и мне – студентке были по карману. А сейчас на станциях поезда стоят всего 2–5 минут, очень редко 30 минут и продают на них, на мой взгляд, всякую дрянь: доширак, чупа-чупс, кока-кола, пепси-кола и другие яства, вредные для здоровья. Когда я собираюсь в путь-дорогу на поезде, беру перемячи, очпочмаки своего приготовления, казылык – фирменная колбаса татар и, конечно, пью чай, заваренный собственной

персоной, благо в вагоне всегда есть кипяток. Пью свой чай, так как, как-то видела, проводница мыла стаканы стиральным порошком. Сейчас, наверное, не моют порошком – есть другие моющие средства.

По железной дороге между Казанью и Омском мне пришлось проехать не менее 100 раз. Когда были живы родители, потом только мама и сестра я ездила каждый год, иногда два раза в году. В 2008 году заболела сестра, тогда мне пришлось съездить четыре раза. Прошло более 60 лет, как я покинула отчий дом, но не могу равнодушно смотреть как движутся поезда, всегда хочется в родимый край, а если еду в автобусе по Татарстану, то закрываю глаза и представляю счастливые мгновения поездок из Омска в Тару. В Татарстане есть пригорки и овраги, а у меня на Родине – вокруг равнина, ведь Омская область расположена на Западно-Сибирской низменности.

После того, как я прошла собеседование, села в поезд не прошли и сутки, а я уже еду домой! Когда уезжала в Казань, я плакала гоькими слезами, думала, что приеду только через год. Слава Аллаху, через 2,5 суток я снова увижу дорогих маму, папу, родных!

В трехстах километрах от моей Тары в Омске есть разные институты, но мне хотелось к татарам, в университет, где учился Ленин. Я тогда не знала, что впервые из его уст прозвучали слова о помещении наших родных, соотечественников в исправительные трудовые лагеря – концлагеря, что он отправлял в дырявых

баржах, «филосовских пароходах», нагруженных под завязку, цвет нашей нации погибать. Не перечислить его кощунственных указаний и директив. Не захотела бы я тогда писать сочинение, посвящённое Ленину и поступать в университет, носящий его имя.

В начале 19 века ректором нашего университета был Николай Иванович Лобачевский, открывший всемирно известную неевклидовую геометрию и построивший главное здание университета с колоннами. Он занимал эту должность в течение 19 лет (1827–1846). 1-го декабря 2017 года широкая общественность, геометры всего мира в главном здании Казанского университета отмечали 225 летие со дня рождения нашего земляка (1792–1856), можно так говорить, потому что он в подростковом возрасте приехал с двумя братьями учиться в Казань, она стала для него второй родиной после Нижнего Новгорода, где он родился.

К 100 летию со дня рождня Н. И. Лобачевского была учреждена первая премия его имени и вручена в 1897 году, к 200 летию выпущена медаль имени Лобачевского. В некоторые годы премия и медаль вручались научной академией СССР, потом Россией. Сейчас эта обязанность возложена на КФУ и проводится на провинциальном уровне. В этом году на награды претендовали 20 кандидатов со всех стран мира, после отбора осталось 13.

Среди них были и татарские учёные: Юрий Ахметович Аминов зав. кафедрой геометрии Института

низких температур Академии наук Украины, доцент кафедры теоретической и прикладной механики и математики КАИ Альфарид Мавиевич Мухамадеев, профессор Московского университета Ижат Хакович Сабитов, который одновременно был и членом жюри по выявлению победителей и кандидатом на премию. Это по правилам не допускалось. Поэтому И. Сабитов ушёл из жюри. Многие ученые пальму первенства отдавали И. Х. Сабитову: это и учёный совет Института математики имени В. Стеклова Российской академии наук, академики А. Фоменко, (МДУ), Ю. Решетняк, (Новосибирск), член-кор. В. Протасов (МДУ). Все считали И. Х. Сабитова достойным премии и медали Н. И. Лобачевского. Он дошел до финала. Однако, наши современники всегда бравируют своей толерантностью, поэтому казанцы проголосовали за американца. Видите ли – будет неудобно, если победитель будет татарин, так как мероприятие проводится у татар.

Все члены жюри были из разных городов, зачем их подозревать в национализме? Ижат Сабитов сказал: «Мне не понравилось, что руководители конференции, в первую очередь обратили внимание не на мои научные работы, а на национальность. Надо было сразу сообщить, что конкурс не для татар. В Америке ведь пишут «только для белых» или «только для черных».

В Америке премии дают не оглядываясь по сторонам, не думая, «что скажет дядюшка Сэм». Очень обидно, что татары опасались возвеличить своего

татарина. Ещё обидно, что торжества, вручение премий Н. И. Лобачевского, как всегда поручили самому университету. Вся Россия должна гордиться нашим знаменитым первооткрывателем неевклидовой геометрии. Многое идёт от непонимания значимости прорыва в геометрии – что это за параллельные прямые такие? По моему мнению, 225-летие Н. И. Лобачевского надо было провести в Москве, Академии наук России. Я была на торжестве в университете, видела как на сцене выступал ректор университета Илшат Гафуров. Ему было дано предписание дать премию американцу. Мнение председателя международного жюри Марата Арсланова было такое – если дать татарам премию, тогда нас могут обвинить в защите своих. Председатель Госсовета РТ Фарит Мухаметшин вручил премии Ричарду Шену, который даже не предоставил полный перечень документов. Не ясно, за что ему дали денежную премию и медаль имени Н. И. Лобачевского. Многие считают, что ему вручили не совсем заслуженную премию, это чувствовалось – не было обычного в таких случаях ажиотажа, суеты. Неофициальным победителем был Ижат Хакович Сабитов, да это так. Жаль, что премию выдаёт Казанский университет, не имеющий сейчас своих геометров, известных в мировом сообществе, а председателем жюри является не геометр, а специалист по логике.

При жизни Н. И. Лобачевского многие не вникали в суть его геометрии, в России и за рубежом его не

признавали, не понимали. Неевклидовую геометрию впоследствии называли просто геометрией Лобачевского.

Когда мы учились на физмате, то тщательно изучали геометрию Лобачевского и сдавали экзамен по этому курсу. Предмет назывался «Основанием геометрии», лекцию по нему читал уважаемый нами Борис Лукич Лаптев. Чувствовалось, что он от неевклидовой геометрии в восторге и это передовалось нам – студентам, мы с трепетом постигали постулаты её, восторгались, что такие геометрические законы могут быть в космическом масштабе. Наше отношение к открытию Лобачевского было видно из оценок на экзамене: только «4» и «5» – большинство «5». Я очень хотела сдать этот экзамен на «5» и Борис Лукич поставил мне заслуженную пятёрку. Когда мы учились и в настоящее время нашим искренним желанием было, чтобы наш университет носил имя Н. И. Лобачевского, это желание до сегодняшнего дня остаётся мечтой. Я думаю, когда-нибудь наша мечта претворится в жизнь, ведь всё течёт, всё меняется.

Когда мы учились в университете, многим из нас общежитие не досталось. И вдруг прошел слух, что мы – студенты будем строить для себя общежитие. Этот слух оказался правдой. На третьем курсе, во втором семестре, в течение 4-х месяцев, в свободное от учебы время, мы постигали науку строительного дела и ходили на курсы. Кто-то учился на плотника, кто-то

на каменщика, кто-то на штукатурно-маляра и т. д. Мы с подругой Лидией Рожковой выбрали штукатурно-малярное дело. Через 4 месяца учёба закончилась и нам выдали свидетельство 4-го разряда. Осталось только сдать весеннюю сессию и можно было браться за работу. Прорабом у нас был энергичный студент с юрфака Лёша Кондратьев. Он был на своем месте – был строгим и требовательным. Наша стройка была названа «комсомольской», тогда все мы были членами ВЛКСМ. Нас бесплатно кормили завтраком и обедом, жили мы бесплатно в соседнем общежитии № 6. Работали бесплатно, зарплату нам не платили.

Каждый день с Лидой мы должны были заштукатурить 18 кв. метров. Норма каждой – по 9 кв.м. Штукатурить мы должны были профессионально, как говорится «не тяп-ляп». В конце рабочего дня комиссия принимала нашу работу. Была такая длинная ровная рейка, называлась она «правилом», приставляя его к заштукатуренной стене, проверяли ровная она или нет.

Штукатурное дело, оно не лёгкое: сначала на сокол кладёшь раствор, подходишь к стене, кельмой кидаешь на нее раствор, затем, прижимая полутёрком, разравниваешь, так всю стену облепляешь раствором, когда он застывает, но не пересыхает, начинаешь тёркой затирку, самым трудным делом считалось полукругом затирать стык между стеной и потолком, назывался этот стык гантелей. Оказывается, названия всех шту-

катурных инструментов я помню. Нам приходилось ещё ставить межкомнатные стены из гипсолитовых плит, а они были совсем не легкие. Мы с Лидой таскали их вдвоем, закрепляли эти гипсолитовые плиты алебастровым раствором, который должен был быть, как сметана, наверное, до сих пор там живут студенты, которые и не подозревают, кто строил это общежитие.

В 27 лет, когда я построила кооперативную квартиру, делала дома ремонт, помогала в Сибири родителям, то знание штукатурного дела было не лишним для меня.

С четвёртого курса университета мы начали уже жить в построенном нами общежитии, нам разрешили выбрать любую комнату. Мы выбрали 41-ю комнату на втором этаже, в ней всё было новое – кровати с лакированными спинками, тумбочки, стол, стулья, постельные принадлежности, совершенно новые роскошные верблюжьи одеала, перьевые подушки и т. д. На новоселье группа подарила нам: мне, Рожковой Лиде, Гиззатуллиной Лире, Суриновой Риме по столовой ложке, вилке и ножу. Не все из нашей группы работали на стройке, они уже жили в общежитии.

В начале своего обучения я два года не выходила из читального зала физмата, он назывался четвертым. Мой распорядок дня был таков: к 8 ми часам утра на занятия, а после занятий – в столовую. Столовая располагалась на цокольном этаже главного здания университета, обед обходился в 40–50 копеек и был

вкусным. Особенно привлекал компот из сухофруктов, почему-то такого не было в других столовых. Затем до 9 часов 30-ти минут вечера занималась в читальном зале. До такого часа работал читальный зал, он не работал только в праздники, в наше время студенческие праздники не были такими продолжительными, как сейчас. Надо было очень стараться, так как в первом же семестре из нашей группы были отчислены шестеро студентов, фамилии всех их я помню, среди них была одна медалистка. У меня не было права подводить свою школу, мой город.

Во-первых, моя золотая медаль, во-вторых сибирский характер, они не позволяли мне быть в отстающих. Два года каждый день я опасалась, что меня могут отчислить, так как моему отцу справку о его реабилитации дали только в 1957 году, хотя он был уже освобожден в 1948 году. Эта справка, пожелтевшая лежит в моем архиве.

Я хочу написать о моей подруге Лидии Рожковой. 1 сентября 1955 году мы с ней стали неразлучными подругами. За одной партией мы сидели пять лет, вместе с ней занимались в читальном зале, вместе убирали в колхозе картошку, вместе строили общежитие. Из дешёвого материала, который мы покупали у одной женщины, мы шили одинаковые по фасону платья и ходили как близнецы, только Лида была настоящей блондинкой, а я настоящей брюнеткой. Интересно было летом идти по улице в одинаковых платьях,

встречные люди смотрели то на меня, то на Лиду. И сыновья у нас родились в одном и том же году – в 1961-ом, только мой Айдар 28 апреля, а Лидин Олег – 29-го. Лида из Лаишева, её отец будучи первым секретарём райкома был арестован 13 января 1937 года и через год был расстрелян как «враг народа». Какая горькая судьба – Лидинового отца расстреляли, когда до её рождения оставалось пять месяцев. Моего отца забрали, когда мне оставалось до рождения 1,5 месяца, Я была счастливее, чем Лида, моего папу арестовали в возрасте 32 лет, но он вернулся, в возрасте 42 лет. Вернулся ослабленным дряхлым стариком, но живым, а Лидинового отца – расстреляли.

Когда Лида родилась, у её мамы с горя пропало молоко. До окончания школы она жила с бабушкой и дедушкой, её брат Геннадий до окончания 7 классов жил у тёти, а потом в интернате. Сколько сломленных судеб из-за Сталинских репрессий! Лиде не дали заслуженную серебряную медаль, она мне сказала: «Отказавшись от медали, я смогла поступить в университет». Геннадия в Казани не приняли ни в какой институт. Он смог поступить только на горный факультет института имени Баумана в Москве, так как там был недобор.

С Лидой мы долгие годы преподавали высшую математику на кафедрах высшей математики, она в городе Муроме Владимирской области, я – в Казани. Я из далёкой Сибири, Лида из Татарстана, я –

татарка, Лида – русская. В течение пяти лет мы ни разу не поссорились, наши сокурсники завидовали нашей дружбе, так как некоторые дружили, но потом их дружба заканчивалась. Мы с Лидой стиснув зубы старались, хотя внутри нас горел огонь, мы наружу его не выпускали, не были хуже других, не опозорили своих родных. Мы ведь учились в знаменитом Казанском университете, я всегда горжусь этим и тем, что два моих внука Тимур и Артур тоже закончили мой факультет.

Нам преподавали известные в нашем научном мире и за рубежом доктора наук, профессора: Б. Л. Лаптев, В. В. Морозов, Л. И. Чибрикова, Н. П. Норден, Ш. Т. Хабибуллин, В. А. Яблоков, Р. Г. Бухараев, В. В. Гагаев, С. А. Альтшулер, А. Д. Дубяго и др., они давали нам фундаментальные знания, были большими профессионалами своего дела.

Прискорбно, что политические репрессии в пух и прах разгромили наши семьи, отцов-дедов расстреляли, родных сгноили в концлагерях, у нас, в моей семье, сильные гены, мы не потерялись, хорошо учились, высшее образование получили не только сами, не только наши дети, но и наши внуки. Только через много лет, собравшись на встречу выпускников, а встречались мы каждые пять лет, мы узнали, что семьи многих из нас были подвержены репрессиям, в годы нашей учебы страшно было открывать рот на эту тему. У нас была одна дорога: университет, лекции,

практические занятия, столовая, потом читальный зал до самого закрытия. Наш читальный зал назывался читальным залом физмата, сейчас там богатый красивый музей.

Прошли учебные годы, мы получили дипломы и разлетелись по разным городам страны, тогда нам давали направления на работу. Из нашей группы Усольцева Лия поехала в далекий Бийск, другие – в свои родные города, меня направили преподавателем на кафедру высшей математики Казанского Авиационного Института. Добрый, отзывчивый заведующий кафедрой Мангим Шакурович Аминов сначала мне дал группы вечернего обучения, это было правильно, ведь я только что пришла со студенческой скамьи. Никогда не забуду свое первое занятие – зашла я в аудиторию, встала за кафедру, мне всего 22 года и на меня никто не обращает внимания, думают, наверное, пришла зачем-то какая-то девчушка, а у меня язык прилип к нёбу, ничего сказать не могу. Студенты оказались старше меня, поэтому я сильно разволновалась.

У меня был впоследствии 39 летний студент, до сих пор помню его фамилию – Емельянов. Он на экзамене мне говорит: «Дайте хоть одному из нашего рода получить высшее образование». Молодец,, целеустремленный, такие добиваются своего.

Таким образом, моя детская мечта быть учительницей осуществилась 1 сентября 1960 года. В этот день я стояла в аудитории у доски и читала лекцию:

«Определители 2–3-го порядка». Я её прочитала как «хорошо подготовившаяся ученица», – так оценил мое занятие Мангим Шакурович. Он посетил мою лекцию, наверное, хотел узнать, кто же пришел к нему на кафедру. Могу сказать, что вначале преподавать было нелегко, но со временем пришло и мастерство, и опыт.

Услышала как-то раз, как мой сын Айдар сказал своим детям: «Таких, как ваша абика, искусных, профессиональных преподавателей в Казани только 5–6 человек». Приятно было подслушать его разговор, он тоже не подвёл меня – окончил КАИ с красным дипломом. Во время его учебы, там давали прочные знания, поэтому из моего сына получился и хороший инженер, и учёный, и изобретатель.

В годы сооружения КАМАЗА в КАИ был автомобильный факультет. На этом факультете училось много студентов татар. Я у них преподавала высшую математику, мне с ними было легко, они были порядочные, старательные, как говорится, зубами грызли науку. Хорошо учились и я не видела, чтобы они курили, из них, я уверена, получились хорошие специалисты.

В институте каждого преподавателя прикрепляли к какой-нибудь группе руководителем – куратором. У меня была такая группа, я не жалела сил для их воспитания – каждую неделю ходила к ним в общежитие, интересовалась их бытом, проводила у них консультации по математике. Старалась поднять их

и культурный уровень: водила в театры и в музеи, учила любить классическую и органную музыку, приносила к ним пластинки Бетховена, Баха, Шопена и тех, кого сама любила слушать. В то время не было плееров и дисков. Этикет я то же не оставляла в стороне, рассказывала им как себя вести в обществе, за столом, призывала уважать друзей-товарищей, красиво одеваться, когда идешь в гости хотя бы только к соседу, ведь своей аккуратной внешностью ты показываешь свое отношение к человеку. Рассказ о вреде курения был самым актуальным, злободневным вопросом. Я говорила, что легкие курящего ежегодно вырабатывают около 900 граммов табачной смолы, которая на 80% состоит из канцерогенных веществ. Некоторых студентов я убедила бросить курить.

После того, как я в КАИ проработала 25 лет, решила оттуда уйти. За время моей работы на кафедре сменилось семь заведующих, состав кафедры соответственно менялся. Седьмым заведующим кафедрой стал выпускник 2-го факультета «Двигатели» КАИ. На этом факультете на математику выделялось мало часов. Было ясно, что окончивший этот факультет инженер сам не мог давать основательные знания по математике. Новый заведующий кафедры привел с собой таких же инженеров и сократил нескольких других преподавателей, не успевших ещё выйти на пенсию, но имеющих фундаментальные, университетские знания. Это меня не коснулось, но я не захотела

терпеть такую несправедливость. Как раз исполнилось 25 лет моей преподавательской деятельности в КАИ и я решила уйти. Я прошла по конкурсу на кафедру высшей математики КХТИ (Казанский химико-технологический институт).

В КХТИ мне посчастливилось одной группе студентов преподавать высшую математику на своем родном, татарском языке. Здесь была совершенно другая учебная среда – студенты скромные, воспитанные, никто не направлял свое внимание на постороннее. Я чувствовала себя очень комфортно – преподавать свой любимый предмет на татарском языке для меня было большим достижением, так как до этого я не делала подобного. Когда я принимала экзамены, ответы студентов, их умение применять татарские математические термины, их и мое удовольствие от этой действительности было поистине чудом, дивом, до чего же красив и многогранен наш татарский язык, правильно писал наш Тукай в своем стихотворении «Родной Язык»!!!

12. ТАТАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – САМАЯ БОЛЬШАЯ НЕ СБЫВШАЯСЯ МОЯ МЕЧТА

20 сентября 1993 года в Казани впервые в истории открылся ТНУ – Татарский национальный университет. День открытия университета навсегда остался у меня в памяти. Это мероприятие прошло в Доме Учителей на улице Профсоюзной. В то время с нашими детьми в этом доме занимались в разных группах: культурно-просветительской деятельностью, музыкой, вокалом, танцами, театром, литературой и др. Вскоре этот очаг культуры погас, Дом Учителей, расположенный в центре, в удобном для детей и взрослых месте закрылся, группы остались на улице, очень прискорбное обстоятельство.

День открытия университета прошел торжественно, в зале не было свободного места. Авторитетные гости, научные деятели, чиновники, даже Министр образования РТ выступили с речами. После торжественного открытия все – студенты, преподаватели направились в здание ПТУ, недалеко от улицы Нариманова, там мы провели первые занятия и лекции. У всех было приподнятое настроение, была огромная радость.

Энтузиасты татарского народа возложили на свои плечи тяжелый груз. Мы ведь работали в двух местах: на основной работе получали зарплату, а в ТНУ работали бесплатно, студенты тоже учились бесплатно.

На шести факультетах: экономическом, филологии, истории – археологии, технико-технологии, медицинском оборудовании, юридическом около 700 наших студентов учили преподаватели высокой квалификации. Среди них были три члена-корреспондента Академии наук РТ, доктора наук, кандидаты наук и другие, работающие в ВУЗах опытные преподаватели.

Мы были преподавателями КГУ, КАИ, КХТИ, КПИ, сельско-хозяйственного, финансово-экономического, строительного институтов. Преподавать свой любимый предмет на родном языке студентам твоей национальности было счастьем. Как говорила Биктимирова Таэмина, мы учили студентов со слезами на глазах.

На торжественном открытии Татарского национального университета с помпезными речами выступили Министр образования РТ, и не мало других чиновников. Но впоследствии мы «не удостоились счастья» увидеть их снова. 25 лет тому назад ещё не было термина «бомж», а мы тогда уже были бомжами. У нас не было своего здания и нам приходилось лекции, практические занятия и др. проводить в разных местах Казани: в КГУ, сельско-хозяйственном институте, в татарской гимназии № 6, её директор Таң Махмудович Еникеев беспокоился вместе с нами, для проведения занятий предоставил классы, актовый зал школы. Занятия шли в 4-й школе по улице Школьная, даже в Министерстве образования, перед моими гла-

зами позорная картина: студенты, не уместившиеся в комнате, сидят в коридоре, через открытую дверь слушают преподавателя, стоявшего у доски, пишут лекции на коленях, какое прискорбное явление!!! На исторической своей земле ни глава республики, ни правительство, ни Госсовет РТ, ни Всемирный конгресс татар не помогли нам. Один из влиятельных чиновников, который при желании не мог не помочь, сказал нам, до мозга костей желающим, чтобы наше детище, встало на ноги « Вам нечего терять, а мне есть, вот вы и ходите», – махнул рукой, чем до глубины души поразил нас. Да, мы с Илгамией Кургановой без устали бегали по инстанциям, чтобы зарегистрировать деятельность ГНУ. Я бегала по чиновникам, оставляя дома свою 88-летнюю маму, приехавшую ко мне жить из Сибири. Мама не обижалась или виду не показывала: «До чего же ты похожа на своего отца, он тоже бегал (это было в моем родном городе Тара), чтобы 4-х классную начальную нашу школу превратить в 7-летнюю», – говорила она, а потом моего 32 летнего отца, как «врага народа» на 10 лет отправили в концлагерь, какая чудовищность!

Сейчас, те которые могли помочь, когда это действие очень нужно было, философствуют о сохранении родного языка, я с сильной досадой удивляюсь двойным стандартам этих сторонников. Почему когда их просили о помощи, они махнули рукой? Не хочу называть их имена, вспоминается, как мои

отцы – деды, родственники страдали от доносчиков и мне через 70 лет пришлось доказывать, что я не «верблюд», что не присвоила деньги, которые нам выделил наш президент по случаю 70-летия пику репрессий. Я читала заключение органов: «Отказать в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления». Нашим родственникам такие решения не выносили: их просто расстреливали или отправляли в концлагеря.

На меня, наверное, написал донос какой-нибудь наследник доносчика.

В годы работы нашего университета как-то в одном из прямых эфиров я задала вопрос одному руководителю РТ: «Когда официально откроете наш ТГНУ (Татарский Государственный Национальный Университет) и поставите на государственное обеспечение?» Так как открытие университета в 1990 году вошло в Государственную программу, в крайнем случае, в 1995 году университету должны были дать официальный статус – статус государственности. Только наш высокопоставленный чиновник резко отрезал: «У нас нет ни преподавателей, ни учебников, ни учебных пособий». Как нет?

ТНУ работал, следовательно, были преподаватели, студенты. А что касается учебников, то в КАИ доктор физико-математических наук, профессор Гали Юнусович Даутов написал 4-тома учебника по Физике на татарском языке, в КХТИ – учёные Абрик Валиуллин

учебники по «Сопромату», по «Химии» – Хисамиев, в строительном институте Шакиржанов – по «Теоретической механике». Мы с Равкат Абдуловичем Рахматуллиним вместе написали два учебника: первый – «Линейная алгебра и элементы аналитической геометрии», второй: «Дифференциальное исчисление» для технико-технологической, инженеров медицинского оборудования, финансово-экономических специальностей, «Интегральное исчисление» почти завершили. В КГУ Равиль Хади написал два учебника по информатике и Гульнара Арсланова с английского на татарский перевела методические пособия и упражнения для студентов нашего университета.

Таким образом, у нас были учебники: по математике, физике, химии, информатике, английскому языку и другим предметам, а так же необходимые для высших учебных заведений учебные, календарные планы, расписания занятий каждого факультета, т.е. были решены все проблемы преподавания в институте. Мы ведь были опытными преподавателями, деканами, заведующими учебными частями, главное – нашему энтузиазму мог позавидовать любой. «Что у нас нет ни преподавателей, ни учебников», – было только отговоркой, чтобы отказаться от своего родного языка.

Даже из города Тары Омской области Хусаинова Фания Хусаиновна послала нам свое стихотворение:

Пришла из Казани хорошая весть,

*И к радости повод поэтому есть.
От вести той кругом идёт голова...
Я все повторяю той вести слова:
«Открылся Татарский университет!»
И это одна из великих побед!
Об этом и в прессе уже говорят...
Сердца наши гордости чувством горят.
Мне хочется крикнуть: «Проснись же, Тукай!
И радуйся с нами. Пройдя сквозь века,
Не умер великий татарский язык!
Он был, он и будет богат и велик.
Великий народ мы, ведь много у нас
Тех львов, о которых ты вёл свой рассказ».
Приедут к нам в гости из множества стран,
Увидеть воочию наш Татарстан.
Я знаю, уверена: ждет нас успех!
Казань пусть Сорбонною станет для всех.
Придет молодежь к нам учиться. Пусть
Всевышний укажет им правильный путь!*

Перевел с татарского поэт Олег Ланшаков.
г. Набережные Челны

Открытие ТНУ вызвало большой резонанс. В нашем университете учились студенты других национальностей и городов, получали второе образование известные в Татарстане люди. Университет наш имел полнокровное существование, только наши правящие круги, кажется, не хотели признавать этого.

Два момента в моей жизни терзают мое сердце: это безвинно погибшие мои родственники и не получивший помощи Татарский Национальный Университет. Для того, чтобы сохранить родной язык, нужно на нем получать высшее образование – это мое личное мнение. Говорю об этом исходя из своего 40-летнего опыта преподавания и почти 80-летнего возраста.

Мы продолжали обучение студентов и одновременно с Илгамией Кургановой обивали пороги Министерства Юстиции РТ. Наконец, нам дали лицензию, назвав нас «Общественным объединением работников высшего образования РТ по поддержке деятельности Татарского национального университета», глупее ничего не может быть, – это разве не признание ТНУ? На самом деле – ТНУ не признали, а помогать несуществующему университету дают лицензию – позор и издёвка! Чья умная голова придумала такую форму отказа? Лишь бы наш Татарский университет задуть. У них получилось.

Мы были согласны и на эту санкцию, так как получили разрешение на преподавание. А на регистрацию ТНУ мы так и не получили разрешения Министерства юстиции РТ. Мы надеялись, что наш ТНУ будет основой для ТГНУ (Татарского государственного национального университета), где обучение будет на татарском языке. Наши надежды не оправдались. Все уже существовало – ТНУ со своими факультетами,

педагогами, учебниками, учебными пособиями. Университет уже работал, надо было просто осуществить указ, принятый правительством РТ, об открытии государственного университета в 1995 году и назвать его ТГНУ.

Мы – студенты, преподаватели, родители выходили с пикетами, на митинги и на Площадь Свободы, и к Казанскому Кремлю к тогдашнему президенту, выступали в СМИ.

Наши лозунги, плакаты:

1. Если есть язык, есть народ.
 2. Когда татарский народ будет получать высшее образование на родном языке?
 3. Национальному университету здание и финансирование!
 4. Кто мешает открытию Татарского национального университета – враги народа!
 5. Почему в получении высшего образования права народов не равные?
 6. Уважаемый Президент, помоги открыть татарский национальный университет!
 7. Сохранение языка – через детские сады, школы, высшие учебные заведения!
 8. Национальный университет с 1995 года на республиканскую казну!
 9. Всем языкам на уровне ВУЗов равноправие!
- Наши государственные руководители не видели и не слышали нас.

Открытие государственного национального университета не должно быть головной болью отдельных энтузиастов, а должно быть долгом всего научно-технического общества Татарстана, Министерства образования РТ, Академии наук РТ, руководителей правительства, работников искусства, писателей, ученых и т. д.

В организации Татарского национального университета я принимала активное участие. Будучи деканом экономического факультета выпустила 14 специалистов, много сил и старания приложила, чтобы дать им глубокие, прочные знания. Не жалела сил и времени, чтобы найти опытных преподавателей по экономике на татарском языке. Мои студенты называли меня второй мамой, уважали и любили меня. В математике есть раздел «Математическая статистика». У меня не было преподавателя по этому предмету на татарском языке. Мой одноклассник Баграм Кочкарёв согласился прочитать лекции по этому предмету, он тогда преподавал в КГПИ, хотя до этого он не читал лекции по Статистике на родном языке, за несколько дней он подготовил эти лекции на татарском и прочитал моим студентам с экономического факультета, я была очень ему благодарна. Этот предмет и на русском языке – не возьмется читать иной математик, а Баграм молодец! Да-а-а, наш выпуск был силен в математике! В 2017 году Баграм Кочкарев доказал утверждение, которое уточняет великую теорему Ферма, её не могли

решить в течение 400-х лет известные, авторитетные математики начиная с Эйлера.

На филологическом факультете преподавали известные и заслуженные педагоги. Перечислю некоторых из них: Вахит Хаков, Гомар Саттаров, Халаф Гарданов, Анвар Хузиахметов, Фоат Галимуллин, Фаузия Байрамова и др. На других факультетах: Ильдус Амирханов, Рафаэль Тукшаитов, Альберт Борханов, Таэмина Биктимирова, Равил Хади, Ринад Галимуллин, Равкат Рахматуллин, Фарзана Кулеева, Баграм Кочкарёв, Аниса Мусина, Савия Михайлова, Ким Шакиров, Анис Галимжанов, Гульнара Арсланова, Азгар Мохаммади, Наиль Газетдинов, Марьям Ахиярова, Илгамия Курганова, Гулсина Мурзакова, Дамир Юнысов, Хазип Назипов и еще много сподвижников народа жаждали принести пользу, не жалели себя, служа своему народу. Некоторых уже нет с нами, пусть их души будут радостны!

Когда пришла перестройка, мы так же не дождались помощи и наш университет погас. Конечно, чтобы совершать такие большие дела, как открытие университета, у энтузиастов не хватило сил. Однако ничто не может сравниться с обучением на родном языке. Нашим студентам осваивать математику было намного легче на родном языке. Из нашего опыта можно сказать: студенты татарских групп учатся лучше, они были более старательные, работоспособные. Значит, обычаи, нравы, этические, моральные качества сохраняются.

Я, являясь преподавателем высшей математики, преимущества преподавания её на родном языке могу показать на примерах. Если говорить о терминах, то международные из них сохраняются и на татарском языке: дифференциал, интеграл, система и др., а многие татарские термины по смыслу свойства многих действий в математике описывают точно. Например, в математике есть термин дробь, знаменатель, числитель, на татарском термин знаменатель, его называют «ваклаучы» говорит, на сколько частей разбито целое, числитель – «санаучы», сколько частей взято. Если возьмем дробь $3/10$, значит, целое разбито на 10 и из него взято 3 части. Появление термина на татарском языке связано с первым его применением, для систем линейных уравнений «определитель» – «аныклагыч» выясняет имеет система решение или нет.

Что может сравниться с обучением каждого народа на родном языке! Мне кажется наш татарский язык самый красивый, богатый, дает возможность свои мысли выразить доходчиво, изумительно. Я написала книгу на татарском языке, теперь пишу на русском, но на своем родном я нашла больше красивых слов. Если возьмем слово «Любовь», то на татарском языке есть много синонимов этого слова. Можно привести такие слова: мэхэббэт, сөю, ярату, гыйшык тоту, якын күрү, мне в моей татарской средней школе в Сибири дали хорошие знания, я и русский и татарский знаю хорошо, знала немецкий, без тренировки язык за-

бывается, однако года два тому назад мне пришлось общаться с немцами и мы поняли друг друга.

Я выше писала, что для сохранения, изучения языка необходимо получать высшее образование на родном языке – это касается всех национальностей, тогда в детских садах, школах на родной язык будут обращать больше внимания. Второй путь получения высшего образования – на каждом факультете КФУ открыть татарские группы, и в других ВУЗах. В 30-х годах прошлого века так и было. В КГУ на каждом факультете были татарские группы. В библиотеке имени Н. И. Лобачевского есть учебники по всем предметам на татарском языке. Когда я преподавала в ТНУ, я брала в библиотеке учебник, написанный И. А. Алексеевым в 1953-м году на татарском языке. Он назывался «Основы высшей математики» (Югары математика нигезләре) и напечатан был в Казани. Мне его дали только на 10 дней.

В последнее время, уже когда прошло 23 года, мы могли вопрос о ТГНУ снова поднять, это возможно благодаря Указу В. В. Путина, вышедшего 19 декабря 2012 года за № 1666 «Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». В Указе написано: «Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов РФ, развитие их национальных языков и культур».

Чтобы открыть Татарский национальный университет, нужны два действия: первое – энтузиасты,

они еще есть, второе – поддержка нашего президента РТ. Будущее татарского народа зависит от него самого, от его силы воли, трудоспособности, степени трезвости его ума. Наша судьба полностью связана с нами самими. Поднять ТНУ на ноги, развивать его не должно быть заботой отдельных людей. Поднять его до уровня университетов Сорбонны, Оксфорда – это задача деятелей науки и государственных руководителей нашей Республики. Мы должны работать и жить под знаменем защиты нашего родного языка, культуры, этноса и др. – всего того, что нам оставили наши предки.

13. 30 ОКТЯБРЯ – ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

3 ноября 1997 года меня избрали председателем организации жертв политических репрессий Приволжского района города Казани. От этой работы я не могла отказаться, я должна была возложить её на свои плечи, сподвигнули меня на это расстрелянные мои деды и восемь моих дядь, прошедшие жернова концлагерей мой отец и младший брат моей мамы, испытывавшие все тягости жизни будучи «ЧСИР» – членами семьи «изменников Родины» моя мама с четырьмя со своими малолетними детьми. Тогда я преподавала в КХТИ – получала зарплату, а в ТНУ – работала бесплатно, согласилась ещё на одно бесплатное обязательство, не успела, как говорится, оглянуться, как промелькнули 20 лет моей деятельности. Но я не могу отказаться, мне кажется, души моих замученных родных будут не довольны. Всегда, если я делаю что-то хорошее для своих репрессированных, то радуюсь, я думаю души моих отцов и дедов тоже рады.

Летом в 1999 году я не выходила из архива Министерства труда, занятости и социального обеспечения РТ. Там я составила списки членов нашей организации, их было 657 человек. Списки по семи пунктам, мне был важен их мотив репрессий – кто сколько лет был узником тюрем, у кого расстрелян отец, мать отправлена в лагеря ЖИР – жен изменников Родины,

кто отправлен в специальные ссылки на 5, 8, 10, 16, 18, 25 лет. Почти у трети членов нашей организации отцы расстреляны!!! Как-то я пришла в архив в очередной раз и читаю: отец Минуллы Минзарифовича Изатуллина расстрелян в ноябре 1937 года в городе Тара Омской области. Я чуть не упала со стула – мои 10 родных, в том числе два моих деда тоже расстреляны в ноябре, в г. Тара Омской области, какое кощунство! Минулла родился в январе 1937 года, когда расстреляли его отца, ему было всего 10 месяцев. В нашей организации есть и такие, которые были в утробе матери, на момент ареста их отцов, в их числе и я. Кто-то родился после расстрела отцов и узнал об этом после, из справок о реабилитации.

20 лет я руковожу ОРПР (Организация реабилитированных Приволжского района). Всех, у кого отцы расстреляны, я помню и всегда сожалею, что они выросли без отца, в их глазах чувствуется обида и тоска. Тяжело смотреть, когда в списках напротив их фамилии в графе «мотив репрессии» написано ОР – отец расстрелян. Некоторые, благодаря своим матерям не потерялись, получили образование, стали хорошими специалистами. Но такими были не все, было немало случаев, когда не принимали в школы, техникумы, в ВУЗы. Они работали с маленькой зарплатой и пенсии у них теперь небольшие. За что? Валеева Фанзия Ахметсафовна 25 лет со своей семьей была в спецпоселении. Таких в списке немало –

кто раскулачен, кто сослан с детьми, чтобы строить Магнитогорский металлургический комбинат, кто узник концлагерей или отбывал срок в тюрьме. Всех не перечислишь, они отмечены в 18 томах Книги Памяти Республики Татарстан и 10 томах списках раскулаченных.

Ицкович Людмила Николаевна родилась в лагере, то что она выжила, можно отнести к области фантастики. Слушаешь её историю и волосы встают дыбом, поднимается давление. Когда Людмила родилась, её маме не разрешили кормить дочь грудью, её молоко сцеживали и относили начальнику лагеря пить. Он, наверное, думал до 100 лет дожить. Не может быть, чтобы бог его не наказал! Новорожденной в тряпке давали мякиш хлеба, и то тайно, ведь было велено её умертвить. Людмила Николаевна рассказывала, что её мама всегда говорила: «Как ты осталась жива?».

Когда была организована Ассоциация жертв политических репрессий РТ, в её составе было более 6000 человек, в неё входили и репрессированные Казани, и районов Татарстана. Кого только не было в республиканской организации: отец расстрелян, мать в лагере, если были родные братья или сестры, их отправляли в разные детские дома, расположенные в разных городах.

Яушев Карл Гарифович с братом Фридрихом, даже имена Карла Маркса и Фридриха Энгелса не спасли, были отправлены в разные города.

У Мухутдиновой Азалии Мирсаидовны отца расстреляли, мать отправили в «АЛЖИР» – в Акмолинский лагерь жен изменников Родины, а её в детский дом. Несколько лет назад Азалия Мирсаидовна случайно нашла место захоронения своего отца Мирсаида Сафина (известного биолога, генетика) в Москве, в Донском монастыре вместе с расстрелянными Якиром, Тухачевским, Уборевичем, Блюхерем и др. Для Азалии это было потерей отца во второй раз. Многие не знают, где похоронены их расстрелянные близкие, я тоже не знаю, а их миллионы. Может быть, Азалии найти место захоронения отца, возложить на его могилу цветы, помолиться принесло какое-то утешение. Таких случаев много, чтобы всё описать одной книги не хватит.

В лагере, в тюрьмах было немало детей, мотавших со своими матерями срок. Хисамутдинов Рустем Исмагилович, бывший председатель ОЖПР РТ с грудного возраста до 5-ти лет с матерью сидел в тюрьме, их освободили, когда пришло известие о расстреле его отца. Что примечательно: узникам – детям немецких концлагерей два раза немцы посылали денежную компенсацию, в первый раз не дошло, во второй раз послали адресно. Бывшие немецкие узники – дети имеют льготы и не обделены вниманием. А наши дети – бывшие узники советских лагерей и тюрем не имеют ни льгот, ни помощи, ни защищены, они уже не дождутся этого, слишком стары.

Каким бы мотивам репрессий мы не подвергались, наши гены не могут не проявиться, дети продолжают дело отцов. Среди нас в нашей организации сын расстрелянного «врага народа» Марсель Хаернасович Бакиров. Он и профессор, и заслуженный работник науки РТ, и лауреат премии имени Кул Гали и др. Мы гордимся им. У доктора технических наук, профессора, Заслуженного изобретателя РТ Зимагулова Анаса Хафизовича отец Зимагулов Х. Г. 1904 г. р. был арестован в сентябре 1940 года и отправлен в шахты Воркуты, освобожден в 1947 году без права выезда из своей деревни сроком на четыре года со справкой:

«Уволен по собственному желанию» – это не назовешь ничем иным, как глумлением.

Такой список можно продолжить: доктора и кандидаты наук, известные врачи, учителя, артисты, поэты и они «враги народа».

Подвергшиеся сталинским репрессиям занесены в 18 томов Книги Памяти РТ. Редактором этих томов является доктор наук Анатолий Александрович Иванов и, чтобы 10 томов с именами раскулаченных увидели свет, он и его коллеги приложили очень много сил. Анатолия Александровича с нами уже нет, пусть земля ему будет пухом! Также он выпустил Книгу воспоминаний жертв политических репрессий РТ, в ней 14 воспоминаний реабилитированных Приволжского района города Казани.

В Книге Памяти есть один из крупнейших поэтов современности, классик татарской литературы, наш Хасан Туфан. 10 лет своей жизни он потерял в концлагере г. Свияжска и 7 лет – в лесах Новосибирска. Среди пыток, которым он подвергся была пытка бессоницей, которую к нему начали применять вскоре после ареста. Следователи, сменяя друг друга, допрашивали его круглосуточно, не давая ни минуты передышки. На пятые – шестые сутки человек окончательно тупел, переставал соображать, терял счёт времени, и волю к сопротивлению. Если он начинал клевать носом, его «приводили в чувство» кулаком, ставили, на «выстойку» – лицом к стене, руки за голову, носки на плинтусе... Через некоторое время ноги затекали и человек падал. Его ударами и пинками поднимали, и допрос продолжался. И так длилось три недели (именно столько «работал» первый «конвейр», который применили к Туфану)...

В опытах кошки погибали от искусственно созданной бессоницы на сороковой день, собаки – раньше. Люди же, «поставленные на конвейр», нередко сходили с ума, а чаще были готовы подписать все, что угодно, лишь бы избавиться от невыносимых мук. Хасан Туфан продержался в общей сложности около года... Палачами Туфана были К. Башков и Катерли, особенно зверствовал Катерли. Какие только виды пыток они не применяли к узникам: сжимали череп железным кольцом, опускали голого человека

в ванну с кислотой, голого и привязанного человека пытали муравьями, клопами, загоняли раскалённый на примусе шомпол в анальное отверстие, медленно раздавливали сапогом половые органы и, конечно, пытали неделями бессоницей, чтобы выбить признания в несусветных преступлениях. Хасан Туфан как-то сказал нашему известному писателю Рафаэлю Мустафину, увековечившему в своей книге «Мы поименно вспомним всех» имена наших выдающихся личностей, оказавшихся в застенках НКВД, многие из которых погибли, только единицы остались живы: «Помню только, меня обвинили в том, что я – японский шпион, может быть, потому, что у меня восточный тип лица и глаза немного раскосые... Может это меня и спасло. Потому, что когда началась война с германцами, всех «немецких шпионов» срочно расстреляли, а «японских» оставили на потом».

*«Я не смог бы прожить и дня без тебя,
Моя колыбель, родная земля...»*

Писал Фатых Карим (1909–1945), который занимал среди деятелей национальной татарской культуры, заложивших основы современной поэзии и прозы видное и особое место, он был сыном своего времени. Практически каждый год (начиная с 1931 года) из под пера молодого поэта и публициста один за другим выходили поэтические произведения: «Начальная песня», «Седьмая ночь», «Шумная заря», «Свет Мол-

нии», «Пятьдесят джигитов» и др. В период с 1930 по 1937 год увидели свет более десятка книг как поэзии, так и прозы нашего талантливой поэта-лирика Фатыха Карима.

Увы, сталинские чистки не обошли и Фатыха Карима стороной, поводом стала публикация поэмы «Аникин», его обвинили в клевете на советский строй и Красную армию. Карим был арестован и зачислен в одного из многих тысяч безвинно внесённых в список «врагов народа». Ни допросы, ни камера – одиночка, ни лагерь, не сломили волю Карима. Он не признал свою вину, ни по одному из обвинений и не оболгал, как не старались его палачи, ни одного человека. Выжил наш Фатых чудом. В один из студёных дней его вместе с другими «врагами народа» погрузили на баржу и вывели её в открытое море, баржа во всю протекала и затонула. Только три смертника из почти 200 несчастных, а там был специально подобранный цвет нации, сумели выплыть из ледяной пучины моря. Один из них – наш Фатых Карим. Таких старых пароходов, барж не мало отправляли в открытое море. Это кощунство придумал «самый человечный» человек – Ленин. Сколько жизней талантливых ученых, писателей, поэтов, музыкантов и т.д. было загублено! Как надо было ему ненавидеть свой народ! Хотя в его крови и не было ни капли ни русской, ни татарской крови. Уму непостижимо, какие только виды убийств не

придумали на одной шестой части суши – на нашей Матушке Земле.

А потом все сложилось как в песне Владимира Высоцкого: «Расстреливать два раза уставы не велют». Возвратившись тайком домой к любимой жене Кадрии и к двум дочерям, рискуя опять попасть за колючую проволоку, Фатых писал письма в Москву, генеральному прокурору и – победил. С него сняли все обвинения. В это время уже шла Отечественная война. Фатых Карим добился отправки на фронт добровольцем, простым солдатом. Он пережил тяжелые бои, три ранения, госпитали, опять фронт, а в перерывах, во время коротких передышек между боями рождались его прекрасные строки стихов: «Любовь и ненависть», «Молодая сосна», «Кинжал», поэмы «Сын Волги», «Записки разведчика» и др. Начав воевать рядовым, в 1943 году Фатых Карим стал командиром разведзвода, был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». Он писал:

*«Я буду сокрушать врага
И как поэт, и как солдат.
А коль погибну – жизнь мою
Мои детишки повторят».*

19 февраля 1945 года, выполняя боевое задание командования армии, Фатых Карим героически погиб на

подступах к Кенигсбергу. Поэт похоронен в братской могиле в городе Багратионовске, в 37 километрах от Калининграда, одна из улиц города, как и в Казани, носит имя героя, одного из самых талантливых татарских поэтов. На Родине его имя присвоено школе. Надеемся, что когда-нибудь в Казани поставят памятник Фатыху Кариму, он достоин этого. За восемь лет из своей 36-летней жизни ему пришлось побывать и в застенках ГУЛАГа, и геройски воевать в Великой отечественной войне, и стать известнейшим поэтом и писателем татарского народа.

Основоположник татарского профессионального изобразительного искусства Баки Идрисович Урманче (1897–1990). Известный живописец, график, скульптор, монументалист, поэт, музыкант, философ, он был народным художником РФ, Лауреат Государственной премии Татарстана имени Тукая. Баки Идрисович Урманче был репрессирован в 1927 году, в 1933 году вернулся в Казань. Шесть лет провел, как враг народа, на Белом море наш гениальный художник, скульптор. Он тоже занесен в Книгу Памяти, находится в 14 томе вместе с Шамилем Усмановым и Каримом Тинчуринным, на буквы: Т, У, Ф. Его девизом были слова: «Я не служу народу, я живу вместе с ним».

Карима Тинчурина арестовали 16 сентября 1937 года, на следующий день после полувекового юбилея. Уже ничто не могло спасти выдающегося драматурга и общественного деятеля, члена Союза

писателей ТАССР и СССР, одного из основоположников национальной татарской драмы, режиссера, руководителя Татарского драматического театра от бездушной, карательной системы, переламывающей по жестокой разрядке «вождя и учителя» неизвестно откуда взявшихся врагов, в том числе и представителей национальной интеллигенции.

С 1910 года каждый год дарившего своему татарскому народу по две пьесы «Голубая шаль», «Казанское полотенце», «Американец», «Без ветрил», «Последнее произведение» и др. Карима Тинчурина расстреляли 15-го ноября 1938 года. После ареста его расстреляли не сразу, а через 1 год и два месяца. Я уверена, все это время его пытали, чтобы он сознался в преступлениях, которых не совершал. К. Тинчурин закопан на Архангельском кладбище в неизвестном месте в одной из четырех ям, среди 2756-и невинно расстрелянных.

Нашему репрессированному, бывшему председателю ОЖПР РТ Хаярову Рашиду Абдрахмановичу на кладбище один старик рассказал, что в 17 летнем возрасте он работал шофером и 3–4 раза на дню привозил в кузове грузовой машины и выгружал расстрелянных «врагов народа» и сваливал их в ямы. Какая чудовищность!! Так кощунственно уничтожать свой народ, ведь каждый из них чей-то отец, сын, брат, дед, там были и женщины, матери. В справке о реабилитации Тинчурина было указано, что он умер 7 мая 1947 года от рака пищевода, а его уже расстреляли 16 ноября

1938 года. Зачем надо было придумывать эти небылицы? Наверное, власть хотела скрыть расстрелы.

В театре имени Карим Тинчурина при полном аншлаге продолжают идти его пьесы. В сентябре 2017 года широкая общественность отметила его 130-летие со дня рождения. На Архангельском кладбище состоялась панихида, имам посвятил суры Священного Корана Кариму Тинчурина, а в театре его имени в фойе открыли его бюст. В этот день на сцене прошла премьера его «Последней премьеры». Его фамилия – в 14 томе Книге Памяти.

В 1940-ом году в Казани всё еще сновали «черные воронки» НКВД, на которых было написано «Хлеб». Арестовали и Фатхи Бурнаша – драматурга «Тагир – Зухра», «Старик Камали», автора пьесы «Молодые сердца», которая и сейчас идёт в театре им. Г. Камала. Его обвинили в агитации за вооруженное свержение власти. «Виноват» он был лишь в том, что помогал семьям арестованных, подкармливал их детей. Фатхи Бурнаш был узником Свияжского концлагеря, расстрелян 1 августа 1942 года в Самаре, его могила в неизвестном месте.

На букву «У» в 14 томе Книге Памяти нашла место фамилия Шамиля Хайрулловича Усманова – военно-политического деятеля, писателя (26.12.1898–3.12.1937). В 1918 он был комиссаром добровольческого татаро-башкирского Батальона. Был назначен инспектором национальных военных учебных заведе-

ний Красной Армии в Москве. Участник Октябрьской революции и гражданской войны, комиссар Красной Армии. Шамиль Усманов не хотел продолжать военную карьеру и в 1927 году вышел в отставку. Его привлекало другое. В 1919 году он написал свою первую революционную драму «Кровавые дни». Успех, выпавший на долю этой драмы был колоссален, её переписывали от руки, распространяли в тысячах машинописных копий, и ставили почти во всех воинских частях, селах, городах и поселках с татарским населением. Усманов вошел в татарскую литературу как автор ряда пьес, его пьеса: «Запоздавший приказ» заняла первое место на всесоюзном конкурсе в 1932 году, переведена на русский язык и с успехом шла на сцене многих театров. Из-под его пера вышли много коротких рассказов, публицистических статей, документальных повестей, в 1923 году диалогия «Под красным знаменем», в 1928–1935 годах документально-художественное произведение «Путь легиона». Эти произведения остаются лучшими книгами о гражданской войне. Его перу принадлежит и повесть «Дети Памира» – первое научно-фантастическое произведение в татарской литературе, которой в довоенные годы зачитывалась татарская молодёжь.

Репрессии, начавшиеся ещё в двадцатые годы против «классово – чуждых элементов» захватывали уже самих коммунистов, героев революции и гражданской войны. Шамиль Усманов был обре-

чен ходом исторического процесса, его арестовали в начале 1937 года. Усманов и в тюрьме оставался нестигаемым большевиком – ленинцем. По свидетельству бывших с ним в застенках и оставшихся в живых Усманов не подписывал никаких фальшивок ни против себя, ни про других. Стойко переносил все пытки, побои и издевательства. Его твердость и презрительное молчание выводили следователей из себя. Какие только «методы физического воздействия» к нему не применяли!!! Запирали на несколько суток в «баню» – специальную раскаленную камеру без окон, где люди сходили с ума от высокой температуры, задыхались и падали в обморок. Отсюда переводили в «мокрый карцер», где приходилось сутками стоять по горло в ледяной воде.

Потом кидали «на конвейер», когда следователи, сменяя друг друга, вели круглосуточные допросы, не давая заключенному ни минуты сна, ни секунды передышки. И били, били – до кровавого месива. Умер наш Шамиль в ночь на 4-е декабря 1937 года, не дожив до своего 39-летия 23 дня. Его в своем кабинете во время последнего допроса насмерть забил Л.Е. Марголин, которого самого потом постигла участь измученных, забитых ими «врагов народа». В его деле написано: «умер под следствием». Многие из палачей получили возмездие, но не все. Среди них есть и получившие высокие посты, например, палач – ненавистник мужчин – Александра Чернова из Йошкар-Олы.

Жестоких палачей называли колунами, один из них – небезизвестный младший лейтенант государственной безопасности Сунгатулла Корбанов. Никто, из попавших в его руки обвиняемых, не мог вынести его пыток. 100% его мучеников признавали свою «вину». Он их клал на спину, раздевал до гола и топтал половые органы коваными каблуками своих сапог.

Шамяля Усманова помощники Корбанова – «колуна» тоже пытали... Его арестовали в начале 1937 года, а в декабре 1937 года – сделав из него кровавое месиво, забили до смерти, значит, его пытали около года в застенках Казанского НКВД.

Шамяль Усманов был очень красивым человеком. Смуглое, слегка скуластое лицо с черными живыми глазами дышало мужеством и исходящей от него внутренней силой. У него осталась дочь, как две капли похожая на своего отца, как-то я видела их общую фотографию. Она много лет собирала материалы о своем отце и написала книгу о нем: «Глазами памяти».

В 2017 году я узнала о музее ГУЛАГа в Йошкар-Оле, решила съездить в этот город и посмотреть. То, что я увидела – это не для нас – репрессированных. Начинаешь вспоминать своих уничтоженных родных, страдать, думая, что их также пытали. Я несколько дней была в шоке после этой поездки. До чего же у палачей, пытавших «врагов народа», был изощренный ум, чтобы придумывать разнообразные пытки для

скорейшего признания заключенных в «содеянном». Раз пытки разрешил сам «кормчий», почему же не пофантазировать, чтобы получать премии за 100%-ое признание и ордена.

Мемориальный народный музей истории ГУЛАГа НКВД СССР находится в городе Йошкар-Ола. Сейчас в России 10 музеев ГУЛАГа, уникальным из всех является Йошкар-Олинский. Музей, посвященный истории ГУЛАГа, располагается в бывшем особняке купеческой семьи Булыгиных, здание было построено в 1835 году. Там в 30-х годах расположился Йошкар-Олинский НКВД. Теперь в музее для экскурсантов открывают секретные комнаты. В одних комнатах содержали, в других – допрашивали, в третьих – пытали, в подвале расстреливали «врагов народа» в годы сталинских репрессий. В 1930–1956 годы 94% культурной элиты прошли через застенки НКВД. Как правило, людей пытали безграмотные, недалекие «нелюди». В музее я узнала, что у Кагановича было 0 классов, У Ежова – 1 класс образования школы. У некоторых вершителей судеб нашего народа (членов правительства) тоже не было даже начального школьного образования. Я уверена, что эти «нечеловеки, пытавшие наших отцов и дедов, имели садистские наклонности. Они получали удовлетворение от того, что умные, образованные, талантливые люди находились в их власти и под пытками признавались в фантастических преступлениях, которых они не совершали.

Не выдержав пыток подтверждали бредовые домыслы мучителей, например, рытьё тоннеля в Финляндию из Йошкар-Олы, а потом выполняя разнарядку, расстреливали ни в чем неповинных этих людей.

В течение 4-х часов директор музея Николай Александрович Аракчеев рассказывал и показывал орудия пыток, как они применялись. Некоторые заключенные сколько-то терпели, не подписывали требуемых признаний, только уже полумертвые сдавались.

Я хочу написать о некоторых пытках. У меня нет цели, кроме одной – довести эти сведения до нашего народа. Какие же муки ада испытали наши отцы, деды, соотечественники в застенках ГУЛАГа! Я призываю людей быть добрее, помогать оступившимся, жить достойными памяти невинно погибших наших соотечественников, радоваться Солнцу, беречь нашу многострадальную Землю, обогренную кровью наших замученных родных.

*Спешите делать добрые дела,
Которые рассудку вопреки.
Что у истоков человек пошлет,
То он получит в устье у реки.
Спешите делать добрые дела.
Получится – считайте, повезло.
Спешите делать добрые дела,
Чтоб не хватило времени на зло.*

Вот какие пытки они испытали, некоторые из них:

1-я пытка: в камеру набивали по 100 человек, все сидели на корточках, там же находилась 3-х ведерная параша. Обязательный атрибут – уголовники, которые находились на нарах в дальнем углу камеры, чудовищно издевались над «врагами народа», гнали их к параше. Самая большая пытка была находиться рядом и им не разрешалось справлять нужду. В музее с максимальной достоверностью реконструированы: камера заключенных, камера пыток, кабинет следователя. Камеры для раздевания перед расстрелом и расстрельная в подвале, тут же в подвале комната для сексуального насилия над женщинами.

2-я пытка: часто была распространена пытка с ведром: человека сажали на ведро, в него сажали крысу и ведро нагревали паяльной лампой. Крыса, чтобы выбраться из ведра, прогрызала себе дорогу и вылезала через желудок мученика. Все орудия пыток применялись для получения самых диких признаний. Один из посетителей музея эти пытки назвал «марийской голгофой» – фабрикой пыток.

3-я пытка: на табурет усаживался заключенный, в глаза ему светили яркой лампой и с помощью различных пыток требовали сознаться «в совершенных преступлениях».

4-я пытка: паяльник макали в салидол, затем включали в электросеть, а далее засовывали во все дырки израненного тела.

5-я пытка: «стойка» – заключенного ставят лицом к углу, не разрешают ни спать, ни есть, только стоять, он бьётся головой об угол, начинает засыпать, его бьют, он снова бьётся об угол, рассекает лоб и так до тех пор, пока не рассекает лоб до мозга и не погибает, если раньше не подпишет признание.

6-я пытка: «слоник» – на заключенного надевают противогаз и перекрывают кислород, через 1 минуту он подписывает, что нужно.

7-я пытка: битье вальком для стирки или бамбуковой битой, или палкой из каучука – последняя сразу перебивает кость, увеличивает удар в 80 раз.

8-я пытка: заключенного бросали на растерзание собакам.

9-я пытка: поливали холодной водой из брандспойта.

10-я пытка: музыкантам ломали пальцы, перегибали их в обратную сторону, спицами протыкали уши.

11-я пытка: «компресс», придумал Паша Полетаев. Наливают на полотенце нашатырный спирт, завязывают им рот и нос заключённому, он моментально сознается. Так как сжигаются дыхательные органы.

12-я пытка: самый жестокий палач, мужененавистник Шурочка Чернова, работала под руководством главара всех палачей застенков Йошкар-Олинского НКВД Цветкова. Она дверью прижимала мужчинам все, что можно прижать. Получала 100%-ое признание, на её счету 120 загубленных мужчин. Она была

осуждена на 8 лет, но через три года освобождена и занимала руководящие посты, награждена орденами, медалями. Оперуполномоченная ОГПУ НКВД МАО, младший лейтенант ГБ Чернова Александра – «Отличная стахановка».

13-я пытка: «пенал» – карцер ширина 30 сантиметров с металлической дверью. В этом пенале можно было только стоять, заставляли поднимать руки за голову. Если заключенный не сознавался, то начиналась «сушилка» – топили печь прилегающую к пеналу. От высокой температуры начинали лопаться сосуды, человек погибал.

Можно привести массу других примеров разновидностей пыток, но я останавливаюсь – нелегко писать об этом кошмунстве, мне кажется, по пыткам мы перещеголяли весь мир.

Приехала я из Йошкар-Ола с большим желанием открыть музей Гулага в Казани в память о безвинно погибших наших соотечественников. Стелы с именами расстрелянных на Архангельском кладбище есть, Памятник жертвам политических репрессий на Черном озере тоже, хотя название улицы Дзержинского, который считал: «Нет такой области, куда не должна вмешиваться ЧК», – не убрали. Но музей открыть – это наша обязанность. Главное то, что директор музея ГУЛАГа в Йошкар-Ола Н. А. Аракчеев обещал нам помочь экспонатами. Как говорят татары: Мая (Зачин) у нас уже есть.

Мне, будучи председателем нашей организации, пришлось столкнуться со многими нелёгкими судьбами реабилитированных. Недавно ко мне обратилась Демко Юлия Анатольевна и спрашивает, где ей найти могилу деда и узнать, как он погиб. Я говорю ей, что у нас в стране миллионы людей горят таким желанием, только такой возможности нет. Если посмотреть на карту ГУЛАГа СССР, наша страна находится в паутине концлагерей от Рейна до Курильских островов, от Северного Ледовитого океана до южной точки нашей страны – Кушка. Перечислю некоторые из них. На Севере концлагеря были на островах: «Земля Франца-Иосифа» – № 33, «Новая земля» – № 12, «Вайгач» – № 49, «Врангель» – № 203, «Певек» – № 186. На Юге – в Ашхабаде – № 5, в Душанбе – № 17, в Хабаровске – № 25, во Владивостоке № 6, № 24 и много-много других лагерей. Если вспомнить рассказы моего отца, заключенные каждый день погибали пачками, откуда узнаешь, где-кто лежит? Придется карту Гулага включить в число фотографий. Я пригласила Юлию в комнату, где мы еженедельно по пятницам принимаем реабилитированных. Она принесла справку, что её дед Донов Макарий Михайлович умер от сердечного приступа 13 ноября 1943 года, тогда взяв с полки Книгу Памяти на букву «Д» я нашла её деда, там чёрным по белому было написано: Донов Макарий Михайлович расстрелян 7 июля 1938 года, какое кощунство! Мы обе заплакали: во-первых, от

радости, что нашли, во-вторых от боли, отчаяния, обиды. Юлия Анатольевна плача: «наконец, судьба моего деда выяснялась, приду домой, расскажу своим детям, внукам, они давно интересуются, как погиб их дед». Она очень разволновалась, плача навзрыд показала мне семейную фотографию вместе с дедом: «Ладно ещё есть люди, как вы с большим сердцем», – сказала она «занимаетесь нами». Как не будешь заниматься, помогать, если в моей семье расстреляно 10 человек. Пусть души моих родных будут довольны, так говорят у нас, у татар. Если я, во-первых, радуюсь, что смогла помочь, во-вторых я подумала, пусть про кощунство в нашей стране узнает ещё один род. В 2017 году исполнилось 80 лет пику сталинских репрессий. Моя задача довести до сведения всем людям о репрессиях. Это чрезвычайно важно, потому что некоторые мечтают снова поставить памятник Сталину, этому преступнику всех времен и народов. Якобы он не знал?!

Да, в обывательской среде распространено убеждение, что Сталин ничего не знал о массовых репрессиях. Если мол, что-то и было, то виноваты местные власти. Но все решения об усилении репрессий и применении «физических методов воздействия», то есть пыток, об ускоренном рассмотрении дел по 58-й статье, о запрете рассматривать апелляции о помиловании и немедленном приведении приговоров в исполнение принимались на Политбюро ЦК ВКП(б)

под руководством И. В. Сталина. Конечно, он не был заинтересован в огласке и все распоряжения отдавал устно. Так, в архивах ЦК КПСС обнаружена собственноручная записка Сталина: «Дать дополнительно Красноярскому краю 6600 человек лимита по первой категории. И. Сталин». То есть одним росчерком пера «великий вождь и учитель» отправил на смерть 6600 человек. Дополнительно к прежнему лимиту! В одном Красноярском крае! Лимиты на аресты и расстрелы спускались во все края, области и республики, в них точно указывалось, сколько человек следует осудить «по первой категории», а сколько «по второй». Первая категория – расстрел, вторая – концлагерь.

Современные исследователи пришли к выводу: решающую роль в кровавых трагедиях тридцатых годов сыграла натура вождя – его мнительность, подозрительность, невероятная жестокость и беспощадность. Сказалось также его уголовное прошлое, и возможная причастность к агентуре царской охранки. Некоторые же историки связывают это с паранойей, то есть с психическим заболеванием И. В. Сталина. Многие расстрельные списки подписаны подручными палача, то есть его окружения – Молотовым, Кагановичем, Ждановым, Ворошиловым, Маленковым. Нельзя забывать и о непосредственных исполнителях – Ягоде, Ежове, Берии. Да, они были пешками в руках главного палача. Сталин ставил их на ответственные посты и на них сваливал вину за все преступления.

Юлия Анатольевна мне позвонила, сказала, что ей не здоровится, что она всё ещё в шоке. Будешь в шоке, если твоего близкого человека убивают два раза! Далее, что важно, она нашла своего деда на Архангельском кладбище на стеле, значит, он лежит тоже среди 2756 погребённых в одной из четырех ям этого кладбища.

*Тяжелый год 37-й
Отнял отцов и матерей,
Родных и близких, и друзей.
Оставил нас наедине
С большой печалью, болью
На все дальнейшие года.
Сегодня мы, врачи, учителя,
Медсёстры, журналисты.
Профессора, директора
И депутаты Госсовета.
Но как достигли этих мы высот?
Спросите вы у нас:
Кто нам помог?
Кто в трудный час,
В те трудные года
Помог нам выстоять тогда.
Тогда мы были одиноки,
Мы были так беспомощны тогда,
Нас окружала холодная,
Бездушная толпа.*

*И голод, холод нас одолевал,
Никто руки не подавал.
От нас все мигом отвернулись.
Но сила духа в нас была крепка,
И помогла нам выстоять тогда,
Преодолеть все трудности, невзгоды,
А жизнь уже прошла...
И детство, юность, зрелость.
Всё без родительской любви,
Без материнской ласки и заботы...
И всё ж мы выстоять смогли,
Преодолели все невзгоды.
Сегодня мы врачи, учителя,
Медсёстры, журналисты,
Профессора, директора
И музыканты, и артисты.
Своим трудом мы стали образцом,
Примером подражания.
И для детей своих и внуков,
И для товарищей по службе.
Прошли года, десятилетия,
Подходит год 2017,
Но тот тяжёлый год 37-й
Навечно горестным остался.
И мы теперь уже стары,
Порою немощны, больны,
Но сила духа в нас по-прежнему крепка.
Нас не сломили тяжкие года,*

Мы верим в Разум, Правоту.

Мы любим Родину свою!!!

Автор репрессированная Флюра Салимова,
г. Казань

Известно, что Дмитрий Менделеев занимался вопросами демографии и подсчитал, что Россия к 2000 году будет насчитывать не менее 500 миллионов человек. А нас сегодня около 140 миллионов! Почему? Прогнозы Менделеева не оправдались. Нашей стране пришлось испытать очень много трагедий. Если обратить внимание на научные исследования, то можно узнать, что убыль населения России произошла вследствие четырех волн:

Первая волна – Русско-японская война, Революция 1905 го года, Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война, массовая эмиграция, голод 1921 го года, убыль народа исчислялась миллионами.

Вторая волна – насильственная коллективизация 30-х годов, раскулачивание, которому подвергались самые трудолюбивые, трезвые, смекалистые семьи. У них отнимали все имущество, а самих вместе с семьями сослали в Сибирь и еще дальше. Как правило, эшелоны с раскулаченными выгружали где-нибудь в тайге прямо в снег, помещали в специальные лагеря, огороженные колючей проволокой. Ни в чем неповинные люди, в том числе старики, женщины,

дети в массовом порядке гибли от голода и холода. Так подрывался генофонд нации. Искусственный голод 30-х годов, массовые репрессии, депортация народов, например, из депортированных около 300 000 крымских татар в первый год депортации умерло 47%. В Марий Эл было депортировано 9061 (2066 семей) крымских татар и сейчас живут в Марийской Республике оставшиеся в живых и потомки крымских татар.

Рассказывает депортированная в 16,5 лет вместе с тетей крымская татарка Ислямова Маруфе Эсадовна: «18 мая 1944 года в 4 часа утра к нам постучали в дверь, тетя открыла, солдаты предъявили нам ордера о том, что мы, как «враги народа» выселяемся из дома и отправляемся на вокзал, грузимся в вагоны и уезжаем. Грузили детей, стариков, женщин и беременных женщин, не было ни одного мужчины. А 17–60 летних мужчин и всех заключенных, отправили на рудники, а нам сказали, что их забрали в армию. После нам объяснили, что нас забрали по национальному признаку. Из Кабардино-Балкарии – балкар, из Карачаево-Черкесии – карачаевцев, из турков-месхетинцев-осетин – турков-месхетинцев. Всех мусульман депортировали. Не трогали прово-славных – кабардинцев, черкесов, осетин». Маруфе Эсадовна рассказывала, что их рассылали в Среднюю Азию, Урал, в Марийскую республику, что ей с тетей повезло – они попали в Узбекскую ССР. Сначала их

загнали в амбары, затем, в кишлаки. Крымские татары благодарны узбекам, они им помогли выжить: давали одежду, а главное – еду.

Надсмотрщики сопровождали их на хлопковые поля. И стар, и млад работал. Норма: за день собрать 120 килограммов хлопка, если норму не выполняешь, не кормят. Вставали, когда начинало рассветать и работали, пока не выполнишь норму.

В 1956 году сняли судимость, им об этом не сказали. Операцией руководил НКВД по приказу Сталина. Дома депортированных, их пашни, колодцы заняли те, кто штыками загонял людей в вагоны, чьи потомки сейчас рассказывают, что Крым – их.

В 1945 году Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Другие депортированные вернулись в 1950-х годах, а крымские татары ждали массового возвращения только с 1974 г. до 1989 г. Массовое возвращение началось в конце перестройки. В 70-х годах некоторые крымские татары возвращались, покупали дома или строили их недалеко от своих родных мест, но дома сносили бульдозерами, а их выдворяли за пределы Крыма. Крымские татары, сражавшиеся в частях Красной Армии после демобилизации также были подвергнуты депортации. Обо всем этом мне рассказала Маруфе Эсадовна.

18–20 мая 1944 года по решению Государственного комитета Оборона болгар, греков, армян тоже высе-

лили из Крыма, законы 1 июля 1944 года подписал Сталин. Были депортированы и Прибалты. По данным Аркадия Германа в 1931 году было депортировано 950 000 немцев Поволжья, из них 73% перевезли в Сибирь, 27% – в голые степи Казахстана. 28 августа в 1941 году была ликвидирована Автономная Республика немцев Поволжья. Те из них, кто вернулся домой после войны были повторно депортированы в 1947–1948 г.г. Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья существовала в составе РСФСР с 19 декабря 1923 года до 28 августа 1941 года. После нападения немцев Сталин упразднил Автономную республику немцев Поволжья и депортировал их в несколько этапов: в Сибирь, Казахстан, Алтайский край.

74 года тому назад, 23 февраля, не дожидаясь окончания Великой отечественной войны, в Среднюю Азию депортировали чеченцев, ингушей. 23 февраля 1944 года: одна из самых больших трагедий в истории чеченского народа, жившего в нечеловеческих условиях, оторванных от родных домов, пастбищ, рек, угодий, могил предков, из депортированных потерявших 54% населения. Разве это можно забыть и простить? Рамзан Кадыров выступая на торжественном собрании в День восстановления государственности чеченского народа проклял Сталина за приказ о депортации чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 года. И опять жертвы оценивались миллионами.

Третья волна – Великая отечественная война, унёсшая от 26 до 40 миллионов человеческих жизней, в основном молодых мужчин.

Четвёртая волна – Перестройка, вызванная ею разруха и развал. С 1992 года количество смертей в стране превысило число рождений. За десять лет после этого население России сократилось на шесть миллионов и продолжает сокращаться по миллиону человек каждый год. Сейчас по статистике население нашей страны насчитывает 146 миллионов. Конец этому положил Указ Путина о материнском капитале.

Из всех трагедий, которые перенесла Россия, самой чудовищной являются сталинские репрессии, в результате которых погибло несметное число наших соотечественников. Мне, как председателю ОРПР, за 20 лет своей работы пришлось выполнить немало работ. В своей работе я всегда чувствовала помощь Администрации Приволжского района Г. Казани, также Отдела социальной защиты, работала в тесной связи с ними. Когда главой администрации нашего района был Маркелов Вадим Сергеевич, к нему можно было зайти напрямую без проволочек и решить все наболевшие вопросы. Спасибо ему, он с уважением относился к нам. Помню, как Вадим Сергеевич собрал всех членов нашей организации и ветеранов труда по случаю Дня Победы на всем первом этаже Филармонии им. Г. Тукая, на нем были расставлены столы, на них угощения, музыка, песни, танцы. Глава

Администрации фактически сам вёл наш праздник. Он был близок с нами, радовался вместе.

В нашей организации многие считались пострадавшими. Когда наши репрессированные Бурлаков Вячеслав Георгиевич – его отец расстрелян и Гатин Габдрахман Бареевич – сослан вместе со своей семьей на Дальний Восток в Амурскую область, где оставил пятерых своих младших братьев, они там погибли, провели 250 заседаний судов, мы были очень благодарны им за это. Мы пострадавшие получили статус репрессированных. Нашей Приволжской организации тоже пришлось поработать: сообщали членам организации о предстоящих заседаниях суда, приглашали писать заявления, присутствовать на судебных заседаниях и мы, члены правления, посещали эти суды, не жалели ни времени, ни сил.

Так же наши энтузиасты – репрессированные, много сил потратили, чтобы на Архангельском кладбище на стелах были написаны имена 2756 невинно расстрелянных «врагов народа». Вот они: В. Г. Бурлаков, Н. П. Ананьев, А. Ф. Степанов. Каримов Равиль Каюмович, ему мы безмерно благодарны, он все стелы сделал на свои деньги, так же он много нам помогал, когда был Главой администрации Приволжского района г. Казани.

30 го октября 1998 года были поставлены первые три стелы, а затем в течение нескольких лет – все остальные. Некоторые репрессированные, на этих

стелах нашли своих близких, например, нашему В. А. Митько во время ВОВ из КГБ пришла справка о том, что его отец умер от пневмонии, а он увидел его в списках на стеле и узнал, что его отца расстреляли уже в 1937 году. Митько болел целый месяц. Ему невероятно тяжело было узнать, что отца убили дважды.

Наше второе достижение – водружение Памятника жертвам политических репрессий в университетском сквере и здесь не обошлось без инициативы самих реабилитированных. Пока не появился наш памятник, прошло много лет, наконец, мы победили. Опять-таки помогли те же активисты: В. Г. Бурлаков, Г. Б. Гатин, А. Ф. Степанов. Пришлось обращаться к разным чиновникам, писать письма, выступать в СМИ. Наши активисты искали деньги, технику, конечно, сначала нужно было разрешение на восстановление, на место. Нужен был проект памятника, его сделала Ирина Александровна Аксёнова, её мама тоже репрессирована.

В то время мэром города Казани был уважаемый Камиль Шамильевич Исхаков, он вынес решение на установку долгожданного нами памятника и спросил о проекте: а он у нас был давно готов. Мы, репрессированные, безмерно благодарны Камиллю Шамильевичу.

Итак. 30 октября 2004 года Памятник, который ждали все репрессированные Татарстана был водружен там, где должен был стоять.

Он смотрит на здание НКВД, в подвалах которого мучили наших родных, применяли пытки, которых не

знало человечество до сих пор, чтобы «враги народа» сознавались в преступлениях, которые им вменяли.

Стоны истезаемых, наверное, слышали родственники, которые денно и нощно на месте будущего памятника ждали каких-либо известий от своих близких, а там – мясорубка репрессий ломала, перемалывала тела наших отцов и дедов, тут же и расстреливала. Известно, что 2756 расстрелянных мучеников лежат на Архангельском кладбище.

Здание НКВД стоит на улице Дзержинского. Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский был инициатором массового террора, активным участником «красного террора», много загубленных жизней на его совести и его прозвище было «железный Феликс». Мы – репрессированные не хотим, чтобы в Казани была улица с таким названием, даже в моем маленьком родном городишке Тара с 30 тысячным населением эта улица исчезла и в Казани название этой улицы должно быть изменено. В Москве его имени площадь снова называется Лубянской и снесен его памятник. Куда только мы не писали письма и президенту РТ, и кабинету Министров, и Госсовету РТ, и мэрии и в другие инстанции – всего 8 писем, нас не слушали и не слышали. В данный момент я начинаю думать, может быть, они не дошли, а перехватывают их в Администрации Казани и Андреева Л. Н. отправляет нам формальные отписки: якобы предусматривается около памятника разбить сквер жертвам репрессий, там будут написа-

ны их имена, кто в это поверит, разве можно имена всех репрессированных написать в одном сквере? Это обещание до сих не выполнено, как всегда денег нет и другие причины мешают появлению сквера репрессированных, в Москве же появилась «Стена скорби» и нам надо увековечить имена реабилитированных РТ.

И здесь вспоминаются строки поэтессы Елены Жуковой:

*Мы родом из тридцать седьмого –
Разгула жестоких страстей.
Из времени злого террора
И власти бредовых идей.
О, сколько отцов расстреляли –
То – злого доноса итог.
На каторгу их угоняли:
В Сибирь и на Дальний Восток.
Младенцами нас оставляли,
Когда на расстрел их вели.
Отцы нам, прощаясь, шептали:
«Живи, постарайся, живи!».
А те, кому каторгу дали,
Всё начали с лесоповала,
Морозили лёгкие, гибли,
Их палочка Коха сжирала.
Великие стройки великий народ
Построил, отдав свои жизни:
Норильск и Омлаг, Воркута и Дальстрой,
Интлаг, Магадан и Наушки.
Челябинск. Стройлаг, Особлаг, Уренгой,*

*Стрижавка, Берлаг и «сухуми»,
Мосты и причалы, в Москве метрострой,
Заводы, плотины и верфи.
Да разве же всё перечислить,
Что зек наш построить сумел.
На стройках их тысячи гибли,
Кому не достался расстрел.
Некрасов писал о дороге железной,
А через 100 лет – вот итог.
Режим увеличил советский
В 100 раз и костей и дорог.
Отцы, умирая, телами
Согрели земли мерзлоту.
Построенными городами
Потомках несли теплоту.
Мы родом из тридцать седьмого...
Пока ещё в мире мы есть,
Священно храним и сурово
Отцов наших правду и честь.
Склоните же головы, люди,
В помин безымянных трудяг.
За тех, кто расстрелян и сгинул
В системах УСВИТЛ и ГУЛАГ.*

Памятник у нас есть, должна быть и улица в память репрессированных, мы надеемся на это. Отношение к погибшим в Великой Отечественной Войне и к жертвам НКВД должно быть одинаково – все они наши соотечественники, только судьбы у них разные.

Когда я проезжаю на танковом кольце остановку Латышских стрелков, всегда думаю, почему казанская комиссия топонимики, называя эту улицу, немного не заглянула в историю?

30-го Октября – День Памяти жертв политических репрессий. В этот день ежегодно в 10 часов на Архангельском кладбище проходит гражданская панихида. Священнослужители разных конфессий: ислам, православие, католики, иудеи, лютераны, за упокой души своих единоверцев – жертв сталинского режима читают молитвы. Это мероприятие готовит Приволжский район, общество Мемориал под руководством А. Ф. Степанова. Помощь нашей организации с Инессой Моисеевной Вольфович тоже не мала: получение разрешения на мероприятие, приглашение наставников имеющих в Казани конфессий, обеспечение СМИ микрофонами, усилителями, работниками медицины на случай, если потребуется помощь и др.

Однажды, это случилось в 2007 году, народ собрался, а нашего хазрата нет, мы всегда обычно начинаем с посвящения Корана. Время идёт, что делать? Ищу кого-нибудь, кто бы заменил хазрата, никто не соглашается. Тут председатель ОЖПР РТ спрашивает: «Не начнете ли вы?». Конечно, сначала я растерялась, но не могла же я подвести своих репрессированных-мусульман. Я вышла к микрофону, сконцентрировала всю свою энергию: это была самая ответственная миссия в моей жизни и я провела её на высшем уровне.

Ораторские способности у меня есть, не зря я 40 лет преподавала. Красиво прочитала Суры Корана, посвятила их душам невинно погибших репрессированных мусульман, которые лежат на Архагельском кладбище.

Я подумала, что ради этих минут, мой дорогой отец вернувшись из концлагеря, мне тогда было 10 лет, научил меня молитвам. Я была очень рада, что могла осуществить эту миссию, прошло более 10 лет, я всё ещё испытываю огромное удовлетворение. На второй день какая-то газета написала, что не пришел имам и одна женщина прочитала Коран. Хорошо, что моя фамилия не была названа, мне было почему-то неудобно.

После молитвы, нас на автобусах повезли к памятнику, там мы вспоминали своих близких, друзей, которых нет уже с нами, говорили о льготах, которые исчезли, делились мнениями о том, как же их вернуть, слушали выступления городских чиновников. Ждем ответы на свои злободневные вопросы.

В некоторых регионах льготы сохранены, например, в моей родной Омской области. Всё зависит от главы региона, в нашей Республике наши проблемы можно решить положительно, кормим же мы не свои регионы. Число репрессированных сильно сократилось, мы уходящая категория, средний наш возраст 80–85 лет и все дети войны. Стыдно за страну и за то, что приходится после получения пенсии и оплаты за квартиру, ломать голову, как же свести концы

с концами с питанием. Об одежде некоторые уже и не думают.

В 2007 году пику репрессий 1937-го года исполнилось 70 лет. По этому случаю мне в голову пришла идея – собрать тех, у кого отцы расстреляны. Эта идея состояла в следующем: мы в кафе на улице Гади Такташа пригласили мусульман, у кого отцы были расстреляны, пригласили абыстай, она прочитала Коран, каждый назвал имя своего расстрелянного отца и она, назвав каждого отдельно посвятила им молитвы. На другой день мы пригласили православных и матушку и провели так же панихиду по такому же порядку. Мусульманам была приготовлена наша национальная еда, а христианам их еда, такая же как при поминках: щи, гуляш с гречкой, кутья, блины с мёдом, компот и др. Были зажжены свечи, в обоих случаях на столах было полно яств. Каждому из отцов и матерей репрессированных, за упокой их душ были посвящены молитвы. Всё еще в моей памяти, как все в тот день были очень довольны этой встречей и я в том числе.

В 2017 году исполняется 80 лет кровавым сталинским репрессиям. Деньги, собранные у спонсоров я уже приготовила, готовилась провести ещё поминальные обеды, думала как, где провести мероприятия. Но не тут-то было, Анкор Банк, где мы хранили свои общественные сбережения, обанкротился и нет никакой надежды их получить. Но тут нам на помощь

пришел мусульманский благотворительный Фонд «Закят» – его руководитель Ирек хазрат Джиганша. Сначала, на праздник Курбан-байрам, он одарил мусульман нашей организации жертвенным мясом баранины. Такого количества продукта мы никогда не видели. Затем при поддержке Духовного Управления мусульман и участия Ирека хазрата в ресторанном комплексе «Туган Авылым» был проведен Корбан-аш для наших реабилитированных-мусульман. Суры Корана читал и посвящал их нашим отцам и дедам – жертвам политических репрессий имам из Духовного управления мусульман, угощение было ханское, интерьер как во дворце, я такими счастливыми, радостными и довольными своих реабилитированных никогда не видела! Я выразила нашу благодарность в письме с соответствующими словами и отправила в фонд «Закат». Без поминальной службы и поминального обеда я не оставила и своих православных, для этого события нас пригласили в Варваринскую церковь, там нас встречал уважаемый отец Виталий. Он провел поминальную службу и угощал всех по – царски, конечно, с лечебным кагором. Отвечал на все интересующие моих реабилитированных вопросы.

Еженедельно, мы собираемся в своей комнате, которую долго обивая пороги, получили в законную аренду на бесплатной основе от КЗИО (Комитет земельных и имущественных отношений). Мы очень благодарны руководству и тем, кто помог оформить

нам документы и принимаем там членов своей организации, своих реабилитированных. Даём консультации: куда обратиться, чтобы получить справку о реабилитации, помогаем оформлять письма в Прокуратуру РТ, объясняем, как попытаться вернуть конфискованное имущество, ищем и находим в Книгах Памяти РТ родственников. Раздаём тем, кто находит в Книге Памяти своих, эти книги. Предоставляем спонсорскую помощь по ведомости деньгами, адресно. Остро нуждающимся покупаем лекарства, приобретаем газеты и журналы, распространяем билеты на концерты, в театры. Чтобы получить эти билеты, мы идем к артистам-певцам, в места проведения мероприятий. Какая бы ни была погода мы ждём у дверей, чтобы не пропустить. Многие певцы бесплатно приглашали нас на свои концерты, разрешали приводить по 30 человек. Не забуду, встречу с Ханией Фархи, Пусть у неё место будет в раю! (Урыннары жәннәттә булсын!) Когда мы пришли больше 30-ти человек, то она оставшихся пригласила на второй день. Всегда нас сажали на хорошие места, хотя был аншлаг, большое спасибо им. Вот имена этих артистов: Илгам Шакиров, Габдельфат Сафин, у обоих отцы репрессированы, Салават, моя любимая певица Резеда Шарафеева, помню посадила нас на 8-й ряд в партере, Зуфар Хайретдинов, Илсур Сафин постоянно поет для нас и ветеранов, и инвалидов, на свой юбилей в 2017 году

в Филармонию им. Тукая пригласил, специально встретился со мной, хотя очень торопился и передал 45 билетов на свой концерт. И Айдар Галимов не раз приглашал нас на свои концерты.

Работа со спонсорами нелегкая – требует много сил и времени. В нашей Приволжской организации только трое занимались этим. Дорогой Мостафа Гарифович Сабирзянов 26 июня 2016 года ушел от нас, он был сослан с семьёй в Красноярский край, оттуда в 20 летнем возрасте в октябре 1942 года был призван на войну, воевал под Москвой, связистом дошел до Калининграда, вся его грудь была в орденах и медалях, призванный рядовым, войну закончил дослужившись до ротного командира в звании старшего лейтенанта. Улыбка не сходила с его губ, добрый, отзывчивый, в нашей организации он был главным добытчиком денег у спонсоров. Когда Мостафа абый находил потенциальных спонсоров, он называл фамилию и адрес спонсора, я тут же писала письмо, ставила нашу печать и отдавала ему. Некоторые спонсоры Мостафы Гарифовича общаются теперь со мной, по сей день один из них помогает нам материально на День Победы и День Памяти жертв политических репрессий. Огромная благодарность ему, здоровья и успехов во всех его добрых делах. До последнего дня Мостафа абый старался помочь нам, ему стало трудно ходить, он говорил: «в движении – жизнь», приходил на наши заседания, участвовал во всех делах. Много трудно-

стей, горестей выпало на его долю. Пусть его душа будет радостна!

Вторым добытчиком спонсорской помощи была я сама, не сосчитать, сколько писем было написано мной. В этом я преуспела, но положительных ответов было не особенно много, помогали те, у которых в семье были репрессированные или раскулаченные. На их помощь я обязательно отвечала благодарственными письмами, я их писала от души и спонсорам нравилось получать от нас добрые слова.

Третьей, работающей со спонсорами была Земфира Абдрахманова Назипова, у неё отец расстрелян. Она 47 лет работала стоматологом, врач высшей категории. Её задача – найти лекарства для наших членов организации, это она делала хорошо, несколько раз получила бесплатные лекарства из «Татхимфармпрепараты». Конечно, сначала нужно написать письма с просьбой, какие лекарства, медицинские принадлежности нам нужны. Когда их дают, нужно думать как их привести к нам, найти машину – это было головной болью Назиповой, с этим она справлялась хорошо.

Однажды Генеральный директор «Олимпа» И.Г. Минкин предложил нам, прибывшую из Германии, не новую, но в хорошем состоянии, недешёвую женскую одежду. Какой только одежды там не было, осенние, зимние пальто, брючные костюмы, брюки, пиджаки, плащи! Я посмотрела на все это добро и решила увезти к себе в офис. Потом мы приглашали

своих людей, раскладывали перед ними одежду и они выбирали, что им нравилось.

Помню, как пришла Фанзия апа Валеева со старшей сестрой, она плохо видела и слышала, они 25 лет были в спецпоселении, О, Аллах, как тяжело все это вспоминать и писать, вот стоят они перед двумя зимними и двумя осенними пальто, не знают, какое выбрать: зимнее или осеннее. Я спрашиваю: «Фанзия апа, все четыре хотите взять?». «Можно?». Я говорю: «Берите». Видеть их радость, была и для меня большой радостью. Сколько лет прошло, а я не забываю их радостные лица, и довольна, что не зря взяла эту одежду, они такую не видели. Вскоре, пришла Фанзия апа, на ней пальто с норковым воротником. Я спрашиваю: «Откуда это красивое пальто?». «Сама же дала», – говорит она. Фанзия апа к нам часто ходила, уносила лекарства. Как-то пришла, села рядом, говорит, что плохо слышит, набрала опять кучу лекарств. Подошла уже к выходу, я говорю кому-то, что Фанзия апа, как хлеб ест лекарства, не так громко, а она у дверей мне говорит, что не ест она лекарства, я засмеялась: «Около меня у Фанзия апа слух появляется – у дверей в платке слышит», – тогда мы по-доброму посмеялись. Теперь все постарели и Фанзия апа из дома не выходит, если есть какой-нибудь подарок его относит её куратор Рахимова Резеда Фатиховна. С Резедой мы встретились в нашей организации, оказалось мы обе с ней учились на физмате КГУ, на одной и той

же специальности, у одних и тех же педагогов, только я раньше её на пять лет, хотя мы одногодки. Она честная, принципиальная, реабилитированных своего участка всех знает, помогает им от чистого сердца. По числу членов нашего правления мы свой Приволжский район разбили на 7 участков, у каждого куратора есть его улицы, списки реабилитированных и номера телефонов. Если появляется новость или сообщение, кураторы связываются со своими подопечными по телефону, идут к ним домой, спрашивают о здоровье неходячих. Кураторы и сами репрессированные, работают бесплатно. Вот они: Назипова Земфира, её отец расстрелян, Рахимова Резида, её отец 9.5 лет в концлагере валил лес, Шигабутдинова Дилара, её отец расстрелян, Габдрахманова Илсеяр, её отец 9 лет своей жизни потерял в советском концлагере, Таишева Саня со своей мамой, отцом с братьями и сестрами были сосланы, чтобы строить Магнитогорский металлургический завод, им разрешили вернуться только через 18 лет, Митько Вячеслав, отец расстрелян, Хуснутдинова Рахима со всей семьёй была сослана в Амурскую область – все испытали горести, трудности, лишения детей «врагов народа». Я верю им как самой себе, они своих подопечных не оставят, всегда помогут.

С целью найти спонсоров, мы участвовали и в избирательных кампаниях. Как правило, кандидаты до выборов обещают золотые горы, а потом тебя и знать

не хотят. Есть один депутат в Госсовете, как-то раз он, обещал нам сначала 40 тысяч руб., потом 20 тысяч руб., уменьшая сумму он дошел до одной тысячи руб. Я посоветовала ему эту тысячу оставить себе.

Много раз я ходила на встречу этого кандидата с избирателями, помню мне приходилось идти по глубокому снегу, выступать с призывом отдать свой голос за него. Разве такой человек будет думать о нуждах народа?! Осталось мне только сильно сожалеть и испытывать досаду и восклицать – «Эх, Сизифовым трудом пришлось мне заняться!». Как такие нечеловеки ходят по Земле! Почему-то я вдруг подумала, а ведь палачей застенков НКВД так я ещё не называла.

Льготы, которые были у нас со времени нашей реабилитации, почти исчезли. Мы прося их вернуть, ища помощи писали письма, собирали подписи в ГосДуму РФ, президенту РТ, кабинету Министров РТ, Госсовету РТ. Бесполезно, никто нам не помог, наверное все наши письма пошли в корзину.

Несколько лет назад у нас хотели отнять проездные, мы – репрессированные, ветераны труда, инвалиды в 25-ти градусный мороз, три раза подряд выходили на площадь Свободы к заседанию Госсовета РТ, Выходили с требованием оставить наши проездные, наш уважаемый Туфан Минуллин сказал: «Не будем лишать наших бабушек последней радости». Эти его слова все решили, проездные нам оставили. Пусть душа Туфан абый будет радостна и место в раю. Он,

действительно был сподвижником своего татарского народа, его всегда волновали думы и чаяния его. Он ушел рано, наверное, его сердце не выдержало боли за свой народ.

Чтобы не повторились кровавые репрессии и не повторился геноцид над народом в нашей стране-расстрелы ни в чем неповинных людей, отправка в концлагеря, раскулачивание, депортация целых народов, «философские пароходы», отправленные в открытое море с «врагами народов», чудовищные пытки в застенках НКВД, я стараюсь использовать радио, телевидение и печать. Пишу статьи в газеты в родные города: в Тару – «Тарское прииртышье», в Омск – «Татарский мир», в Казани – «Моя газета», «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Мәдәни җомга», «Безнең гәҗит», журнал «Сөембикә» и другие издания, а так же провожу выступления членов правления на тему репрессий в школах, колледжах. На концертах я часто исполняю, песню «Дикие гуси» на слова Хасана Туфана, музыку Марса Макарова, посвященную теме репрессий.

Каждый год мы ездим в Кызыл байрак на праздник нашего великого композитора Салиха Сайдашева, он тоже был репрессирован. После ареста Карима Тинчурина, произведения Сайдаша запрещались, так как во всех спектаклях звучала его музыка. Последний раз, когда мы ездили на праздник Салиха Сайдаша, администрация театра Галиаскара Камала нам –

реабилитированным любезно предоставила места в автобусе, за что им мы были благодарны.

У нас был обычай, в конце года мы собирали юбилей годов истекшего года, на деньги спонсоров накрывали стол и устраивали концерт в школе № 95. В концерте участвовали учащиеся школы и мы сами, устраивали праздник для своих реабилитированных. Когда устраивали другие мероприятия, то директор школы № 95 г. Казани Бакиров Равиль Сайфуллович всегда нас встречал с распростёртыми руками, помогал отметить День пожилых людей, инвалидов, День Победы и т. д. Приглашал нас и ветеранов на чаепитие, учащиеся школы давали концерт. Мы Равилю Сайфуллович бесконечно благодарны. Никогда с его стороны не было отказа. Даже репетиции нашего ансамбля «Гульдзамал» он разрешал проводить в своей школе. Так же в школьном музее есть уголок, посвященный репрессированным, там собраны все 18 томов Книги Памяти, литература, газеты, журналы, статьи.

Однажды, в отделе социальной защиты нам дали на распространение 30 талонов пообедать в кафе «Стрелка», предполагалось, что люди придут просто покушать 1-е, 2-е и 3-е. Я решила этот обед превратить в банкет. Пошла в кафе, объяснила администратору наше пожелание, попросила сдвинуть столы, со своей дачи принесла укроп, петрушку, красивые яблоки, а на деньги спонсоров купила конфеты, чак-чак. Горячее, печеное готовило кафе. Накрыли большой стол. Тогда

депутатом был С. П. Шашурин, я ему говорю: «Не обрадуете наших людей?». Он отправил своего помощника, который раздал всем по 100 рублей. Тогда на эти деньги можно было купить неплохие продукты, все были очень довольны. С. П. Шашурин был очень щедрый, он нам не раз помогал. При мне были случаи, когда к нему обращались бабушки с просьбой помочь и он тут же вынимал из кармана деньги и давал просящему.

На этом банкете играл баянист Илгиз Усманов, все развлекались – пели, танцевали, без спиртного, было очень весело, я как обычно пела свои любимые татарские народные песни. Мы с Илгизом хотели записать на магнитофон песню, но нигде не нашли розетку, наконец, нашли в туалете и там на подоконнике я записала свою первую песню. Не думала я тогда, что потом запишу свой авторский диск с песнями. На День Победы, День пожилых людей, день Матери, инвалидов и другие памятные дни отдел социальной защиты дает нам пригласительные билеты. Сейчас их выделяют мало всего 10–15 билетов, а раньше мы получали 30–40, а на обеды 2–3 билета, здесь банкет уже не устроишь.

Мы побывали и в Булгарах, когда он лежал в развалинах. Видели могильные камни. В 2017 году снова были там, и восхищались красотой мечетей, восстановленных храмов и строений. В этом же году мы были и в Свияжске и увидели мусульманские могильные

камни в фундаменте церкви – это нас сильно расстроило и разочаровало, а что скажут иностранные туристы – мусульмане?

В Свияжске мы узнали, что десять лет своей жизни Хасан Туфан мучился там, а так же Фатхи Бурнаш, которого после вывезли оттуда и расстреляли в Самаре. Хасан Тугана отправили в Новосибирские леса. Слава богу, он через 17 лет лагерей остался жив и служил татарскому народу своим творчеством. Нам посчастливилось быть и на открытии памятника жертвам политрепрессий – узникам свияжского концлагеря. Затем состоялась конференция, на ней выступали родные погибших здесь родственников. Я до этого не знала, что Х. Туфан 10 лет сидел в Свияжске, для меня это было потрясением, так как я всегда пела его песню «Киек казлар», считая её гимном репрессированных. Я её и здесь спела, не могла удержать рыдания.

Много лет назад мы были на экскурсии в Раифах, тогда я ещё не была реабилитирована и в Раифах для меня открылись страшные подробности: там, оказывается были застенки НКВД, здесь тоже пытали «врагов народа». Экскурсовод рассказывала, что после пыток в комнату к полумертвым истерзанным людям пускали голодных крыс, я думаю, что даже в средневековье не было такого кошунства! Какая мать родила и вскормила грудью изверга, придумавшего эту чудовищность? О том, что в 30-х годах в Раифах была тюрьма и пытки сейчас уже не рассказывают.

Из всех приятных мероприятий, которые я организовывала – это круизы по Волге на теплоходах. Пять раз в 2007, 2008, 2009, 2015, 2016 годах, я возила своих реабилитированных по льготным ценам: в Астрахань, Ярославль, два раза Волгоград, Кинешму, Уфу. Льготные путевки нам всегда давал Генеральный Директор фирмы «Волжские путешествия» уважаемый Самолин Вячеслав Андреевич, он всегда с уважением относился к нам, знал наши возможности, шел навстречу, старался помочь. Перед тем, как поехать в Волгоград, я зашла во Всемирный Конгресс татар, взяла номер телефона волгоградского татарского общественного центра, сказала, что мы собираемся там со своим ансамблем «Гульджемал» дать концерт. Попросила помощи, позвонить, но они были беспечны, а это ведь их работа, вся их помощь была только в том, что дали номер телефона, и на том спасибо.

Я очень разочаровалась тогда в Конгрессе, мне казалось, что их главная обязанность – работа с соотечественниками за пределами Татарстана. Таким образом, не солоно хлебавши в Конгрессе татар, мы поплыли в Волгоград, предварительно я позвонила туда, сообщила, что мы едем к ним.

Итак, подъезжаем, вернее подплываем, к пристани Волгограда, а там нас ждут три машины, конечно, легковые, нас – «Гульджемал» повезли в парк. На улице была 30 градусная жара, солнце светило прямо на сцену, зрители сидели под зонтами, деревьями,

а мы с удовольствием пели своим татарам, которые подпевали нам и пели вместе с нами. У баяниста Фаузии Хасановой пот с лица лил ручьем, у меня тоже, и у ведущей Земфиры Назиповой тоже. Нам было очень жарко, так как на нас были длинные платья, расшитые камзолы, на головах калфаки, вся эта одежда не для 30-градусной жары. Волгоградцы завалили нас цветами. Просили спеть любимые песни: «Сарман», «Райхан», «Рамай» и другие. Мы пели с удовольствием, хотя нам было очень жарко. После концерта нас посадили за стол, хозяева не знали как нам угодить, угощали, вместе с нами пели. Как все были рады общению! Наконец, когда пришло время нам возвращаться на теплоход, нас провожали с песней «Жидегән чишмә». Мы тоже пели вместе, нас просили еще приехать.

Конечно, Казань для татар, живущих за пределами Татарстана, как Мекка для верующих, надо было бы заботиться о них. Это не под силу отдельным Ансамблям.

С большими охапками цветов, мы направились на наш теплоход «Жолио-Кюри», нас проводили на машинах. Оставив город Волгоград и Мамаев курган, мы поплыли по Волге и все цветы бросили в воду. Волга как будто расцвела, так мы склонили головы перед нашими воинами, погибшими на войне.

Вечером на теплоходе по случаю Дня Победы мы дали концерт: сначала по-татарски, потом интерна-

циональный. Мы – татары талантливый народ, надо поем по-татарски, надо по-русски, что примечательно, если начинаем петь, слова знаем до конца, не ля-ля-каем. Как-то на банкете ветеранов в подарок, а до этого я пела татарские песни, я стала петь русский романс «Не пробуждай воспоминаний». Одна русская женщина вышла ко мне и говорит: «Я тоже буду петь», я протянула ей микрофон и говорю: «Пой», а она: «Я слов не знаю». Вот так. Некоторые не любят, как мы поём по-татарски, свои бы песни пели, да слов не знают. Когда одна ведущая приглашала меня петь, говорила, только две песни пойте на татарском, только две, а в зале половина зрителей татары. После меня спрашивают почему я мало песен спела на татарском.

А когда мы со своим ансамблем «Гульдзамал» даем концерт, то с нас требуют 50 на 50, то есть мы должны поровну исполнять татарские и русские песни. Я это сравниваю с тем, что нам дали на изучение татарского языка два часа факультативно. Когда мы плыли по Волге, то каждый день пели на палубе, с берега нам махали, во время остановок на пристанях мы пели для пассажиров других теплоходов, остановившихся вместе с нами. Они выходили на палубу и пели вместе с нами, татар везде много, мы ведь считаемся второй нацией в России, а кто знает, может быть и первая, мы же коренной народ, если бы нас насильно не крестили, с татарскими фамилиями были бы миллионы наших соотечественников, и считали б себя татарами.

Каждый год 30-е октября мы проводим День памяти, тщательно подготовившись к нему. Много лет это было фактически нашей заботой, это и правильно, но и при поддержке отдела соцзащиты и администрации Приволжского района, нас принимали и в культурном центре «Чулпан», Автотранспортном техникуме, и музыкальной школе № 5 на улице Ф. Шалапина, где с 2007 по 2014 годы, провести торжественное собрание помогал нам директор школы Айрат Загирович Яруллин. Он не жалел ни времени, ни сил и уже заранее начинал беспокоиться, приглашал меня как председателя, чтобы решить все подготовительные вопросы. Айрат Загирович предлагал нам концертные номера высокого уровня. Даже со стороны приглашал именитых исполнителей, учащихся-музыкантов, самих педагогов, во время концерта сам сидел за музыкальным пультом, руководил всем мероприятием. Он настоящий музыкант, с любовью исполняющий свою работу, высокопрофессиональный специалист и его педагоги были ему под стать. Мы – реабилитированные за все эти годы безмерно благодарны ему и всегда на его стороне. У нас ведь не любят, кто много и хорошо работает, говорят, «Почему, не я?», а сами не могут. Как-то, я пожаловалась отцу про одну женщину, а папа сказал мне: «доченька, она не может вить твою веревку, поэтому так себя ведёт». На День Памяти собираются теперь дети репрессированных, так как их родители, испытавшие муки ада уже покинули

нас. Как правило, забирали умных, трудолюбивых, талантливых – цвет нации. Дети позаимствовали у родителей их гены, хотя многие не удостоились счастья их видеть. Слушать всемирную классику – это тоже для нас праздник. Эту возможность нам предоставлял в течение 8-ми лет А. З. Яруллин. Например, 31 октября 2007-го года в 13 часов на сцене музыкальной школы № 5 выступал Ансамбль скрипачей школьных педагогов, звучала «Жалоба» Иогана Себастьяна Баха. Никто не остался равнодушным, из глаз текли слёзы – в сердцах горечь утрат. Затем прозвучал романс Рустема Яхина: «Дикие гуси улетают». Мы и не заметили, как промелькнули 1.5 часа, в течение которых мы были во власти божественной музыки, которой нас одарили педагоги и учащиеся школы. Все, у кого незаживающие раны на сердце, наверное, вспомнили своих близких, многие из них никогда их и не видели и я в том числе. Мы были благодарны директору, педагогам, учащимся и обслуживающему персоналу музыкальной школы № 5 Приволжского района города Казани.

В 2015 году 30-е Октября – День Памяти жертв политических репрессий нам организовали администрация и отдел социальной защиты Приволжского района г. Казани. Студенты Института культуры своим выступлением, мини спектаклем, вернули нас к кровавым дням репрессий, к переживаниям, так как на сцене показывали аресты, зеков в полосатых одеждах,

допросы, пытки. Такие сцены теперь не для нас, некоторые потянулись за валидолом. Остаётся надеяться, что молодежи, которая изображала трагедию на сцене, никогда не придется испытать несправедливых обвинений и невозполнимых утрат, потерь.

Являясь председателем ОРПР, я вела дневник и исписала две конторские книги, они позволили мне написать эту книгу, если бы я использовала всё, получилась бы утомительная статистика. 30-е октября День памяти, День скорби, но так до сих пор не установленному количеству погибших и оставшихся в живых узников ГУЛАГа.

Иван Ильин написал такие строки:

«Когда однажды пробьёт час непредвзятого исследования русской истории и выяснится число уничтоженных, заключённых в лагеря, изгнанных и сосланных людей, мир не поверит ни глазам, ни ушам».

Россия как юридический последователь Советского Союза обязана признать осуждение сталинских преступлений на государственном уровне. Мы – репрессированные, с момента нашей реабилитации ждём, когда наше государство попросит прощения за разрушенную нашу жизнь, погибших наших отцов и дедов, за отобранное имущество, моральный и физический ущерб, хотя бы один раз, единовременно возместит нанесённый ущерб. Тогда и народы зарубежных стран начали бы уважать нашу страну.

14. ТАТАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ – РОДНИК ЗАДУШЕВНОСТИ, ГАРМОНИИ И ГРУСТИ

Свою радость и горесть во все века татарский человек выражал через задушевные песни, баиты, мунаджаты. Какую только татарскую песню не возьми, в её словах, мелодии лежит глубокий смысл, это я поняла, когда начала петь на сцене.

Я начала петь поздно – когда вышла на пенсию, потеряла маму, папы уже не было. Но мне вдруг стали вспоминаться его песни: «Уел», «Старый тёмный лес», «Гульджамал», «Саджида», «Аллуки» и другие. Я их впервые услышала в 10 лет, когда отец вернулся из советского концлагеря. У папы был красивый голос, в нем чувствовалась грусть и тоска. Будешь печалиться, если в течение 10 лет, будучи невинным, пройдёшь муки концлагеря, а вернувшись, ещё 9 лет будешь оставаться «врагом народа», так как до реабилитации оставалось столько лет и закроется дорога к любимому учительскому делу. Запоёшь грустно и печально.

Каждую татарскую народную песню можно считать моноспектаклем, когда их слушаешь, содержание предстаёт перед глазами – этому много примеров. Если вспомнить «Гульджамал», то сразу можно представить, как горят свечи, девушки прядут пряжу, шепчутся друг с другом, кто же им мил, и за кого они пойдут

замуж. А в песне «Порт-Артур» видится, как японцы запускают ядра в белые стены города, разрушают его, мужчины защищают город, погибают, но слава о них не меркнет. «Козге ачы джилларда» – в этой песне прослеживается тоска по дому, нивам, где ты собирал зерно, поля с незабудками, где косил траву. В мыслях ты бежишь домой, лежа где-нибудь в бараке, в тюрьме далеко от дома. «Себер татарлары джыры», «Олы юлнын тузаны» и много много других песен, каждая из которых много может сказать о судьбе и чаяниях татарского народа. Я люблю петь эти песни, среди которых есть песни и наших композиторов, превратившиеся в народные.

Если наши песни петь задушевно, красиво, то и у людей других национальностей на коже появляются мурашки, это явление я наблюдала и в Сибири, и в Вильнюсе, где одна литовка испытала восхищение и сказала: «мороз по коже», от песни «Гульджамал», и в Москве, где я была проездом у двоюродного брата Рифката. Он давно живет там, в детстве мы вместе росли в нашем городе Тара, он, как мои многие родные и не знал, что я запела. Я запела в гостях татарскую народную песню «Су буйлап», смотрю – из глаз Рифката полились слёзы, а их любимая собака породы «Лайка» вдруг в такт песне завывала, чего никогда раньше не было, как сказали мне мой брат со своей женой. Конечно, я рада действию наших татарских песен на людей других национальностей. Я сейчас

подумала, с двумя часами в неделю национального языка в школе исчезнет и язык, тогда и песни потеряют свою задушевность, гармонию и самобытность и исчезнут не только татарские песни и язык, но и песни других коренных нерусских народов.

Моё пение началось случайно, я преподавала на кафедре высшей математики в КХТИ, у нас стояло пианино, однажды за пианино сел профессор Юрий Валентинович Малышев и начал наигрывать различные мелодии. Я попросила его сыграть песню Рустема Яхина «Син кайда идең?» (Где ты была?). Она мне очень нравилась. А он попросил меня напеть мелодию этой песни и ему понравилось. Юрий Валентинович пригласил меня спеть на концерте, проходящей тогда в Казани Поволжской студенческой олимпиаде, я согласилась, с того времени я стала петь публично.

Лет 15–20 тому назад в Казани были так называемые «Стационары дневного пребывания», где проработавшие всю свою сознательную жизнь ветераны в течение 15 дней по половине дня отдыхали. На завтраке угощались одним пирожком и пили чай. На обед получали 1-е, 2-е и 3-е блюда. После обеда начиналась культурная программа, подготовленная самими отдыхающими. Мы слушали лекции, смотрели концерты, демонстрировали свои таланты, которых было не мало. Там отдыхали художники, например Тукаев Камиль Хусаинович, поэты, певцы, музыканты Газеев Вольфрам Бареевич, Ильгиз Усманов и другие.

Мы посещали разнообразные экскурсии, которые организовывала заведующая центром Вера Афанасьевна. Со своими лекарствами принимали уколы, массаж, отдохнувшие, с хорошим настроением уходили домой. Эти культурно-развлекательные центры, как говорит мой знакомый сибиряк, кому-то стали «не по шерсти». Они стали в Казани друг за другом закрываться, так как были в каждом районе. Тогда, собрав подписи, с просьбой оставить Станционеры дневного пребывания мы отправили письма председателю Кабинета Министров РТ Р. Н. Минниханову, мэру Казани И. Метшину, председателю Госсовета РТ Ф. Х. Мухаметшину. Толку от писем не получилось. Эти центры были отдушиной для нас – ветеранов, инвалидов ВОВ, тружеников тыла, жертв репрессий, блокадников Ленинграда, детей – узников немецких концлагерей. Нас не услышали. От Приволжского района мы написали, что готовы отказаться от обедов, оставьте нам только наш центр расположенный в 4-хкомнатной квартире по адресу: ул. Рихарда Зорге д. 35. Не получилось, обидно и позорно.

В 2005 году мы с Вольфрамом Газеевым, профессионально исполняющем на курае, мандолине татарские народные песни создали ВИД (вокально – инструментальный дуэт). В этом Станционаре до закрытия еженедельно давали концерты. Вольфрам на мандолине, курае изумительно, проникновенно играл татарские народные мелодии, а так же русские и зарубежные.

Зрители его всегда принимали восторженно. Нашим дуэтом мы вдвоём дали немало концертов – в Доме учёных, который был культурно-просветительским центром для эрудированных, талантливых людей, детей. Там работали всевозможные кружки для взрослых и подростков, проводились концерты и фестивали. Где всё это теперь?

Не редкими гостями мы были в Доме престарелых на Федосеевской улице, около прекрасной Казанки, давали концерт для немолодых обитателей этого дома, после концерта и сами уходили удовлетворенные. Мы не только пели, старались поднять им настроение, слушали их пение и рассказы о нелёгкой судьбе. Этот дом тоже закрылся, от старой Казани и улицы не осталось и следа. В Арском доме престарелых наши сердца сильно щемило – у многих бабушек и дедушек оказывается есть дети. Я разговорила с одной сравнительно не старой женщиной. Её трое детей, среди них одна дочь, оставили её в доме престарелых. Когда я спросила, приходят ли к ней дети, то она и тут стала защищать своих монстров, говоря, что им некогда. Не думают они о своей старости.

Мой отец говорил: «Всё, как тарелка супа предстанет перед тобой». Так оно и есть, я видела примеры чёрной неблагодарности.

Несколько лет наш ансамбль «Гульджамал» пел в мечети «Сулейман» для слабовидящих и незрячих, приехавших из разных регионов – Чечни, Ингушетии,

Дагестана, Башкортостана, Перми, Челнов и других регионов России. Они живут в мечети в течение месяца, учатся арабскому языку, читать намаз, постигают Коран, находятся на полном иждивении спонсоров, мэрии. Мы пели а капелла, они вместе с нами и сами участвовали в нашем концерте. Теперь они переехали в мечеть «Ярдам», красивую, со всеми удобствами для моления, с большим ухоженным участком вокруг мечети и возможностями принимать верующих во время Священного месяца Рамазан, Уразы, Корбан-байрамов.

Если пригласят, мы всегда готовы пойти в мечеть «Ярдам» и спеть для проживающих в это время своих мусульман.

Так же мы много раз выступали на радио «Казань» с интервью, с песнями. На радио выступали известные учёные, писатели, специалисты делились своим опытом, для желающих давали полезные советы, знакомили с научными открытиями, поднимали на более высокий уровень знания страждущих. Через радио «Казань» я нашла своих родных. Как-то я спела татарскую народную песню «Гудьджамал», назвали мою фамилию. Мои родственники позвонили на радио, узнали мои координаты и мы нашли друг друга. Это радио тоже исчезло, её вела прекрасная, знающая свое дело Миляуша Мунировна Андреева, огромное спасибо ей за радушный прием и помощь. Там я записала на компакт-диск свои любимые песни. В течение 8-ми лет, ежемесячно мы – наш Ансамбль «Гульд-

жамал» давали концерты на сцене клуба Медиков. Этот красивейший дворец – памятник старины тоже сравнивали с землёй, наверное, земля в центре кому-то понадобилась. Холл этого здания, с инкрустациями разукрашенные перила лестницы, идущей на второй этаж, красивые столы, кресла, трюмо с большими зеркалами, чтобы накраситься, нарядиться артистам, очень много предметов старины. Как вспомнишь – становится очень горько.

Нас всегда приветливо, с открытой душой встречал директор Клуба медиков Айдар Илдусович Сайфутдинов. Всегда безоговорочно разрешал нам проводить концерт на сцене клуба. Как никому мы благодарны ему. Очень жаль, что клуб исчез, многим татарам, а к нам приходили и русские – ветераны, любящим песни, музыку, мы поднимали настроение, заставляли плакать и петь с нами.

В период с 06.09.05–16.09.05 нам, 4-м реабилитированным Приволжского района города Казани, дали путевки на фестиваль ветеранов, проводимый на круизном теплоходе Казань – Москва – Казань, организованном по случаю 1000-летия Казани. На фестивале я участвовала за Приволжский район и прошла в Гала-концерт. Мне за национальный калорит в исполнении татарской народной песни «Гульджамал» преподнесли благодарственное письмо и подарок. С этого времени мы свой ансамбль начали называть «Гульджамал» и в его составе стало 7 исполнителей.

Из названия видна суть ансамбля – исполнение татарских народных песен и произведений прославленных татарских композиторов, чтобы довести их до молодежи и сохранить.

Начиная с 2005-го года, мы дали много концертов в своем Приволжском районе, городе, в деревнях, на сабантуях в день Республики Татарстан. Мы имеем дипломы, грамоты, благодарственные письма, завоеванные на фестивале ветеранов РТ «Балкыш», почётную грамоту, привезенную из Волгограда. Не сосчитать мест, где мы пели – каждый год в день рождения Г. Тукая поём в его музее, в музее К. Васильева, С. Сайдаша и других музеях. Не оставляли мы без внимания и санатории: «Санта», «Крутушка», «Волжанка», «Ливадия», «Дельфин» и другие. В доме престарелых в деревне «Кун» Пестречинского района РТ, в деревне «Борондык» Кайбицкого района. Приведу отрывок из газеты «Дулкын» после нашего концерта: «Вот кого в красный угол сцены надо поднимать! Вот кто настоящие задушевные, татарские народные песни доводят до нашего народа! С калфака, с камзола, с платья с оборочками Фарзаны излучается настоящая татарская душа». Больше награды для нас не могло быть!

На мероприятиях, организованных администрацией Приволжского района, мы много пели с баянистами Илгизом Усмановым, Фаузией Хасановой. Для записи на моем диске, в песне «Гульджемал»

аккопонировал Илгиз. Для меня его игра – шедевр, на мандолине – Вольфрам Газеев, некоторые песни на баяне исполняла Фауззия Хасанова. Часто на торжественном собрании, посвященном Дню Памяти жертв политических репрессий я пою наш гимн «Киек казлар» на слова Хасана Туфана, музыку Марса Макарова. Эта песня никого не оставляет равнодушным, она нелегкая для исполнения, её очень хорошо пела Нафиса Василова – солистка Ансамбля песен и пляски РТ. Я научилась у неё исполнять эту песню. Пусть земля ей будет пухом!

Я пела и с другими именитыми баянистами и гармонистами, среди них: Ринат Валеев, Кирам Сатеев, Шамиль Шамгунов, Джинан Алтынбаева – у меня в родной Таре, Анвар Гиниятуллин и др

Таким образом, не сосчитать, сколько песен мы спели со своим Ансамблем «Гульджамал». Очень удивились мои родные, однокашники, земляки, когда я их пригласила на свой концерт в родном городе Тара, говорили: «Ты ведь, Фарзана, не пела». Я смеюсь. А если сказать правду – у меня на сердце, наверное, тоска, грусть из-за невинно погибших в сталинских репрессиях, в великой Отечественной войне отцах и дедах, родных, большой моей несбывшейся мечты – не ставшего на ноги Татарского национального университета, из-за моего родного языка, которому оставили в школе 2 часа факультативного изучения. Поэтому я грущу, даже сын с трудом меня слушает,

говорит, что в моих песнях полная безысходность и они хватают его за сердце. Некоторые песни «Ашказар», «Мадинакай», «Сагаты чылбыры» совсем забыты, а «Сарманы», «Шахты», «Уелы» совсем не исполняются. Если песни некоторых современных композиторов петь на русском языке, то там нельзя почувствовать задушевность, гармонию татарской песни. Иногда в татарских песнях проскальзывают известные русские мелодии, конечно, это мое личное мнение. Меня успокаивает, что в Австралии, Финляндии, Америке, Японии и других странах живущие татары, более трепетно относятся и знают свой родной язык, религию, культуру.

На хор педагога «Мугаллим», я попала случайно, меня как руководителя фольклорного ансамбля «Гульджемал» пригласили в администрацию и сказали, что я со своим ансамблем буду выступать в фестивале «Балкыш-16» и мы будем петь в городском сводном хоре за Приволжский район. Сводным хором руководил мастер своего дела, композитор, Альберт Зарифович Шакиров, а, Вахитовско-Приволжским Мулланур Гаянович Габитов. Таким образом, мы стали ходить в два места – в дворец Саида Галеева и Дом просвещения на улице Баумана. Оказывается в хоре петь нелегко, но Мулланур Гаянович, преданный своему делу профессиональный руководитель хора, может научить желающего петь и имеющего на это занятие голос. Когда я впервые услышала в исполнении хора

татарскую народную песню «Бодра Тал», то была восхищена. Я подумала, если у нас есть такой хор, то наш язык, наша татарская народная песня не исчезнет, Только этот хор надо поднять на заслуженную высоту не только в Казани, но и в Татарстане, в РФ. Чтобы хор работал успешно нужны какие-никакие условия: музыкальное сопровождение, у хора нет даже нормального баяна, если имеющийся баян звучит плохо, то его постукивают, как раньше стучали по телевизору, если он плохо показывал. И горько, и смешно. А на спорт тратим миллионы рублей. Хористам нужны, конечно, красивые платья. Существующие платья сшиты, как говорят у татар, в ханские времена. Бурановские бабушки по всему миру катаются, мы ничем не хуже их. С первого раза в конкурсе «Голос» завоевала первое место наша Дина Гарипова, наша Альбина Шагимуратова – российская и мировая оперная певица, лауреат Международного конкурса имени П. И. Чайковского, народная артистка РТ и заслуженная РФ покорила весь мир, наш Хайдар Бегичев один из 9-ти исполнителей мира партии «Отелло». Много примеров можно привести о татарских исполнителях.

Наши татарские задушевные, протяжные песни, очищают душу, могут жизнь слушателя направить в другое русло, я свидетельница этому.

Как-то раз летом на даче, под деревом пьянствовали три мужика. Я терпеть не могу пьянства, у меня папа не пил, брат и мой сын не пьют, и внуки, я знаю,

если ты плотнёшь хотя бы 10 грамм спиртного, то твои молитвы 40 дней не зачтутся. Я подошла к пьянствующим и говорю: «Давайте я вам спою», а у самой перед глазами картина, как за столом мой отец поет старинную татарскую песню «Уел». Вот я её и затянула почему-то. Когда закончила петь, то один, весь в наколках, русский сказал: «У меня мурашки по всему телу, какой жизнью я живу?». Наши песни и лечат, и заставляют задуматься, и петь, и плакать.

Наша задача, чтобы наш золотой песенный фонд, через хоры, песенные ансамбли, отдельных исполнителей доводить до народа, до молодежи. Единственному поющему в четыре голоса – сопрано, тенор, альт, бас хору «Мугаллим» необходимо помогать.

«Если будут существовать исполнители, люди, любящие свои песни, свой татарский народ, тогда мы сохраним свой язык, культуру, этнос, историю – без этого мы рискуем превратиться в манкуртов. Нам, старшему поколению, необходимо успеть сделать так, чтобы через смену поколений наши традиции, наш татарский язык и наша культура жила в веках. Да будет так!».

Фарзана Кулеева

Используемая литература

1. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Омск, 2001.
2. Рафаэль Мустафин. Мы поименно вспомним всех. Казань, 2011.
3. Журнал Сююмбике (Сөембикә) № 10, октябрь, 2009.
4. Журнал Сююмбике (Сөембикә) № 10, октябрь, 2010.
5. Газета Мадани Джомга (Мәдәни жомга) № 3, 26 января, 2018.
6. История Татарстана (Татарстан тарихы). Начало XX–XXI веков, 9 класс. Казань (Казан), 2006.
7. Герард. Миллер. История Сибири, Т 1–2. 1937-1941 гг.
8. Политические репрессии в Татарской АССР сквозь призму подлинных документов и воспоминаний. Казань, 2011.
9. Фаузия Байрамова. Кучум хан (Кучем хан). Казань, 2007.
10. Алексей Степанов. Расстрел по лимиту. Казань, 1999.
11. Фарзана Кулеева. Статьи в газетах: Ватаным Татарстан, Шахри Казань (Шәһри Казан), Наша Газета (Безнең Гәжит), Мадани Джомга (Мәдәни жомга), Моя газета, Тарское Прииртышье г. Тара, Омская область, Татарский мир (Татар дөньясы). г. Омск .
12. Так же сайты из интернета о Габдерашите Ибрагимове, о политических репрессиях.

Содержание

Предисловие	5
1. Ссылка семьи Алтынбаевых в Сибирь	7
2. О роде Кулеевых	37
3. Политические репрессии не обошли и мою семью.....	47
4. Политическим репрессиям был подвергнут и мой отец	71
5. Как мама ходила из дома в дом	80
6. В Великой Отечественной войне участвовали и мои родные	95
7. Невозможно забыть	102
8. Моя мама – драгоценный камень в перстне нашего рода	109
9. Наша школа была не только центром образования, но и центром культурного просвещения.....	130
10. Встреча.....	150
11. Моя общественная работа	160
12. Татарский национальный университет – самая большая не сбывшаяся моя мечта	182
13. 30 октября – День памяти жертв политических репрессий	195
14. Татарская народная песня – родник задушевности, гармонии и грусти	250
Заключение	262

Мухамматшариф Абубакирович и Фагыйла Ганиевна со своими детьми, посередине их – мой отец Галляметдин. 1912 год.

Мои родители – Галляметдин Мухамматшарифович и Васфиджамал Фатхулловна. 1937 год

Кулеевы: слева направо Булат, Фагмия, Фарзана, Фархана. 1944 год. До возвращения нашего отца из концлагеря еще четыре года.

Кулеев Галляметдин с друзьями – «врагами народа» в Углической тюрьме. 1946 год

Пионерская дружина татарской средней школы № 8 города Тары. 1949 год.

*Кулеева Фарзана
и Алтынбаева Нурджиган.
Город Тара. 1950 год.*

*Кулеева Фарзана
со школьной Доски почета.
1952 год*

*Мои старшие
сестры – сидит Фархана,
сзади – Фагмия Кулеевы.
1955 год.*

*Выпускной класс татарской средней школы № 8
1955 года города Тары Омской области. Во втором ряду
сидят учителя, слева направо четвертым директор
школы Иштиряков Кафи Абдулович, пятым – классный
руководитель Варкентин Корней Аронович*

Коллектив учителей татарской средней школы № 8 города Тары. 1955 год.

Кулеева Васфиджамал с дочерью Фарзаной. Казань, 1956 год

*Сидит Кулеева Фарзана,
рядом – Рожкова Лидия ,
физмат КГУ-подруги
однокашники, 1956 год.*

*Моя старшая сестра
Фархана. 1956 год.*

Сафин Айрат, Кулеева Фарзана. 1958 год

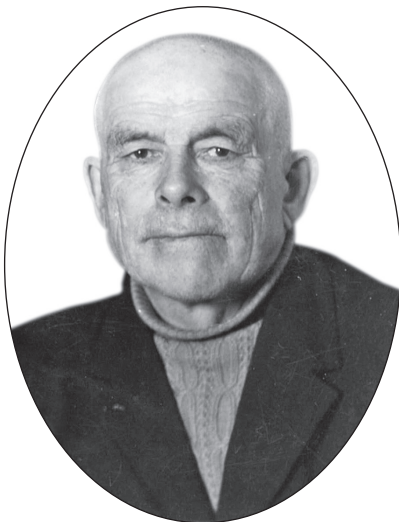
*День Родного языка
в Казани. Поэт
Кулеева Фарзана,
аккомпанирует
Гиниятуллин Анвар.
2015 год.*

*Моя старшая сестра
Фагмия. 1959 год.*

*Кулеева Фарзана –
преподаватель кафедры высшей
математики КАИ. 1968 год*

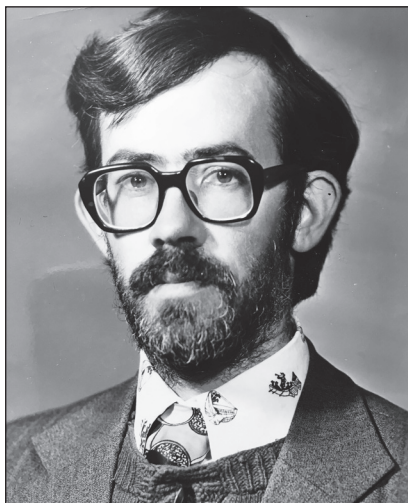
Мои родители – Кулеевы: Галляметдин Мухамматшарифович и Васфиджамал Фатхулловна. 1964 год.

Сёстры Кулеевы – Фагмия и Фарзана. 1969 год.

Мои родители – Кулеевы: Галляметдин М., Васфиджамал Ф. 1971 год

*Мой двоюродный брат Ку-
леев Игорь Гайнетдинович,
доктор физико-математи-
ческих наук. 1980 год.*

*Кулеева Фарзана у вечного
огня. Казань, 1982 год.*

*Моя мама Васфиджамал Ф., отец Галляметдин М.
с внуком Рашидом*

Копия.

РСФСР

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Кулеевой Фарзаны Тагильмовны, родившейся в г. Тары Омской области 24 марта 1938 года, в том, что она, поступив в 1945 году в Тарскую среднюю школу №8 г. Тары, Омской области, окончила полный курс этой школы в тысяча девятьсот пятьдесят пятом году и обнаружилась при отличном поведении

следующие знания по предметам:

Русский язык	5 (отлично)	Всеобщая история	5 (отлично)
Литература	5 (отлично)	Конституция СССР	5 (отлично)
Алгебра	5 (отлично)	География	5 (отлично)
Геометрия	5 (отлично)	Физика	5 (отлично)
Тригонометрия	5 (отлично)	Астрономия	5 (отлично)
Естествознание	5 (отлично)	Химия	5 (отлично)
История СССР	5 (отлично)	Иностранный язык	5 (отлично)
		Родн. язык (татарск.)	5 (отлично)

На основании постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 21 июня 1944 г. №750 „О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе“ Кулеева Фарзана Тагильмовна награждена Золотой медалью. Настоящий аттестат, согласно §4 Положения о золотой и серебряной медалях „За отличные успехи и примерное поведение“, утверждённого Советом Народных Комиссаров Союза ССР 30 мая 1945 года, даёт его владельцу право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов.

Выдан „29“ июня 1955 г.

№ 002962

Директор школы /И. Цитеряков/.
Заместитель директора по учебной части /И. Хусаинова/.
Учителя: /И. Варкентин/.
/И. Бакирова/ /И. Баширова/ /И. Абдрахманова/ /И. Щербатова/

Аттестат зрелости Кулеевой Фарзаны, об окончании татарской средней школы г. Тары. 1955 год

Кулеева Фарзана Галямовна

Мама – драгоценный камень в перстне нашего рода

Компьютерная верстка *Левина В.А.*

Подписано в печать 29.08.2017. Формат 60 x 84¹/₁₆.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 16,97.
Тираж 200 экз. Заказ 29.08/18-2.

Издательство Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.